

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 4 (20)

2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Поляков А. Г.* Динамика распространения викторианского течения в Русской православной церкви в конце 1920-х гг. 3
- Гарбуз Г. В.* Формирование землеустроительных комиссий в Поволжье 11
- Сапон В. П., Стряпихина А. А.* Новые подходы к организации трудовой и учебной деятельности в годы НЭПа (на материалах Нижегородской губернии)..... 19
- Камардин И. Н.* Пьянство среди рабочих поволжья в период НЭПа 26
- Захаров А. В.* Предложения и просьбы жителей Саратовской области как источник изучения социально-экономического развития региона 34

ФИЛОСОФИЯ

- Платонова С. И.* Феноменологическая социальная теория в контексте неклассической парадигмы социального исследования 42
- Прохоров А. В.* Корпоративная культура как основа имиджа университета 50
- Баринов В. А.* Цирк – объект философского анализа 57
- Горина Е. В.* Миграция населения как объект социально-синергетического осмысления в условиях глобализации 69
- Розенберг Н. В.* Региональная идентичность: роль природных и культурных факторов 79

ФИЛОЛОГИЯ

- Ренц Т. Г.* Экспрессивно-эмотивный аспект романтического общения 86
- Плисов Е. В.* Языковые особенности употребления ангельской песни в немецком богослужении 93
- Жаткин Д. Н., Крехтунова Е. В.* «To thyrga» Дж.-Г. Байрона в переводческом осмыслении Д. Л. Михаловского 100
- Бутенко А. А.* Индивидуально-авторский концепт «ПРОСТРАНСТВО» в поэзии Т. С. Элиота 1910–1920 гг. 106

<i>Мушникова Е. Н.</i> Зоометафора в языковой картине мира русского и английского языков	114
<i>Алешина И. А.</i> Концепт «торговля» в русских аргос	121

ПЕДАГОГИКА

<i>Влазнева С. А.</i> Контроль и оценка знаний студентов в процессе изучения экономической теории	130
<i>Толстых Ю. И.</i> Критерии оценки успешности адаптации студентов-первокурсников в вузе	137
<i>Шкуров А. Ю.</i> Развитие государственно-общественного управления на уровне образовательного учреждения	143
<i>Тымченко Е. Ю.</i> Модель многопрофильной гимназии как механизм обеспечения инновационных педагогических практик и качества образования учащихся	152
<i>Лобачева Е. Ю.</i> Интегрированный курс «Современная физика и экономика» как средство единства естественно-научного и гуманитарного знания	158
<i>Мубинова З. Ф.</i> Принципы этнонационального воспитания в процессе преподавания истории и обществознания в общеобразовательной школе	167
<i>Лабутина Е. В.</i> Формирование профессиональной надежности будущих юристов в процессе вузовской подготовки	178

ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВИКТОРИАНСКОГО ТЕЧЕНИЯ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ 1920-х гг.

Аннотация. В статье на основе архивных материалов освещаются качественные и количественные характеристики викторианского течения в Русской православной церкви, возникшего на почве неприятия официального церковно-политического курса, направленного на безоговорочную легитимацию светской власти и ее политики. В конце 1927 – 1928 г. оно формировалось как массовое течение, представлявшее собой преимущественно легальные приходские общины, придерживающиеся одной с официальной Церковью традиционной религиозной культуры.

Ключевые слова: Епископ Виктор (Островидов), викторианство, социально-демографическая структура, возникновение, география, численность.

Abstract. The article is dedicated to Victorian trend in Russian Orthodox Church. The trend «Victorian» was named after its leader, the Bishop Victor (Ostrovidov). The emergence of such trend was caused by the disapproval of the official church-political course loyal to the Soviet state. The trend was forming in 1927 – 1928 as a movement of legal parish communities which had the traditional religious culture with the official Church.

Key words: Bishop Victor (Ostrovidov), «Victorianism», social and demographic structure, the origin of «Victorianism» and its dissemination.

Как известно, епископ Ижевский и Вотский Виктор (Островидов) – первый из иерархов, кто открыто выступил против июльской церковной Декларации 1927 г. и в целом церковно-политического курса заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, направленного на безоговорочную легитимацию светской власти и ее политики. Он увидел в этом ущерб внутренней духовной свободе Церкви, вынужденной вновь следовать за прагматическими интересами светской власти вместо того, чтобы придерживаться принципов аполитичности при условии признания и подчинения правительству. Викторианское течение в Русской православной церкви – первая, одна из самых масштабных и наиболее радикальная из церковных оппозиций политическому курсу митрополита Сергия (Страгородского), перешедшего на сближение, со вставшей на путь модернизации страны, большевистской властью [1].

Первыми, кто вслед за епископом Виктором не принял Декларацию и возвратил ее обратно, были священники Воскресенского собора г. Вятки Григорий Захарович Попыванов и Михаил Валентинович Глушков [2, л. 219]. Произошло это в период между 23 сентября и 2 октября 1927 г. Практически в это же время аналогичную позицию занял благочинный 1-го округа Вятско-

го уезда Вятской губернии протоиерей Покровской церкви с. Филейка Леонид Юферев [3]. Аналогичную позицию по отношению к декларации занял игуменья Февронья (Юферева) со своими монахинями, игуменья нелегального женского монастыря в с. Филейка Эмилия (Баранова) и несколько священников г. Вятки [2, л. 219].

Если в сентябре-октябре 1927 г. среди викториан в основной массе было духовенство, то в результате активной агитации последних уже с ноября наблюдается рост массовой поддержки взглядов епископа Виктора среди верующих г. Вятки и окрестностей [4, л. 7–11].

Одним из главных центров викторианского движения в Вятской губернии стал Котельничский уезд. Протоиерей Иоанн Попов, благочинный 1-го округа Котельничского уезда, был одним из первых священников Вятской губернии наряду с Г. Попывановым и Л. Юферевым, не принявших Декларацию. 22 октября (5 ноября) в письме самому митрополиту Сергию он отказался распространять пять присланных экземпляров копий Декларации «ввиду требований представителей прихожан» [5, л. 194]. То же самое он сделал и в отношении послания архиепископа Павла от 1–14 декабря 1927 г. И. Попов склонил на свою сторону весь свой благочиннический округ, за исключением двух-трех сел [6, л. 6 об.]. В конце 1927 г. в г. Котельниче возглавил работу по распространению идей епископа Виктора священник Троицкого собора Петр Образцов. В начале 1928 г. Леонид Несмелов становится, наряду с И. Поповым, находящимся в с. Ильинском, лидером викторианского движения в Котельничском уезде. Викторианскому влиянию он подчинил свое благочиние [7, л. 12].

Следующим крупным центром викторианского движения стал Яранский уезд. Осенью 1927 г. в Яранском уезде священником Иоанном Фокиным на нелегальном благочинническом собрании обсуждался вопрос о переходе на викторианскую платформу [8, л. 2]. В начале 1928 г. очередное собрание, не разрешив вопроса о поддержке митрополита Сергия, командировало И. Фокина в г. Глазов и Вятку «с целью узнать, где «истина» [9, л. 29]. В г. Глазове епископ Виктор назначил благочинным 5-го округа Яранского уезда священника с. Падерино Иоанна Фокина. В с. Советске викториан возглавил священник Николай Мышкин. Он уже в 1927 г., получив воззвания Виктора, стал распространять их среди верующих. Епископ Виктор назначил Мышкина благочинным.

В конце 1927 – начале января 1928 г. викторианское движение начало успешно распространяться в Халтуринском уезде. Благочинный 1-го Халтуринского округа священник Иоанн Рудин склонил значительную часть духовенства своего благочиния принять платформу епископа Виктора [6, л. 6–6 об.]. Организующим и руководящим центром викторианства в г. Слободском являлась Никольская церковь во главе с настоятелем протоиереем Николаем Крекниным [10, л. 335].

На 1 октября 1928 г. в Вятском уезде соотношение викторианских и сергианских приходов было равное. В г. Вятке церквей, поминающих епископа Виктора, было четыре: Александро-Невский собор, Серафимовская церковь, Хлыновская церковь, Воскресенский собор. Церквей у сторонников митрополита Сергия – шесть, обновленческих – три. В Котельничском уезде около половины приходов были викторианскими, около десяти – сергианскими, из них часть верующих разделена пополам между викторианами и сергианами, один приход обновленческий и один приход разделен между об-

новленцами и сергианами. В Яранском уезде было 59 сергианских, 20 викторианских, 7 обновленческих церквей. В г. Яранске из трех две сергианские и одна обновленческая церкви. Викторианских храмов не было. В с. Советске из четырех церквей – три викторианские, одна – обновленческая. Церквей викторианской и сергиевской ориентации в Халтуринском уезде было одинаковое количество при незначительной доле обновленческих храмов. В остальных уездах Вятской губернии викторианское движение носило менее масштабный характер. В г. Слободском было два викторианских храма из пяти. По Слободскому уезду имело место преобладание сергианских церквей, викторианских и обновленческих храмов было по три. В г. Уржуме из четырех церквей две были в подчинении митрополиту Сергию, одна – викторианская и одна – обновленческая. В бывшем Уржумском уезде около 10 церквей – сергианских, четыре – викторианских, одна – обновленческая.

Всего, по подсчетам краеведа С. А. Шихова, на 1 октября 1928 г. в Вятской губернии было церквей: сергианских – около 300, обновленческих – около 40, викторианских – около 150, или 38,5 % от общего количества православных храмов. Вместе с тем автор делает оговорку на возможность неполноты приведенных данных [11, с. 34–36, 48–51; 12]. Следует отметить, что определение сергианских приходов в количестве 300 встречается в документах вятского епархиального совета еще в апреле 1928 г., при этом имеют место сведения о запоздании с мест отчетов о принадлежности приходов [13, л. 52–57об.].

В вятской прессе за октябрь 1928 г. приведены сведения, что епископа Виктора в Вятской губернии поддерживало 150 из 554 (340 – сергианских, 64 – обновленческих), или 27,07 % всех приходов [14, с. 2].

Епископ Вятский и Слободской Стефан в своем докладе заместителю Патриаршего Местоблюстителя и временному Священному Синоду осенью (до 24 октября 1929 г.) говорил о том, что викторианство смогло отторгнуть от Вятской епархии 1/3 приходов целиком, а в патриарших приходах не менее 1/4 верующих порвали со своими храмами и причтами, перейдя в соседние викторианские [15, л. 93]. Условно принимая, что объем 1/4 части верующих 300 сергианских храмов составляет 75 приходов, а при 340 храмах – 85 приходов, получается, что общее количество викторовцев составляло: по одной версии – 225 (45,9 %), по другой – 235 (42,4 %). Численность же сергиан соответствовала 225 (45,9 %) или 255 (46 %) приходам. Материалы архивно-следственных дел указывают на то, что викториане составляли половину от общего числа верующих Вятской епархии [16, л. 3]. В источниках встречается и нижний порог, отнюдь не противоречащий вышеприведенным данным, в определении количества верующих, порвавших с сергианской церковью и уклонившихся в викторианство. Таковых, по подсчетам активного борца с викторианством временного управляющего Вятской епархией епископа Котельничского Никифора, на начало 1929 г. было не менее 200 000 человек [17, л. 82].

Таким образом, можно говорить, что в Вятской губернии в апреле 1928 г. – начале 1929 г. при соотношении викторовских и сергианских приходов 1:3 имело место примерное количественное равенство сторонников епископов Виктора и митрополита Сергия.

Представления о социально-демографической картине наиболее активных вятских викториан дает анализ архивно-следственных дел репрессиро-

ванных священно-, церковнослужителей и верующих. На настоящий момент нами выявлено 362 человека, репрессированных с 1928 по 1932 г. и к настоящему времени реабилитированных¹.

По сферам занятости:

1. Священно-, церковнослужители²: священников – 113; дьяконов – 13; псаломщиков – 18; монашествующих – 85. Итого: 229 человек.

2. Верующие: церковных старост и членов церковно-приходских советов – 20; сторожей в церкви – 8; просвирниц и певчих – 8; крестьян – 34 (из которых не менее 2 колхозников, 14 кулаков, 12 середняков); кустарей – 9; бывших торговцев, фабрикантов, заводчиков – 15; домохозяек – 12; лиц без определенных занятий – 6; без определенного места жительства («бродяги», «странники») – 7; прочих сфер занятости (адвокат, сапожник, санитар психической больницы, столяр-переpletчик, сторож, мещанин, пенсионеры) – 8; деятельность не установлена – 8 человек. Итого: 136 человек.

Пол: мужской – 217 человек; женский – 148 человек.

Возраст: 20–30 лет – 21 человек; 30–40 лет – 63 человека; 40–50 лет – 91 человек; 50–60 лет – 109 человек; свыше 60 лет – 37 человек; не указан – 44.

Национальность: русские – 324; украинцы – 1; мари – 1; евреи – 1; не установлена – 34.

Образование: грамотные – 55; начальное – 101; среднее – 25; высшее – 36; не установлено – 248 человек. Итого: имеющих образование – не менее 217 человек.

Особым образом признание епископа Виктора своим духовным руководителем происходило в Вотской автономной области. Специфичность этого процесса главным образом была обусловлена вновь начавшейся осенью 1927 г. неразберихой в церковно-административном управлении. В целях выяснения, кто же все-таки управляет приходами в Ижевской епархии и кого следует почитать за богослужением, с соответствующей просьбой к митрополиту Сергию обратился церковно-приходской совет Михайловского собора г. Ижевска. В ответ заместителем патриаршего местоблюстителя 13 декабря 1927 г. был отправлен документ следующего содержания: «Определением своим от 8.12.-27 г. за № 174 постановили: сообщить церковно-приходскому совету Михайловского собора гор. Ижевска, что на Ижевскую Епископскую кафедру назначен преосвященный Епископ Трофим (Якубчук), бывший Кубанский, а до приезда управление Вотской Епархией временно поручено Преосвященному Воткинскому Онисиму» [18, л. 237].

20 декабря 1927 г. благочинный церковью г. Ижевска протоиерей Владимир Ильич Замятин³ ознакомил ижевских священников с письмами епископа Виктора, в которых последний призывает благочинного работать в контакте с игуменом Аркадием Григорьевым из Покровской церкви. Об иеромонахе Аркадии владыка писал: «Если Вы потеряете Аркадия, то потеряете с ним и православие». В письмах были изложены взгляды епископа Виктора на митрополита Сергия и его Синод. Духовенство в количестве семи человек пору-

¹ То есть в деле указано, что их «преступная» деятельность напрямую связана с их принадлежностью к викторианству.

² Сюда не включены еп. Виктор (Островидов) и Нектарий (Трезвинский).

³ В 1923 г. был священником Покровского собора, в котором в то же время псаломщиком был Аркадий Павлович Григорьев. Последний в 1924 г., уже став иеромонахом, служил священником указанного собора [19, л. 3–4, 67].

чило благочинному запросить епископа Виктора, состоит ли он в общении с митрополитом Сергием и о какой тайной лести членов Патриаршего Синода он пишет [18, л. 237].

Подробно события декабря 1927 г., связанные с вопросом распространения взглядов епископа Виктора в г. Ижевске, описал Сергею Александровичу Левицкому в своем письме от 4 января 1928 г. житель г. Ижевска (письмо подписано – «В. Серг.»). В письме красной нитью проходит мысль о полной растерянности ижевского духовенства и верующих в вопросе признания правоты епископа Виктора либо митрополита Сергия [19, л. 228–229].

1 января 1928 г. состоялось собрание Покровского собора (присутствовали 113 человек и благочинный В. Замятин). На повестке дня стоял вопрос о поминовении епископа Виктора или епископа Онисима. Заслушав доклад игумена Аркадия о прекращении подчинения епископа Виктора митрополиту Сергию, а также о поминовении епископов, собрание постановило: «Епископу Виктору собрание доверяет попечение о спасении своих душ, считая более направлением его духовных убеждений, предложить причту Покровского собора впредь до приезда вновь назначенного Епископа Трофима продолжить поминать за богослужением епископа Виктора, о каковом постановлении поставить в известность епископов Виктора и Онисима, ходатайствуя перед последним о снятии запрещения в богослужении о. игумену Аркадию, считая, что он исполняет волю своего прихода. Одновременно возбудить ходатайство дополнительно перед высшим Епархиальным Управлением об оставлении епископа Виктора на занимаемом им посту Вотской и Ижевской Епархии, для какового ходатайства и уполномочивает граждан Покровского собора Дерендеева А. А., Андреева М. В., Воронину А. И., Соболева Е. И.» [19, л. 266].

В январе 1928 г. в своем письме, содержание которого было известно «активу» Покровского собора г. Ижевска, С. Левицкий, как уже было ранее нами отмечено, сообщил о том, что шесть епископов, отколовшихся от митрополита Сергия, принесли покаяние, вернулись к нему. По сведениям указанного автора, епископ Дмитрий – единственный из оставшихся оппозиционеров высокого ранга – надеялся только на поддержку епископа Виктора. Эта информация, а также распространение по церквям документа митрополита Сергия и его Синода о наложенных прещениях в отношении епископа Виктора и начавшаяся «травля» со стороны духовенства, призывающего верующих не ходить в «безблагодатный» Покровский собор, побудили собрание приходского совета 10 января 1928 г. принять решение о поминовении епископа Трофима, однако при условии, что духовным руководителем продолжает быть епископ Виктор [19, л. 245].

Если предположить, что все приходы Глазовской епископии Вотской автономной области в административном порядке приняли решение Глазовского Духовного Управления о признании своим духовным руководителем епископа Виктора, то глазовских викторианских приходов могло быть до пятидесяти трех¹. Однако точной информацией о количестве викторианских приходов в Глазовской епископии мы не располагаем. Вместе с тем имеются сведения, указывающие на достаточную широкую распространенность викторианства в Глазовском уезде Вотской автономной области в 1928 г. Так, в конце 1928 – начале 1929 г. три благочиннических округа, принесли покая-

¹ Данная цифра взята нами из списка действующих и закрытых церквей Глазовской епархии на 1935 г. [20, л. 14–14 об.].

ние в подчинении епископу Виктору, присоединились к митрополиту Сергию. Котельничский епископ Никифор (Ефимов), временно управлявший Вятской епархией, обратился 1 февраля к митрополиту Сергию с рапортом, в котором просил разрешить епископу Авраамии управлять выходящими из раскола приходами Глазовского уезда с временным предоставлением статуса правящего архиерея. В начале марта 1929 г. из Патриархии был получен указ от 22 февраля 1928 г., которым епископу Уржумскому Авраамии поручалось «временно окормлять присоединившиеся приходы Глазовского уезда с непосредственным сношением с Патриархией». Под управлением епископа Авраамия оказалось около 30 храмов Глазовского уезда [11, с. 65–66; 21]. По сведениям епископа Никифора, все духовенство г. Глазова принесло покаяние и подчинилось митрополиту Сергию.

Как видно из вышесказанного, викторианство в Глазовском уезде к концу 1928 г. не только перестало доминировать над сергианством, но и практически шло к самоликвидации. Отход от епископа Виктора произошел в организационном плане так же массово и быстро, как и в декабре 1927 г. от митрополита Сергия. Уже в октябре 1928 г. благочинный О. В. Лобовников по поручению своего округа обратился к епископу Виктору с письмом. В нем настаивали, чтобы владыка принес покаяние перед высшей церковной властью за себя и духовенство и прекратил произведенный им раскол. В противном случае, как указывал автор письма, духовенство Глазовской епископии планировало искать выход из раскола самостоятельно, помимо епископа Виктора [17, л. 27]. Следует особо отметить, что стремление откорректировать свою позицию по отношению к епископу Виктору и митрополиту Сергию со стороны глазовского духовенства имело место уже в самом начале 1928 г., т.е. практически через две недели после собственного признания своим духовным руководителем епископа Виктора. Связано это было с муссированием информации о том, что митрополита Сергия поддержало подавляющее большинство высшей иерархии, а тающие силы «оппозиционеров» ничтожны. В «слезнице» к ижевскому протоиерею В. Замятину глазовское духовенство писало о том, что оно попало в неловкое положение только благодаря епископу Виктору и не прочь пересмотреть свое постановление [19, л. 245].

Примечательно, что и после подчинения глазовских приходов митрополиту Сергию почитание епископа Виктора среди рядовых верующих не исчезло. Только этим, на наш взгляд, можно объяснить то, что 3 сентября 1929 г. временно управляющий Глазовским викариатством епископ Уржумский Авраамий обратился с рапортом к епископу Вятскому Стефану, в котором спрашивалось, как молиться о бывшем епископе Глазовском Викторе, допустимо ли возносить его имя за богослужением. Затрудняясь ответить на этот запрос, епископ Стефан переправляет его в Москву митрополиту Сергию. Ответ, полученный в октябре 1929 г., говорит о том, что молиться как «о частном лице, конечно, допустимо, но возношение его имени на том месте, где поминается правящий архиерей, совершенно неуместно, тем более что и Глазовским Епископ Виктор не состоит уже давно» [11, с. 73].

Среди активных глазовских викторианских священников можно отметить удмурта Дмитрия Поздеева из с. Чувоя Глазовского уезда, который в Сарапульском уезде, выдавая себя за святого и прозорливого среди удмуртов, в апреле 1929 г. говорил, что только он является «истинным пастырем», поскольку признает своим главой епископа Виктора. Остальные священники, по

мнению Д. Поздеева, являлись «отщепенцами», а духовенство и архиерей Сарапульского уезда – обновленцами. Поэтому с ними нельзя иметь молитвенного общения, брать у них благословения, посещать их храмы, целовать у них крест и т.д. [22, л. 6–6 об.].

«Точечно» викторианство было распространено и за пределами Вятской губернии и Вотской автономной области. Так, в Пермском крае в Сивинском районе к епископу Виктору перешли приходы сел Екатерининское, Ново-Михайловское, Сатинское, Усть-Клюкинка, а также находившийся в последнем селе нелегальный женский монастырь. Также викторианская группа, в которую входило местное монашество, существовала в с. Сосновка Сосновского района. Лидером пермских викториан являлась игуменья Усть-Клюкинского монастыря Феофания (в миру Ольга Сметанина), которая ездила к епископу Виктору, а затем посещала приходы района «с целью склонить на свою сторону и духовенство» [23, с. 155].

В Марийской автономной области с 1928 г. викторианские приходы сел Елембаево, Макманур и Табайкино обслуживал священник с. Люмпанур Яранского уезда Вятской губернии В. В. Попцов. Исполняя обязанности благочинного, В. В. Попцов назначил священников А. И. Тумбасова (из с. Кресты Яранского уезда Вятской губернии) и Теплякова в села Табашино и Елембаево [24].

Особого внимания требует рассмотрение вопроса о распространении взглядов епископа Виктора среди ленинградских антисергиан. По сведениям Л. Е. Сикорской со ссылкой на архив УФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, письма епископа Виктора¹, а также другие документы широко распространялись среди верующих и духовенства, о чем сообщал в своем донесении в Москву 17 марта 1928 г. начальник Ленинградского ОГПУ. О распространении воззваний епископа Виктора в своих показаниях во время следствия в 1931 г. говорил С. А. Левицкий [23, с. 153]. Сохранившиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики письма С. А. Левицкого, примерно относящиеся к началу января 1928 г., дают представление о социально-психологической атмосфере в Ленинграде, связанной с восприятием церковно-политического курса митрополита Сергия, а также о влиянии епископа Виктора на антисергианские взгляды лидера иосифлянства архиепископа Дмитрия Гдовского [19, л. 245]. Так, в одном из писем С. А. Левицкий пишет о том, что шесть епископов, отколовшихся от митрополита Сергия, принесли покаяние, вернулись к нему, а епископ Дмитрий, единственный из оставшихся оппозиционеров высокого ранга, надеялся только на поддержку епископа Виктора [19, л. 245].

Таким образом, широко распространяемые и поддерживаемые антисергианские взгляды епископа Виктора привели в ноябре–декабре 1927 г. к церковному разделению, получившему название «викторианство». Оно в конце 1927 – начале 1928 г. формировалось как течение в Русской православной церкви, представлявшее собой преимущественно легальные приходские общины, а также «церковное подполье», придерживающееся одной с официальной, т.е. сергианской, Церковью традиционной религиозной культуры, но имеющее альтернативные по отношению к митрополиту Сергию религиозно-политические установки, при этом изначально не носящие антиправитель-

¹ Документы имели хождение далеко за пределами Вятского края, например, в г. Ленинграде.

ственного характера. В конце 1927 г. – осенью 1928 г. викторианство главным образом было распространено в Вятской епархии и Глазовской епископии Вотской автономной области.

Список литературы

1. **Поляков, А. Г.** Религиозно-политические взгляды епископа Виктора Островцова в 1920–1927 гг. / А. Г. Поляков // Религии народов Вятского края / отв. ред. А. Г. Поляков. – Киров, 2009. – С. 80–89.
2. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 6779. Д. Су-8585. Т. 1.
3. Вятский епархиальный архив (ВЕА). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1.
4. Государственный архив Кировской области (ГА КО). Ф.Р-2943. Оп. 15. Д. 415.
5. ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 61.
6. ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 67.
7. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. Су-10267. Т. 8.
8. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. Су-10146.
9. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. Су-10267. Т. 2.
10. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. Су-8727.
11. Странник. История Вятской епархии. 20–30-е годы XX столетия. Рукопись. – Киров, 2005.
12. ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 76.
13. ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 74.
14. **Ор, Л.** Вражеские силы / Л. Ор // Вятская правда. – 1928. – 14 октября.
15. ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 1.
16. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Су-10261. Т. 5.
17. ВЕА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3.
18. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 126.
19. ЦГА УР. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 129.
20. ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 196.
21. URL: <http://www.pravenc.ru/text/165077.html>
22. Архивный отдел администрации города Сарапула (АОАГС). Ф. 64. Оп. 1. Д. 397.
23. Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадалцы. Жизнеописания и документы / сост. Л. Е. Сикорская. – М., 2008.
24. URL: www.histor-ipt-kt.org/DOK/Mary_EI/D_1543-31.doc

Поляков Алексей Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра гуманитарно-социальных
дисциплин, Московский
государственный индустриальный
университет (филиал в г. Кирове)

E-mail: agp17@rambler.ru

Polyakov Aleksey Gennadyevich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of humanitarian
and social disciplines, Moscow State
Industrial University (affiliated
branch in Kirov)

УДК 93+27

Поляков, А. Г.

Динамика распространения викторианского течения в Русской православной церкви в конце 1920-х гг. / А. Г. Поляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 3–10.

ФОРМИРОВАНИЕ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В ПОВОЛЖЬЕ

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов модернизации местного аппарата государственного управления в России в начале XX в. Автор анализирует процесс создания землеустроительных комиссий, которые сыграли ключевую роль в осуществлении последней в истории имперской России масштабной реформы. Предметом исследования стали структура комиссий, условия, в которых осуществлялось их формирование, а также некоторые принципы кадровой политики правительства.

Ключевые слова: местное управление, землеустроительные комиссии, администрация, реформа, аграрные отношения.

Abstract. The article examines one of the aspects of the local state management modernization in the beginning of the XXth century in Russia. The author analyses the process of land-development commission's emergence, which played an important role in the implementation of the last great reform in the history of the Russian empire. The subjects of this research are the structure of commissions, its formation conditions and also some principles of the government human resource policy.

Key words: local management, land development, administration, reform, agrarian relations.

В начале XX в. Поволжье продолжало оставаться аграрной провинцией России. Абсолютное большинство населения было тесно связано с сельским хозяйством. Проблемы, характерные для аграрного развития страны, приобрели здесь особую остроту. Так, в Пензенской губернии крестьянский надел в среднем был на четверть ниже общероссийского [1, с. 41]. При этом сохранялись огромные помещичьи латифундии. Владения графа Орлова-Давыдова в Сызранском уезде Симбирской губернии составляли 77 200 десятин [2, с. 7]. Пользуясь крайней земельной нуждой крестьян, помещики взвинчивали цену на аренду земли. Почти весь доход с крестьянских земель уходил на выплату налогов и всевозможных платежей. Средств на развитие собственного хозяйства не оставалось. Появление новых хозяйственных отношений в деревне к началу века было заметно лишь в некоторых районах Самарской и Саратовской губерний. Низкий уровень сельскохозяйственной культуры в зоне рискованного земледелия делал крестьян заложниками погоды. Частые в начале XX в. неурожаи (1901, 1905, 1906) ставили крестьян в отчаянное положение. Н. Л. Клейн, исследовавшая состояние крестьянских хозяйств в Поволжье, отмечала, что к началу XX в. большая их часть оказалась на грани разорения или уже разорилась [3, с. 21].

Полная зависимость поволжских крестьян от сельского хозяйства делала их особо восприимчивыми к проблемам аграрного развития. В период революции 1905–1907 гг. аграрные выступления приобрели особый размах. По данным Л. Т. Сенчаковой, Средневолжский район стоял на первом месте среди других регионов России по количеству крестьянских выступлений в годы революции – 5595 из общего количества 25 823 [4, с. 92]. В таких условиях

борьба с аграрным движением превращалась в одно из основных направлений в охранительной деятельности местных властей.

Правительство и местная администрация прекрасно понимали, что, пока в самой сути российской жизни существуют причины для революционных выступлений, только репрессивными мерами полностью уничтожить революционное движение не удастся. «Благодарственной при этом почвой для развития разрушающих государственность идей, несомненно, служили необеспеченность трудящегося люда в городах и нужда в устройстве земельного быта крестьян, ожидающих земельного обеспечения в тревожной обстановке, вызванной бедствием недорода» [5, л. 3], – писал в 1906 г. самарский губернатор В. В. Якунин. В этой связи важнейшим направлением в административно-хозяйственной деятельности местной администрации была организация землеустроительных комиссий. С их помощью власти надеялись разрядить обстановку в аграрных губерниях Поволжья.

Правительство стало уделять пристальное внимание вопросам крестьянского землеустройства с весны 1906 г. После первой волны погромов помещичьих усадеб в конце 1905 г. разоренные хозяева в спешном порядке сбывали свои имения Крестьянскому поземельному банку. Только за 1906 г. в собственность его пензенского отделения перешло 31 имение размером более 35 тыс. десятин [6, с. 56]. Правительство не могло не поддержать разоряющихся помещиков, но содержание такого огромного земельного фонда было ему не по силам. Поэтому встал вопрос о его скорейшей ликвидации путем продажи крестьянам. Прекрасно понимая, что одной из главных причин аграрных выступлений является крестьянское малоземелье, правительство пыталось снизить накал социальных противоречий в деревне не только путем продажи банковских земель, но и выступая в качестве посредника при заключении сделок о покупке земли между помещиками и крестьянами. Осенью 1906 г. власти развернули наступление на крестьянскую общину, считая ее наличие одним из главных условий организованных аграрных выступлений. В решении вышеперечисленных задач, составлявших основу правительственной земельной политики, большая роль отводилась землеустроительным комиссиям.

В первые два месяца после выхода в свет указа от 4 марта 1906 г., объявившего о создании землеустроительных комиссий, правительство готовило нормативную базу для работы образующихся учреждений, снабжая губернаторов различными циркулярами, которые определяли задачи и полномочия губернских и уездных землеустроительных комиссий. Землеустроительные комиссии формально относились к ведомству Главного управления земледелия и землеустройства, но по сути были межведомственными учреждениями. Подробные инструкции по их организации были даны местной администрации совместным циркуляром МВД и ГУЗиЗ 14 марта 1906 г. Этот документ определял первоочередную задачу комиссий – оказание помощи Крестьянскому поземельному банку в продаже земель крестьянам. Комиссии должны были принимать участие в решении вопросов о целесообразности покупки банком того или иного имения, помогать в определении стоимости земли, проводить разверстание поступивших в продажу имений на отдельные участки.

В конце мая 1906 г. перед начальниками поволжских губерний была поставлена задача – приступить к организации уездных комиссий [7, л. 3]. Ввиду ограниченности средств, имевшихся в распоряжении правительства,

первоначально планировалось открыть комиссии в шести уездах каждой губернии. В конце мая – начале июня губернаторы проводили консультации с управляющими местных отделений Крестьянского банка и другими высшими губернскими чиновниками, определяя перечень уездов, в которых будут открыты комиссии. Приоритет отдавался тем уездам, где было больше всего помещиков, желающих продать свои земли, и крестьян, готовых их купить. К середине июня местная администрация определилась с выбором. В Пензенской губернии первые землеустроительные комиссии было решено открыть в Мокшанском, Саранском, Городищенском, Инсарском, Пензенском и Чембарском уездах, в Самарской губернии – Бугурусланском, Бузулукском, Бугульминском, Самарском, Ставропольском и Николаевском уездах, в Симбирской – Симбирском, Курмышском, Ардатовском, Алатырском, Сызранском, Карсунском [8, л. 11 об. – 12].

Со второй половины июня началось комплектование комиссий. Под председательством уездного предводителя дворянства в составе землеустроительной комиссии объединялись три категории членов – представители от земства, от крестьянства и от администрации (последние рекрутировались из числа земских начальников). Здесь стали возникать первые сложности. В отечественной историографии, особенно в советский период, обращалось внимание на трудности с выборами членов землеустроительных комиссий, возникавшие из-за негативного восприятия населением правительственных проектов землеустройства [4, 9, 10]. Следует отметить, что недовольство населения хотя и затрудняло формирование комиссий, но затормозить этот процесс не смогло. Самодержавная бюрократия уже давно научилась обходить сопротивление общества в таких чисто бюрократических процедурах, как создание новых административных учреждений.

Землеустроительные комиссии пытались бойкотировать некоторые земства. Отказалось от выборов Бугульминское земство в Самарской губернии, произошла задержка в Городищенском земстве в Пензенской губернии [11, л. 57]. Правительство было готово к такому повороту событий. В письме к симбирскому губернатору К. С. Старынкевичу Главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Б. А. Васильчиков объяснял, что для открытия землеустроительных комиссий, кроме неперменного члена, достаточно представителей от одной из групп населения земства или крестьян, даже если другая группа от выборов отказалась [12, л. 69об.], что позволяло игнорировать сопротивление земств.

Еще хуже обстояли дела с выборами кандидатов от крестьянства. В ряде случаев волостные сходы отказывались проводить выборы, заявляя, что вопрос о земле может решать только заседавшая в то время в Петербурге I Государственная дума, другие учреждения, создаваемые правительством для решения этого вопроса, они не признают [12, л. 59]. В общей сложности около трети волостей в Поволжье проигнорировали выборы в землеустроительные комиссии [10, с. 85]. В этом случае администрация быстро нашла выход из положения. Согласно процедуре выборов крестьяне выбирали кандидата от каждой волости, из числа которых губернатор назначал трех членов уездной комиссии. Симбирский губернатор, требуя от земских начальников скорейшего проведения выборов от крестьян, заявлял, что «отказ отдельных волостей все-таки не парализует окончательно дела, так как при выборе от целого уезда только трех кандидатов – представителей от крестьян уездные

комиссии немедленно откроют свои действия» [12, л. 60]. Следует отметить, что количество волостей в каждом уезде значительно превышало необходимый минимум (в Николаевском уезде Самарской губернии их было 57), поэтому даже в самые беспокойные периоды революции местная администрация вполне могла обеспечить нужное количество кандидатов.

Одновременно проводился поиск кандидатов на должности непрременных членов землеустроительных комиссий. Кандидатов подбирали губернатор по согласованию с предводителями дворянства и председателями уездных земских управ. Наиболее желательными были лица, хорошо знакомые с уездом. Имущественный ценз большой роли не играл, но требовалось высшее образование (желательно юридическое или агрономическое). Снижение образовательного ценза до среднего допускалось лишь для тех, кто имел солидный опыт службы в учреждениях, связанных с крестьянским управлением. Существовали четкие возрастные рамки (25–55 лет), отступление от которых допускалось лишь при выдающихся качествах кандидата [18, л. 8 – 8 об.]. Местная администрация делала ставку на земских начальников, которые по роду деятельности считались более сведущими в вопросах крестьянского землеустройства. Сложности создавала специфика новых учреждений. В губернском административном аппарате комиссии являлись учреждениями временными. Некоторые кандидаты поначалу неохотно соглашались на занятие соответствующих должностей, добиваясь от правительства гарантий, что вновь создаваемые учреждения не будут носить краткосрочный характер. Денежное содержание непрменных членов (2000 руб. в год) не превышало оклада земского начальника, что снижало интерес последних к переходу на новые должности. Секретари уездных землеустроительных комиссий назначались губернатором по согласованию с уездными предводителями дворянства и непрменными членами комиссий. Непременным членам и секретарям землеустроительных комиссий отводилась основная роль в координации деятельности этих учреждений. Без них открытие комиссий было невозможно. Поэтому губернаторы при попустительстве правительства шли на некоторые уступки при выборе кандидатов, чтобы быстрее обеспечить комиссии необходимыми кадрами.

Главное управление землеустройства и земледелия внимательно следило за процессом формирования первых комиссий. Чуть ли не ежедневно из столицы приходили телеграммы с требованием ускорить создание комиссий. В свою очередь, некоторые губернаторы, стремясь быстрее отрапортовать о достигнутых успехах, сообщали правительству об открытии отдельных землеустроительных комиссий за несколько дней, а то и недель, до того, как они реально начинали функционировать [11, л. 125]. К осени 1906 г. организация первых землеустроительных комиссий закончилась, и в сентябре–ноябре они активно включились в работу.

После организации первых землеустроительных комиссий перед губернской администрацией встала задача определения приоритетных направлений их деятельности. Пензенский губернатор С. В. Александровский сформулировал первые задачи землеустроительных комиссий следующим образом: 1) сбор сведений о земельной нужде крестьян в пределах уезда и определение возможной помощи со стороны правительства; 2) сбор сведений о всех частновладельческих землях, поступивших в продажу через Крестьянский банк и определение возможного использования их для удовлетворения зе-

мельной нужды крестьян [13, л. 61]. До начала столыпинской аграрной реформы вопросы о внутриобщинном землеустройстве могли решать лишь сельские сходы абсолютным большинством голосов, а некоторые только единогласно. Деятельность комиссий в этом направлении ограничивалась пропагандой среди крестьян идей перехода к подворному землевладению и устранению чересполосицы, а также технической помощью и выдачей пособий при осуществлении сельскими обществами подобных мероприятий.

Открытие второй группы землеустроительных комиссий проходило уже не так организованно. После выхода указов от 12 и 27 августа 1906 г., передававших удельные и казенные земли в распоряжение Крестьянского банка для продажи крестьянам, ситуация в губерниях Поволжья изменилась. В одной только Самарской губернии в распоряжение Крестьянского банка для ликвидации поступило 1300 тыс. десятин казенных земель [14, л. 11 об.]. Не попавшие в список первоочередных уезды как раз и были богаты казенными и удельными землями. Губернаторы сразу стали просить правительство об открытии новых комиссий. Симбирский губернатор К. С. Старынкевич сообщал в МВД, что, если вовремя не открыть комиссии в Сенгилеевском и Буинском уездах, где сосредоточена основная масса удельных земель, их продажа крестьянам тех уездов, в которых есть такие комиссии, вызовет волнение местного населения [12, л. 61]. В ответ правительство предлагало начальникам губерний распространять на такие уезды действие соседних землеустроительных комиссий. Но губернаторы отказывались, так как считали подобное расширение неэффективным из-за больших размеров уездов. Каждая сторона стояла на своем, и лишь самарскому губернатору В. В. Якунину удалось в сентябре 1906 г. добиться разрешения на открытие землеустроительной комиссии в Новоузенском уезде, где была сосредоточена большая часть огромного фонда казенных земель, находившихся в губернии.

Ситуация изменилась после выхода указа от 9 ноября 1906 г. На уездные землеустроительные комиссии полностью легло техническое обеспечение внутринадельного землеустройства и выделов из общины, с марта 1907 г. землеустроительные комиссии стали играть важную роль в распределении ссуд на землеустройство. Теперь правительство требовало открытия губернских и оставшихся уездных землеустроительных комиссий к началу 1907 г. Аграрная реформа стала правительственной альтернативой многочисленным проектам решения земельного вопроса, выдвигавшимся представителями освободительного движения в годы революции. I Государственная дума поддержала некоторые из них. Законодательные акты, определившие основные направления правительственных преобразований в российской деревне, были приняты в чрезвычайном порядке согласно ст. 87 Основных законов Российской империи. Окончательное превращение таких императорских указов в постоянные законы должно было осуществиться при обязательном участии Государственной думы. П. С. Кабытов считает, что правительство П. А. Столыпина стремилось запустить механизм аграрного переустройства и направить его по выбранному пути еще до начала работы II Государственной думы, чтобы сделать преобразования в русской деревне необратимыми и поставить народное представительство перед необходимостью их утвердить [15, с. 140].

Местная администрация в столь короткие сроки выполнить правительственное распоряжение была не в состоянии. Тем более, что одновременно были ужесточены требования к кадровому составу комиссий. Модернизация

российского общества в начале XX в. усложнила задачи, стоящие перед государственным аппаратом и потребовала от правительственных агентов более высокого образовательного уровня и профессиональной подготовки. Правительство П. А. Столыпина стремилось приспособить кадровую политику к требованиям времени. Новый глава правительства пытался сделать главным критерием при замещении различных должностей в государственном аппарате не происхождение и протекцию, а уровень образования и профессиональную компетентность. Формирование землеустроительных комиссий – совершенно новых учреждений в системе местного управления, представлялось правительству хорошей возможностью реализовать новые кадровые принципы на практике. При утверждении неперенных членов второй группы уездных комиссий правительство особое внимание уделяло профессиональной подготовке кандидатов, что затормозило процесс организации комиссий. Основная часть комиссий была открыта в апреле–июне 1907 г. Наровчатскую уездную комиссию пензенским властям удалось открыть лишь к началу 1908 г. ввиду долгих поисков кандидата на должность неперенного члена, соответствующего требованиям правительства, без которого комиссия начать свою деятельность не могла [13, л. 139].

Сразу добиться желаемого эффекта правительству не удалось. В период революции 1905–1907 гг. престиж государственной службы в провинции существенно снизился, к тому же лица с высоким уровнем образования в этот период были широко востребованы и могли довольно легко найти более престижную и высокооплачиваемую службу в различных общественных и коммерческих структурах. Слишком высоко поднявшее планку образовательного ценза правительство столкнулось с нехваткой подготовленных кадров на местах. По данным Г. А. Герасименко, из 255 неперенных членов губернских и уездных землеустроительных комиссий, утвержденных ГУЗиЗ, в 1907 г. с высшим образованием было всего 28 человек [9, с. 68]. Это заставило ГУЗиЗ в дальнейшем несколько смягчить требования.

Губернские землеустроительные комиссии осуществляли координацию и надзор за деятельностью уездных землеустроительных комиссий. В их обязанности входило наблюдение за тем, чтобы землеустроительные проекты соответствовали целям правительственной аграрной политики, и, в случае необходимости, исправление действий уездных комиссий [16, л. 14]. Они также являлись высшей кассационной инстанцией, куда поступали жалобы на деятельность уездных землеустроительных комиссий. Решения губернской землеустроительной комиссии по всем вопросам разбивки и расценки казенных земель являлись окончательными и никакому протесту и обжалованию не подлежали [17, л. 39].

Поначалу правительство не спешило с созданием губернских комиссий. До начала столыпинской аграрной реформы все дела о землеустройстве решались полюбовным согласием крестьянских сходов, и кассационные инстанции были не нужны. Поторопиться с созданием губернских комиссий ГУЗиЗ заставил огромный поток различных запросов с мест, хлынувший после начала реформы. Взяв на себя еще и консультативную функцию, губернские землеустроительные комиссии должны были разгрузить центральные учреждения. Осенью 1906 г. местная администрация получила распоряжение правительства приступить к организации губернских землеустроительных комиссий.

Состав губернских землеустроительных комиссий не был четко обозначен. Кроме председательствующего губернатора и делегатов от землевладельцев, земства и крестьян, правительство рекомендовало включать в состав комиссий руководителей губернских подразделений, тесно связанных с землеустройством: вице-губернатора, управляющего местным отделением крестьянского поземельного банка, начальника местного управления земледелия и государственных имуществ и губернского землемера. По делам, затрагивавшим интересы церкви, на заседания комиссии приглашались представители местного духовенства [8, л. 14, 49].

Поскольку структура комиссий формировалась еще до начала аграрной реформы и большой нагрузки на нее не предполагалось, должность постоянного члена в штате губернской землеустроительной комиссии отсутствовала. Исполнение обязанностей постоянного члена губернатор мог возложить на любого руководителя губернского уровня. Эти обязанности в основном несли инспектора сельского хозяйства. В столичных и промышленных губерниях, где губернаторы меньше интересовались аграрными вопросами, инспектора сельского хозяйства, как наиболее компетентные в этой сфере чиновники, играли значительную роль в организации аппарата землеустроительных комиссий, который затем и возглавляли в должности постоянного члена губернской землеустроительной комиссии [18, с. 185]. В аграрных поволжских губерниях их влияние было менее заметно. Специфика региона заставляла губернаторов уделять особое внимание крестьянскому вопросу.

Секретари губернских комиссий должны были иметь образование не ниже среднего и опыт работы в соответствующих учреждениях. Под их руководством действовала канцелярия, делившаяся на три отделения: землеустроительное, агрономическое и огнестойкого строительства. В губерниях Поволжья эти учреждения начали действовать с лета 1907 г.

Местной администрации в Поволжье в целом удалось успешно выполнить задачу формирования землеустроительных комиссий. Процесс осуществлялся в условиях продолжавшихся революционных выступлений и, несмотря на сопротивление значительных слоев населения, был завершен в течение года. Попытки правительства изменить некоторые принципы традиционной для самодержавия кадровой политики были малоэффективны. Доминировавшие в землеустроительных комиссиях с момента их создания представители провинциального административного аппарата способствовали быстрому вращению этих учреждений в систему губернской администрации и внедрению в их деятельность традиционных для нее принципов бюрократического формализма и административного произвола. По сути своей учреждения временные, землеустроительные комиссии, по мере развития столыпинской аграрной реформы, играли все большую роль в деятельности местных органов государственного управления.

Список литературы

1. **Кузьмин, А. З.** Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. / А. З. Кузьмин. – Пенза : Пенз. книж. изд-во, 1955.
2. Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905–1907 гг.: Документы и материалы. – Ульяновск : Ульяновская правда, 1955.
3. **Клейн, Н. Л.** Экономические основания аграрных требований поволжских крестьян во время революции 1905–1907 гг. / Н. Л. Клейн // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 гг. : межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев, 1985.

4. **Сенчакова, Л. Т.** Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. / Л. Т. Сенчакова. – М., 1989.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 63.
6. **Кабытов, П. С.** Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.) / П. С. Кабытов. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1982.
7. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 3.
8. ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1.
9. **Герасименко, Г. А.** Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики / Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1985.
10. **Максимов С. В.** Осуществление столыпинской аграрной реформы в Поволжье в 1906–1916 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Максимов С. В. – М., 1995.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1.
12. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 6. Д. 240.
13. ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 6.
14. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908.
15. **Кабытов, П. С.** П. А. Столыпин: последний реформатор Российской империи / П. С. Кабытов. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2007.
16. ЦГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 366.
17. ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3.
18. **Шлиппе, Ф. В.** «Построить здоровую Россию на основах сильного крестьянства» / Ф. В. Шлиппе // П. А. Столыпин глазами современников. – М., 2008.

Гарбуз Георгий Владимирович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории Отечества, государства
и права, Пензенский государственный
университет

E-mail: ggarbuz@rambler.ru

Garbus Georgy Vladimirovich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of history
of Russia, state and law, Penza
State University

УДК 940.2(470.4)

Гарбуз, Г. В.

Формирование землеустроительных комиссий в Поволжье /

Г. В. Гарбуз // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 11–18.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ И УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОДЫ НЭПА (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. В статье анализируются новые сведения о том, как происходило внедрение принципов научной организации труда на предприятиях и в высших учебных заведениях Нижегородской губернии в 1920-х гг. Этот процесс, получивший название «нотизация», стал не только одним из факторов восстановления народного хозяйства, но и влиятельным элементом создания нового типа производственной и социальной культуры.

Ключевые слова: НОТ (научная организация труда), «нотизация» предприятий и вузов, Нижегородская губерния, НЭП.

Abstract. The article analyzes new data on the introduction of the principles of scientific organization of labour at enterprises and institutions of higher education in Nizhegorodskaya province in 1920s. The process of introduction, called «notizatsiya», appeared to be one of the factors of economic reconstruction, as well as a significant element in formation of a new type of industrial and social culture.

Key words: scientific organization of labor, «notizatsiya» of enterprises and institutions of higher education, Nizhegorodskaya province, the NEP.

К началу 1920-х гг. Нижегородская губерния находилась в состоянии глубокого экономического упадка. Голод, поразивший среднее и нижнее Поволжье, частично охватил и Нижегородскую губернию. Из 1723 предприятий, зарегистрированных статистической переписью 1918 г., к началу 20-х гг. работало только 411 [1, с. 36]. Повсеместно наблюдался недостаток сырья, материалов, топлива, вспомогательных средств, изношенность технического оборудования, плохое снабжение рабочих. Хроническое недоедание, эпидемии, бытовая неустроенность рабочих также негативным образом сказывались на работоспособности. Кроме того, в ряде докладов, посвященных характеристике промышленности в губернии, указывалось, что крайне нерационально была поставлена организация производства [2, с. 52].

Для вывода народного хозяйства из кризиса в стране была введена новая экономическая политика. Основные задачи НЭПа в промышленности заключались в следующем: построение работы на основе хозрасчета, увеличение выработки, удешевление производства и поднятие рентабельности предприятий [3, с. 60]. В рассматриваемый период большое значение приобрело движение за научную организацию труда (НОТ) как одну из важнейших составляющих успешного восстановления промышленности.

Главным методом нового подхода стала рационализация производства и труда на предприятиях. В условиях дефицита продовольствия, сырья и топлива было решено сконцентрировать производство на лучших предприятиях, остальные закрыть и отчасти сдать в аренду. Это давало возможность полностью загрузить работой одно предприятие вместо нескольких, соблюдая в то же время экономию в топливе и накладных расходах.

Крупные предприятия, а также не имевшие себе подобных по производственному признаку, были выделены в особые хозяйственные единицы, мелкие предприятия объединялись друг с другом. Например, Безводинское

металлоткацкое производство объединено с заводом «Красный якорь», Растяпинский алебастровый завод объединен с известково-алебастровым заводом «III Интернационал» и заводом огнеупорнокерамиковых изделий в трест «Нижсиликат», завод «Нижмехарт» присоединен к заводу «Красная Этна» и др.

Ряд промышленных предприятий был закрыт вследствие своей крайней убыточности и неспособности работать на принципах хозрасчета: пуговичная фабрика «Волга», обозные мастерские «Бор», завод «Нижегородский теплоход», Турбанская льнопрядильная фабрика и Ардатовская веревочно-канатная, а все льнопрядильное производство было сконцентрировано на Молиотовской фабрике, а канатное – на Растяпинской и т.д. [4, с. 57–59].

Рационализация промышленности потребовала изменения отношения к труду. Начались массовые сокращения избыточных рабочих и служащих. Например, в первые годы нэпа количество рабочей силы на Выксунском заводе сокращено с 15 905 до 13 137 человек, на Сормовском заводе – с 8771 до 8328 человек, на заводе в Кулебаках – с 5595 до 4279 человек [5, с. 56].

Одновременно происходили изменения и во внутренней работе предприятий с использованием принципов НОТ: упорядочение учета и калькуляции, механизация производства, улучшение условий труда, совершенствование нормирования труда, широкое использование материальных и моральных методов стимулирования труда, повышение квалификации кадров и др.

В 1922 г. при нижегородском губернском Совете народного хозяйства (НГСНХ) был учрежден научно-технический совет для проработки вопросов производственной деятельности предприятий, коллективного изучения вопросов в области улучшения, расширения и рационализации производства, разработки производственных программ для предприятий и т.д. [4, с. 47]. Ячейки НОТ создавались и на отдельных предприятиях. На Сормовском заводе, являвшимся одним из крупнейших промышленных центров губернии, был организован целый рационализаторский аппарат: НОТ, тарифно-нормировочное бюро (ТНБ), Распредбюро, Бюро смет и анализов, Отдел рационализации станкового оборудования.

Одним из первых шагов по внедрению НОТ стало налаживание планомерного учета производства на основе балансового метода, а также калькуляционной работы с точной классификацией всех видов расходов по группам и статьям для правильного выявления себестоимости изделий. Эти меры дали возможность получения наиболее полной информации об экономическом положении предприятия, а также объективного отражения недостатков или достижений в работе.

Одним из важнейших условий повышения производительности труда стало улучшение технического оборудования и механизация производства. В 1924–1925 гг. всего в ходу было 483 механических двигателя с общей мощностью свыше 45 тыс. лошадиных сил, а в 1925–1926 гг. действовало уже 635 двигателей с общей мощностью свыше 55 тыс. лошадиных сил. Специально для Сормовского завода оборудование разрешено было выписывать из-за границы. Особой гордостью Сормовского завода был купленный портално-фрезерный станок, являвшийся в то время последним словом техники не только в СССР, но и в Европе [6]. Было приобретено новое оборудование для заводов: «Красная Этна», «Фармхим», «Нижполиграф», «Кожтрест», «Химзавод», «Коммунист» и др. На ряде заводов проведен капитальный ремонт оборудования.

В 1924 г. состоялась Вторая Всесоюзная конференция НОТ, имевшая большое значение в деле распространения опыта НОТ. В конференции принимали участие и делегаты от Нижегородской области. Большое внимание в докладах уделялось правильной организации трудового процесса, гигиене труда, исследованию зависимости продуктивности труда от психофизиологических особенностей организма и др. Среди конкретных мероприятий по рационализации труда указывалось на необходимость принять меры: по улучшению санитарно-технических условий работы (нормализация освещения, отопления, снабжения достаточным количеством воды, приспособлениями для умывания и т.д.); открытию врачебно-гигиенических кабинетов на крупных промышленных объектах; установлению оптимального режима труда с перерывами в работе для восстановления сил; организации культурной жизни и т.д. [7, с. 61–67].

Усиливается контроль над процессом производства и организацией труда на производстве. Техническая инспекция, существовавшая при губернском Отделе труда, устраивала как плановые, так и внеплановые обследования предприятий, в ходе которых обращалось внимание на ограждение машин, станков, трансмиссий, механических устройств, осуществлялся надзор за паровыми котлами, подъемными механизмами и т.д. В условиях расширения существующих производственных единиц или постройки новых заводских зданий и мастерских техническая инспекция принимала участие в осуществлении предварительного надзора и дачи необходимых технических указаний. По результатам большинства обследований к наиболее распространенным недостаткам предприятий губернии относились: ветхость производственных зданий, теснота и загроможденность мастерских, слишком близкое расположение станков друг с другом [8, с. 33].

Тогда же, в 1924 г., началось энергичное внедрение принципов НОТ в деятельность нижегородских вузов. Было признано необходимым проводить «нотизацию» высшей школы по трем направлениям. Во-первых, направить все силы на рационализацию вуза как профессионального учреждения, работа которого основана на определенных организационных началах. Предполагалось, что для этой цели будет создана сеть кружков по научной организации труда (с соответствующим названием – «Время НОТ»), которые займутся упорядочением административно-хозяйственного и учебного аспектов вузовской работы, а именно:

«1) составлением диаграммы структуры вуза и студенческих организаций, в которой ясно должна быть выражена связь и зависимость одних частей или отделов учреждения от других;

2) рационализацией выдачи справок, документов, стипендий, субсидий, чтобы студент тратил на все это минимум времени и труда;

3) обследованием студенческих общежитий, столовых и библиотек в целях устранения всякого рода дефектов в организации и работе этих учреждений;

4) рационализацией самой обстановки, в которой протекает учебная жизнь;

5) рационализацией системы записей на зачеты и самих зачетов (по-скольку зачеты еще окончательно не изжиты);

6) рационализацией в составлении расписания и расположении материалов в витринах и т.д.» [9, л. 51].

Следующее направление «нотизации» – пропаганда преимуществ научной организации труда в студенческих массах через студенческие стенгазеты: «по линии устранения из программ параллелизмов, повторений, участия в производственных совещаниях и использования элементов НОТ в летней практике студентов» [9, л. 51]. Указанных два направления «нотовской» работы представляют собой «эмпирический НОТ», который является предварительной стадией для «научного НОТа», суть которого состоит в том, чтобы внедрить теоретические итоги рационализаторских достижений в систему дисциплин, преподаваемых в вузах.

В частности, педагогическим вузам рекомендовалось ввести в учебный план цикл лекций, которые давали бы студентам знания по следующим проблемам:

«1) Принципы организации вообще и учебных заведений в частности: а) планы трудовой школы; в) выбор местоположения школ; с) школьный участок; д) оборудование – мебель и учебные пособия; е) расположение кабинетов, лабораторий, мастерских, рекреационной комнаты; ф) административно-техническая организация школы; г) организация учебных заведений и методы обследования.

2) Принципы управления вообще и учебных заведений в частности: а) понятие и реальные проблемы управления, течения на западе. Научная организация управления в С.С.С.Р; в) административная техника – подбор персонала, виды контроля и учета, документооборот, канцелярия, система делопроизводства и т.д.).

3) Принципы научного использования рабочей силы, научной организации самого трудового акта вообще и в частности работников просвещения (шк[ольных] работников): а) профессиографии. Методы – анкеты, опрос, наблюдение, самонаблюдение, эксперимент; в) профконсультация и профподбор. Состояние современной психотехники. Возможность прогноза; с) определение норм работы. Данные физиологии. Утомление. Методы изучения утомления. Отсутствие зарплаты. Гигиена труда.

4) Ознакомление с учреждениями, планирующими хозяйство вообще, и с учреждениями, руководящими политико-просветительской работой в союзе.

5) История нотовского движения в Западной Европе, Америке и России» [9, л. 51 об.].

Вся нагрузка по организации кружков «Время НОТ» ложилась на студентов, но с привлечением преподавательских сил и при тесном сотрудничестве с учебно-административными органами высших учебных заведений. При этом планировалось, что в вузах кружки будут состоять из факультетских секций, возглавлять работу кружков будут выборные бюро из 3–5 человек. В свою очередь «для увязки Нотовской работы в вузах и техникумах при Губбюро организуется городское Бюро НОТ, выбираемое на городской конференции нотистов, которое, помимо учета опыта отдельных заведений, ведет связь с организациями, ведающими нотовской работой (РКИ профсоюзов)» [9, л. 52–52 об.].

Как проходила «нотизация» вузовской жизни, можно судить на примере Нижегородского педагогического института. 14 ноября 1924 г. на заседании Учебного совета НИИ прозвучал доклад на тему внедрения в научно-преподавательскую жизнь принципов НОТ с соответствующей профессиональной спецификой. Студенческому коллективу было предложено создать

кружок НОТ. Профессорско-преподавательскому составу в свою очередь надлежало ввести в учебные программы изучение проблем рациональной организации труда (и особенно труда работников просвещения), а такие важные вопросы, как «профессиография, профподбор и проблема утомления», проработать уже на первом курсе в ходе практических занятий. Помимо этого, предполагалось «пронизание элементами НОТа» целого ряда дисциплин: политэкономии, истории труда, основ социологии, психологии и курса «Состояние народного образования в СССР». По итогам заседания Учебный совет постановил: «...Ввести в учебный план [1-го] курса со второго триместра пробный и опытный нотовский цикл с педагогическим уклоном при двух часах в неделю – курс, обязательный для всех студентов всех отделений, и практикум по психотехнике и психофизиологии труда при лаборатории экспериментальной психологии факультативно при двух часах в неделю» [10, л. 9].

Впрочем, вузам отводилась не самая главная роль в «нотизации» социально-экономических процессов в молодом советском государстве, поскольку, по словам директора Центрального института труда (ЦИТ) А. К. Гастева, последние достижения науки в области рациональной организации труда и управления «в настоящее время никак не могут быть исключительно соединены с традиционно-научными учреждениями в виде вузов, университетов или академий» [11, с. 184]. «В нашей социалистической стране, – настаивал этот идеолог «социального инженеризма», – где постепенно проводится обобществление исследовательской работы, наличность... объективных демократических тенденций создает и объективные, и субъективные предпосылки для того, чтобы именно предприятие превращалось в невиданный ранее и незнакомый прежним «университетским эпохам» огромный центр обучения и научных изысканий» [11, с. 187].

В самом деле нижегородские предприятия превращаются в самые настоящие лаборатории по исследованию наиболее передовых форм организации и проведения производственной деятельности. Например, в обязанности санитарной инспекции Нижегородского губернского отдела труда входило не только наблюдение за надлежащей организацией условий труда (т.е. соблюдение нормального температурного режима, наличие вентиляции, содержание в чистоте зданий, состояние кровель, полов и др.), но и научная работа по изучению профессиональных «вредностей», а именно: составление санитарных характеристик отдельных профессий и производств, изучение отдельных вредных моментов в производственных процессах и выработка мер по борьбе с ними, изучение массовых явлений профессиональной заболеваемости и смертности трудящихся в крупнейших предприятиях губернии, а также по важнейшим промышленным районам и отраслям производства. Например, велись исследования по изучению профессионального заболевания желудка у кожевников-строгателей, влияния температуры на организм человека в горячих цехах металлообрабатывающей промышленности, вредных условий автогенной сварки металлов, проводился анализ травматизма на заводах Приокского горного округа и др. [8, с. 45].

К недостаткам работы инспекции труда следует отнести: во-первых, недостаток специалистов в этой области; во-вторых, далеко не все промышленные предприятия обслуживались инспекторами труда. Так, например, в семи уездах (Арзамасском, Ветлужском, Краснобаковском, Лукояновском, Лысковском, Семеновском, Сергачском) специальной санитарной инспекции

не имелось. Эти уезды обслуживались путем выездов инспекторов труда из других уездов, но данная работа не носила системного характера.

Тем не менее работа по внедрению НОТ на нижегородских предприятиях в скором времени дала положительные результаты. Ремонт оборудования, механизация производства, улучшение условий и оплаты труда привели к ускорению производственных процессов и повышению производительности труда. Например, если на заводе «Двигатель Революции» станочный цех выпускал в 1919–1920 гг. 3 станка, то в 1924 г. – уже 26, а в 1927 г. – 111. Выпуск готовых изделий на одного рабочего Приокского горного округа составлял в 1921 г. 21 руб. 49 коп., в 1926 г. – 87 руб. 54 коп., а в 1927 г. – 91 руб. 95 коп. [6, с. 97–103]

Большой трудностью в деле дальнейшего развития производительных сил была нехватка квалифицированных кадров. Например, на 1 мая 1926 г. 67 % общего состава граждан, зарегистрированных на бирже труда, не имели определенной профессии и специальности [12, л. 83]. Среди индустриальных кадров наблюдался недостаток токарей, фрезеровщиков, литейщиков, чеканщиков. Повсеместным был дефицит инженерно-технических кадров. Основной формой подготовки кадров промышленности были школы фабрично-заводского ученичества, которые давали основы профтехнического образования. Практиковалось бригадное и индивидуальное ученичество на производстве, были открыты рабфаки при вузах. Но недостаток квалифицированных специалистов продолжал нарастать. Например, к 1928 г. губерния испытывала недостаток специалистов в области строительства: каменщиков – 1700 человек, столяров – 1200 человек, бетонщиков – 700 человек и т.д. [13, л. 31].

Однако и эта проблема успешно решалась на основе принципов НОТ. В частности, стало широко применяться переобучение (переквалификация) по недостающим специальностям из числа безработных, которые не могли найти работу в течение длительного периода времени, поскольку их специальности имелись на рынке труда в избыточном количестве. С этой целью при биржах труда Нижегородской губернии организовывались краткосрочные курсы с обязательным трудоустройством после их успешного окончания.

В заключение отметим, что НОТ мыслилась советскими организаторами как неизбежный и насущно необходимый элемент развития индустриального производства и современной экономики в целом. В то же время проводилась четкая грань между рационализацией социально-экономических отношений на Западе и в России. Если в буржуазных странах НОТ являлась «своего рода методом лечения производства в эпоху загнивания капитализма» и внедрять ее могли лишь наиболее мощные предприятия-монополисты, то «наша социалистическая рационализация имеет совершенно другой характер: она есть выражение роста социалистической индустрии, роста нашего народного хозяйства и роста активности масс» [11, с. 374–375]. Однако количественный рост экономических показателей – это лишь основа для более грандиозных исторических задач: «Нам нужно жить. Нам нужно победить. Нам нужно превзойти все страны своей энергией. Мы должны устроить настоящее восстание культуры» [11, с. 65].

Список литературы

1. **Воробьев, М. А.** Организация промышленности в Нижегородской губернии / М. А. Воробьев // Вестник Нижегородского губернского исполнительного комитета. – 1921. – № 3.

2. **Хонин, В.** Методы восстановления промышленности в Нижегородской губернии / В. Хонин // Вестник агитации и пропаганды Нижегородского Губкома РКП. – 1921. – № 2.
3. НОТ в СССР (тезисы ко второй Всесоюзной конференции по НОТ) // Вопросы труда. – 1924. – № 3.
4. Нижегородская местная промышленность 1923–24 гг. – Н. Новгород, 1925.
5. **Крымский, Д.** Коллективное снабжение / Д. Крымский // Вестник агитации и пропаганды Нижегородского Губкома РКП. – 1921. – № 2.
6. **Шульц, Ф. Ф.** Десять лет Советской власти в Нижегородской губернии 1917–1927 / Ф. Ф. Шульц ; под ред. О. Л. Рывкина. – Н. Новгород, 1927.
7. **Кашкадамов, В. П.** Гигиенические основы научной организации труда / В. П. Кашкадамов // Вопросы труда. – 1924. – № 2.
8. Работа губернского отдела труда за время с I/X – 1924 г. по I/X – 1925 г. – Н. Новгород, 1926.
9. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2734. Оп. 1. Д. 81.
10. ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 1. Д. 76.
11. **Гастев, А. К.** Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда / А. К. Гастев. – Изд. 2-е. – М., 1972.
12. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4678.
13. ЦАНО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2559.

Сапон Владимир Петрович

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России,
Нижегородский государственный
педагогический университет

E-mail: vladimail2008@mail.ru

Sapon Vladimir Petrovich

Doctor of historical science, professor,
sub-department of Russian history,
Nizhny Novgorod State Pedagogical
University

Стряпихина Анна Александровна

аспирант, Нижегородский
государственный педагогический
университет

E-mail: anna-stryapikhina@rambler.ru

Stryapikhina Anna Alexandrovna

Postgraduate student, Nizhny Novgorod
State Pedagogical University

УДК 94(47)

Сапон, В. П.

Новые подходы к организации трудовой и учебной деятельности в годы НЭПа (на материалах Нижегородской губернии) / В. П. Сапон, А. А. Стряпихина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 19–25.

ПЬЯНСТВО СРЕДИ РАБОЧИХ ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД НЭПА

Аннотация. В статье рассматривается повседневная жизнь рабочих, связанная с употреблением алкоголя. Автор приходит к выводу, что пьянство в рабочей среде стало традиционным элементом рабочего досуга. Рабочие оказались наиболее пьющей группой городского населения, что, несомненно, несло огромные убытки на производстве за счет пьяных прогулов, брака, производственного травматизма.

Ключевые слова: алкоголь, рабочие, пьянство, рабочий досуг, производство, нарушение трудовой дисциплины, движение за трезвость, города Поволжья.

Abstract. The article deals with the daily lives of workers addicted to alcohol. The author comes to the conclusion that alcoholism among workers became an integral part of spending free time. Workers became the most alcohol addicted group of the urban population, which undoubtedly incurred enormous losses in the production process due to drunken truancy, defective goods, on-the-job injury rate.

Key words: alcohol, workers, drinking, free time, production, violation of labor discipline, movement for sobriety, town of the Volga region.

*Какая же это будет веселая жизнь,
Если не будет хватать хорошего пива
и хорошего ликера?*

А. И. Микоян

Проблема девиантного поведения всегда привлекала внимание исследователей. Но, пожалуй, с наибольшей остротой данная тема притягивает внимание в переходные периоды исторического развития социума. Быстрый социальный сдвиг всегда приводит к росту явлений, отклоняющихся от нормы.

Употребление спиртных напитков всегда составляло неотъемлемую часть культурно-антропологического процесса. История России убедительно свидетельствует, что потребление алкоголя является частью повседневной жизни. Первоначально алкогольные напитки употреблялись как составная часть культовых обрядов, затем винные ритуалы превратились в обычаи выпивать по случаю различных праздников, торжеств. С течением времени алкоголь стал приобретать все большую роль, оказывая влияние на культуру, мораль и поведение людей. Вполне обоснованно, что ученые стали оценивать потребление спиртных напитков как неотъемлемый элемент повседневной жизни.

В 1920-е гг. самым распространенным негативным явлением в рабочей среде, без сомнения, являлось пьянство, которое оказало огромное влияние на поведение трудящихся на производстве и дома. С ростом потребления алкоголя увеличивалось пассивное отношение к труду. Употребление спиртных напитков отвлекало материальные средства из семейного бюджета, тем самым вызывая недовольство членов семьи. Все это приводило к отрицательным эмоциям как у самого потребляющего, так и у его окружающих.

С введением нэпа в среде фабрично-заводских рабочих стали возрождаться обычаи бытового пьянства: традиция «первой получки», с которой

необходимо было напоить коллег по работе, «обмывание нового сверла» и т.д. Возобновилась традиция походов в гости. В гости ходили по праздничным дням. Выходными днями по-прежнему считались 12 религиозных праздников. Активно стали отмечаться и новые советские праздники: 7 ноября, 1 мая и т.д. Культура проведения торжеств была одинаковой: приготовление праздничной еды, прием или посещение гостей. Походы в гости, по данным С. Г. Струмилина, в 1913–1924 гг. являлись самой распространенной формой проведения досуга всех слоев городского населения России. Как правило, они сопровождались употреблением алкоголя. Согласно официальным данным, взрослые рабочие в начале 1920-х гг. тратили на спиртное 4 % своего дохода [1, л. 28]. В промышленности процент пьющих рабочих в среднем равнялся 90 %, и, как отмечала И. Такала, «пьянство ежедневное, хроническое, то, которое население считает вполне допустимым, растет быстрее, чем пьянка по случаю» [2, с. 178].

В первой половине 20-х гг. в условиях запрета водки самогон занял ведущее место среди спиртных напитков, потребляемых рабочими. Это подтверждают данные статистики. В Пензе в 1922 г. милицией было раскрыто 280 точек по производству самогона, в 1923 г. – 591, а 1924 г. – 594 [3, л. 77]. В Астрахани за 1923 г. милицией составлено 6917 «самогонных» протоколов (из которых за распитие самогона – 67 % дел, за варку самогона – 24 %, за торговлю – 5 %, за хранение – 4 %) [4]. Согласно данным пензенского историка С. Е. Панина, анализ «Индивидуальных карт по обследованию здоровья рабочих и лиц, живущих в общежитиях» за 1924 г. показал, что в 90 % случаев самым популярным напитком рабочих г. Пензы являлся самогон [5, л. 44].

Самогонщики на протяжении нескольких лет стали очень опытными и организованными, ухитрялись разными способами скрывать свое занятие, избегать уголовной и административной ответственности. Так, самарский рабочий-трубочник написал в газету «Коммуна» следующую заметку: «В феврале 1923 г. возле завода милиция изловила одну злостную самогонщицу Сидорову. Суд ей присудил один год принудительных работ и 300 рублей штрафа. Штраф Сидоровой был внесен: самогонщики народ денежный. Но вот когда Сидоровой пришлось идти на принудительную работу, то она нанимает за себя одну бедную девушку и посылает ее под своим именем на работу, а сама «благородно» сидит дома и ждет, когда у трубочников будет получка» [6].

Явления массового пьянства в рабочей среде были характерны для большинства предприятий исследуемого региона. Так, начальник артели на Самарском лесопильном заводе «Волго-Каспий-Лес» Ельцов варил самогон и спаивал рабочих до потери сознания [7].

В 1924 г. в Астрахани в неделю Масленицы (с 4–9 марта) прошла облава: в 12 столовых и ресторанах было обнаружено 159 бутылок беспатентного пива и около 30 л самогона, у частных лиц конфисковано 18 самогонных аппаратов и около 150 л произведенного самогона [8]. В Нижегородской губернии за 1924 г. за сбыт и хранение спиртных напитков, спиртосодержащих веществ было осуждено 9880 человек [9, с. 96–97].

Советские и партийные органы в это время были чрезвычайно озабочены пьянством рабочих. Пензенский горрайженотдел в январе 1924 г. поставил вопрос о хроническом пьянстве в семьях рабочих. На заседании отмечалось, что никаких улучшений ситуации не происходит, а жены стали панически бояться своих мужей [10, л. 1]. Горрайком РКП(б) в феврале 1924 г. конста-

тировал, что «...пьянство среди печатников прочно вошло в их быт и является хроническим» [10, л. 23]. Газета «Трудовая правда» свидетельствовала о том, что рабочий Лесозавода № 11 вздумал отпраздновать Рождество 1925 г. Зашел в шинок и за отсутствием денег начал закладывать одежду. Заложил френч, потом бекешу, а дальше... и брюки. Идти из шинка оказалось не в чем. Жена обратилась к милиционеру за помощью, и он выручил рабочему бекешу, но под расписку, что рабочий уплатит за выпивку [11].

«Рыковка» появилась осенью 1925 г. после принятия декрета СНК СССР от 28.08.1925 г., по которому разрешалось продавать водку в органах госторговли. Ситуация усугублялась еще и тем, что винно-водочные изделия, продававшиеся населению, приносили государству немалый доход, который затем шел на нужды индустриализации. В середине 1920-х гг. наблюдалось массовое явление – посещение рабочими, в особенности в праздничные дни, различных пивных и бильярдных. Характернее всего было то, что в связи с разрешением продажи алкогольных напитков у магазинов зачастую можно наблюдать целые очереди рабочих. «Хулиганить, дебоширить нельзя. А вот распивать водку на воле, где попало – можно. Распитие вина на воле в последнее время принимает повальный характер: пьют около винных лавок и магазинов не только в захолустных местах, но и в центре города. Вокруг некоторых лавок и магазинов собирается до полусотни всякого сорта пьяниц... Иногда здесь происходят целые побоища, публике нет прохода – густой мат висит в воздухе непрерывно» [12].

За период с 1 по 15 октября 1925 г., т.е. с момента открытия продажи 40-градусной водки, Самарской милицией было зафиксировано шесть случаев скоростижной смерти граждан города от чрезмерного опьянения. В Пензенской губернии за 1925 г. было задержано за пьянство 1367 человек [13, л. 117]. В 1925 г. на семью в месяц покупали в среднем 1,5 бутылки, в 1927 г. – 2,4, а в 1928 г. – уже 3 бутылки [14, с. 118]. Особенно резко пьянство увеличилось в рабочей среде. В Пензе из 493 человек, задержанных пьяными, 239 оказались рабочими (т.е. 48 %) [15, л. 129]. Конец рабочей недели достаточно красноречиво был описан самарской газетой «Коммуна»: «Когда вы вступаете на землю самарской слободы, вам, прежде всего, бросаются в глаза освещенные окна пивных, чайных и постоянных дворов. Они расположены по преимуществу в одном центральном квартале главной улицы. Там извозчики, пересыпающие свою речь удушающим матом, для которых чайная – и клуб, и биржа, и место отдыха и развлечений. Подходит к концу трудовая неделя. В это время переполнены чайные и пивные. В одну из них заходим. На лестнице – целый рой беспризорных. Подпившие еще раньше рабочие с лесопильного глушат хмель пивом и закусывают калачом, отрывая большими кусками от огромного каравая» [16]. В шестом районе Астрахани, в рабочем поселке на Эллинге, рабочие в дни получки считают своим долгом завернуть в пивную «раздавить парочку» и послушать «двухрядку». Нередко в пивной остается вся получка.

Пьянство рабочих стало вообще жестоким бичом для администрации предприятия: рабочие пили не только в нерабочее время, но и прямо у станков. Доходило до того, что из-за пьянства рабочих останавливались предприятия. Вот некоторые выдержки из информсводок ОГПУ за 1926 г. «В Сталинграде на заводе «Баррикады» употребление спиртных напитков отмечается не только среди рабочих, но и мастеровых. На предприятиях «Волго-Каспий-Лес» пьют все, начиная с рабочего и кончая администрацией, нередко упо-

требляющие тащили из дома последнее свое имущество и пропивали его» [17, л. 19]. «В Самаре рабочие частенько во время пьянки пропивали выданную спецодежду» [18, л. 140]. «На писчебумажной фабрике «Маяк революции» в г. Пензе пьянство охватило всех трудящихся завода, встретить трезвого стало большой редкостью» [19]. «На суконной фабрике «Творец Рабочий» поголовное пьянство рабочих с 14–15 лет». «Повальное пьянство на стеклозаводе № 1 «Красный Гигант» и т.д. [20, л. 551–552, 740]. При этом повальное пьянство на последнем было спровоцировано директором завода Куникеевым. По данным ГО ОГПУ, он постоянно выдавал рабочим авансы на водку и похмелье (на предприятии в 1926 г. трудилось 1300 рабочих), ходил с ними в шинки. Во время его отъезда эта порочная практика прекращалась. А вот когда он возвращался из командировок, то «...группы рабочих выходят на дорогу, без шапок встают на колени и поют «Интернационал», выражая просьбу – получить 1 руб. на водку, и получают» [21, л. 614]. В отчетах нередко отмечалось, что «на работу рабочие приходят трезвые, а через три часа уже пьяные». В вагонной мастерской депо Рузаевка рабочие группами по 10–15 человек организованным порядком одновременно скрываются с производства и приходят обратно еле живыми [22, л. 61].

Астраханская губернская газета «Коммунист» в 1928 г. отмечала, что среди строительных рабочих наблюдаются постоянные пьянки. Плотники, приезжавшие артелями по 50–60 человек, пропивали весь свой заработок и уезжали в свои губернии ни с чем. Случалось, что маляры продавали краску, посылали женщин-чернорабочих за водкой и тут же, во время работы, устраивали пьяные гулянки. А стройка не двигалась. Для того чтобы купить водки, рабочие нередко продавали строительные материалы [23]. Интересный случай произошел в феврале 1925 г. на общем собрании печатников гостипографии в Сызранском уезде. Собрание было сорвано из-за большого количества пьяных. Как отмечалось в отчете, исполнение «Интернационала» напоминало «крыловский квартет»: одни размахивали руками, другие подплясывали. Из толпы раздавались крики: «Коммунистам будем отрывать головы» [24, л. 34].

Потребление алкоголя рабочими с 1924 по 1928 г. увеличилось в восемь раз. По материалам обследования, в 1927 г. в крупных городах Европейской части РСФСР расходы на пиво и вино только у молодых рабочих составляли 16–17 % заработка, что в полтора раза превышало затраты на книги [25, с. 7–8]. Так, например, в 1924 г. рабочие Ульяновска на пищу тратили 26,6 руб. ежемесячно и 5,75 руб. на выпивку (т.е. в 4,6 раза меньше), в то же время американские рабочие на выпивку тратили в 6,2 раза меньше, чем на питание [26]. На Ерманских лесозаводах часть рабочих на алкоголь тратили до 70–80 % заработной платы [27, л. 136].

Печальной тенденцией 20-х гг. стало пьянство комсомольцев и членов ВКП(б), особенно выдвиженцев. Последнее обстоятельство была вынуждена констатировать Контрольная комиссия ЦК ВКП(б) еще в 1924 г. Не случайно в народе бутылку в 0,1 л стали именовать «пионером», в 0,2 л – «комсомольцем», а поллитровку уважительно величали «партийцем». Частушка 20-х гг. метко была «не в бровь, а в глаз»:

*Зарекались комсомольцы
Вино пить, табак курить;
Скорей курица отелится,
Да что там говорить [28, с. 207].*

В ходе обследования деятельности фабрично-заводских партийных ячеек в ряде городов выяснилось, что среди выдвиженцев из пролетарских рядов «...пьянство в два раза сильнее, чем среди рабочих от станка». Особенно рост алкоголизма в среде коммунистов был отмечен в период борьбы с троцкизмом и новой оппозицией [29, с. 78].

Наиболее активно употребляли спиртные напитки рабочие, выходцы из деревни, 1900–1908 гг. рождения. Пьянство среди рабочих вело к снижению производительности труда и нарушению трудовой дисциплины. Комсомольцы со станции Костычи Сызранского уезда Ульяновской губернии так характеризовали самарских комсомольских работников: «К нам частенько приезжают из Самары комсомольцы четвертого райкома домой в отпуск. В ячейке не работают. А вместо этого пьют самогон и в пьяном виде идут в клуб за девушками «стрелять». Вздумали мы им говорить, что, мол, нехорошо пьянствовать. Они говорят: «В Самаре пьяный комсомолец – обыденное явление, недиковинка». Накануне Пасхи на вечере 80 % комсомольцев были пьяные» [29, с. 79]. Об этом писала газета «Голос молодежи». В 1928 г. некоторые самарские комсомольцы «пропивали сразу всю получку, а потом вынуждены были «класть зубы на полку» или воровать у своих же товарищей» [30, л. 80].

Пьянство порождали многие социально-экономические причины, среди которых следует отметить безработицу и беспризорность в городах, вовлечение в производство выходцев из деревни, тяжелые жилищные условия. Положение усугублялось также неудовлетворительной культурно-воспитательной работой государственных органов, снисходительным отношением к пьянству молодежи со стороны взрослых, неумением комсомола организовать досуг молодежи. Этому способствовали и разговоры о том, что «раз государство разрешает продажу вина, то какая может быть борьба?» [30, л. 34].

В марте 1927 г. Совнарком РСФСР издает постановление «О мерах ограничения продажи спиртных напитков». Этим постановлением была запрещена продажа спиртных напитков малолетним и лицам, находящимся в состоянии опьянения; продажа алкоголя в культурно-просветительских учреждениях и организациях, а главное – вводилось право местного запрета на водку. В городах Поволжья стали закрывать места продажи крепких напитков, расположенные вблизи заводов, фабрик и жилищ рабочих. Отмеченной мерой достигались некоторые положительные результаты, поскольку она применялась к местам распивочной продажи напитков. Из подобных мест торговля производилась обыкновенно значительно дольше, чем из прочих торговых зданий, в том числе из заведений для выносной торговли спиртными напитками. Поэтому употреблявший крепкие напитки рабочий, вернувшись с завода или фабрики, имел возможность в течение нескольких часов приобретать эти напитки в заведениях для распивочной торговли [31]. В Астрахани в 1928 г. в пятом районе, на углу улиц Суханова и Степнова, в магазине «Мукзани» в воскресные дни была распространена торговля спиртными напитками с черного хода. Рабочие, купив спиртное, садились на тротуаре около магазина и распивали приобретенные напитки [32].

Параллельно с административными мерами с 1928 г. резко активизировалось и трезвенническое движение. В 1924 г. по инициативе врачей в разных районах страны стали создаваться на общественных началах «группы по борьбе с наркотизмом», которые затем выросли в общественные комиссии по оздоровлению труда и быта. Члены этих комиссий организовыва-

ли «показательные суды» над алкоголиками, противоалкогольные вечера, с обязательным докладом в программе и «живой газетой» местного коллектива самодеятельности. Но это не были массовые общественные организации, «государственным делом» трезвенническое движение становится лишь после XV съезда ВКП(б).

16 февраля 1928 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, на собрании «энтузиастов противоалкогольной борьбы» было создано «Общество по борьбе с алкоголизмом» (ОБСА). Учредителями его стали советские, партийные, комсомольские работники, представители Наркомздрава, Мосздравотдела, Наркомторга, ученые. Целью общества была «помощь Советской власти в развитии культуры быта и борьбе с алкоголизмом как социальным злом».

Несмотря на усилия руководителей ОБСА, трезвенническое движение не стало массовым, численность общества к 1929 г. достигла лишь 250 тыс. членов. Главным образом это были рабочие с большим производственным стажем, молодежи в обществе было мало. Аскетические лозунги («Алкоголизм и социализм не совместимы!», «Изгоняй, кто поит, выгоняй, кто пьет!», «Даешь получку без вина!» и т.д.), как и конечная цель движения – борьба не со злоупотреблением, а вообще с употреблением, т.е. борьба за трезвость, не могли привлечь много сторонников. Ценности «продвинутых» рабочих были далеки абсолютному большинству российских мужчин, которые продолжали пить и считали это правильным. Да и с точки зрения властей радикализм лидеров трезвеннического движения вскоре стал серьезной помехой на пути к большому скачку в индустриализации и построении социализма.

Рост пьянства вызвал недовольство у близких. Жены пьющих мужчин требовали немедленного прекращения торговли винно-водочными изделиями. В дни получки на проходных заводов и фабрик собирались женщины, чтобы встретить своих мужей, так как многие зарплату до дома не доносили [29]. В городе Троицке перед каждой получкой жены встречали своих мужей с целью забрать у них хотя бы часть зарплаты, а то все будет пропито [33, л. 35].

Алкоголизм стал проблемой всего населения страны, так как в той или иной степени каждый гражданин соприкасался с этой бедой. Рост пьянства заставил президиум Ленсовета принять в октябре 1926 г. решение об организации первых в СССР вытрезвителей. В городах Поволжья вскоре тоже появились вытрезвители [34, л. 34]. В сентябре 1928 г. в Самаре было введено лечение алкоголиков ультрафиолетовыми лучами [35, с. 41].

ЦК ВЛКСМ призвал комсомольцев вовлекать в работу детей и пионеров. Так, весьма целесообразным считалось устройство детских демонстраций ко дню получки или обход рабочих квартир под лозунгом «Мы против пьяных отцов!» [36]. В Сталинграде 14 октября 1928 г. состоялась детская демонстрация протеста против пьянства с плакатами: «Долой пьянство!», «Каждая бутылка вина стоит 2–3 школьных учебника!», «Родители! Бросьте пьянство, организуйте в школах горячие завтраки!», «Взрослый, помоги ребенку быть здоровым!» [37, с. 10]. В Сталинграде 27 ноября 1928 г. в демонстрации приняло участие 12 тыс. пионеров и детворы [37, с. 12]. Над колоннами ребят пестрели полотнища с лозунгами: «Требуем закрыть все пивные!», «Отец, вместо бутылки вина, купи книжку!».

Таким образом, пьянство в рабочей среде стало традиционным элементом рабочего досуга. Рабочие оказались наиболее пьющей группой городского населения. Без сомнения, усиливались конфликты в семьях, а также,

вследствие пьянства отцов – основных кормильцев, ухудшилось материальное положение семей рабочих. Огромные убытки несло производство за счет пьяных прогулов, брака, производственного травматизма.

Список литературы

1. **Лебина, Н. Б.** Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы / Н. Б. Лебина. – СПб. : Летний сад, 1999. – 318 с.
2. **Такала, И.** Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России / И. Такала. – СПб. : Нева, 2002. – 336 с.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф.Р. 2. Оп. 1. Д. 2494.
4. Коммунист. – 1924. – 12 июля.
5. **Панин, С. Е.** Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук / Панин С. Е. – Пенза, 2002. – 318 с.
6. Коммуна. – 1923. – 11 мая.
7. Коммуна. – 1923. – 27 июня.
8. Коммунист. – 1924. – 12 марта.
9. Статистический ежегодник Нижегородской губернии 1925–1926 гг. – Н. Новгород, 1928. – Вып. 1. – 256 с.
10. Отдел фондов общественно-политических организаций Государственного архива Пензенской области (ОФОПО ГАПО). Ф.П. 36. Оп. 1. Д. 962.
11. Трудовая правда. – 1925. – 4 января.
12. Коммуна. – 1925. – 15 октября.
13. ГАПО. Ф.Р. 36. Оп. 1. Д. 93.
14. **Стеблев, Э. А.** Экономика российской повседневности // Российская повседневность, 1921–1941 гг.: Новые подходы / Э. А. Стеблев. – М., 1995.
15. ГАПО. Ф.Р. 342. Оп. 1. Д. 216.
16. Коммуна. – 1925. – 3 апреля.
17. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.Р. 37. Оп. 2. Д. 153.
18. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1013.
19. Трудовая правда. – 1928. – 16 июня.
20. ГАПО. Ф.Р. 2. Оп. 4. Д. 224.
21. ГАПО. Ф.Р. 2. Оп. 4. Д. 223.
22. ГАВО. Ф.Р. 2. Оп. 2. Д. 110.
23. Коммунист. – 1928. – 17 марта.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 195.
25. **Ларин, А.** Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним / А. Ларин. – М., 1929.
26. Пролетарский путь. – 1924. – 16 мая.
27. ГАВО. Ф.Р. 37. Оп. 2. Д. 134.
28. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 328 с.
29. Голос молодежи. – 1925. – 20 мая.
30. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р. 857. Оп. 6. Д. 106.
31. Коммуна. – 1928. – 20 сентября.
32. Коммуна. – 1928. – 12 сентября
33. Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИ СО). Ф. 27. Оп. 4. Д. 40.
34. ЦГАСО. Ф. Р. 779. Оп. 2. Д. 2006.

35. **Лебина, Н. Б.** Теневые стороны жизни советского народа 20–30-х гг. / Н. Б. Лебина // Вопросы истории. – 1994. – № 2. – С. 45–56.
36. Средневожская Коммуна. – 1929. – 7 мая.
37. Трезвость и культура. – 1928. – № 3.
-

Камардин Игорь Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-
экономических и гуманитарных
дисциплин, Кузнецкий институт
информационных и управленческих
технологий (филиал Пензенского
государственного университета)

E-mail: sehd@mail.ru

Kamardin Igor Nikolaevich

Candidate of historical sciences, associate
professor, head of sub-department of social,
economic and humanitarian disciplines,
Kuznetsk Institute of Information
and Management Technologies
(affiliated branch of Penza State University)

УДК 944/9

Камардин, И. Н.

Пьянство среди рабочих Поволжья в период НЭПа / И. Н. Камардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 26–33.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПРОСЬБЫ ЖИТЕЛЕЙ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. В статье проанализированы предложения и письма трудящихся Саратовской области, поступившие в обком КПСС, в качестве отклика на «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 гг. и на период до 1990 г.». Советский народ принял активное участие в обсуждении документа и высказал свое мнение по поводу наиболее наболевших проблем, скопившихся в обществе. Однако вряд ли общественное мнение реально учитывалось на данном этапе развития советского общества.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, общественное мнение, письма, предложения, замечания, жители Саратова и области.

Abstract. The article analyzes the proposals and letters from workers of Saratov region, received by the Regional Committee of the CPSU, as a response to the «Guidelines for the Economic and Social Development of the USSR in 1981–1985 and for the period until 1990». The Soviet people actively participated in the discussion of the document and expressed their opinion on the most urgent problems arisen in society. However in reality it was unlikely for the public opinion to be taken into account at that stage of development of the Soviet society.

Key words: Socio-economic development, public opinion, letters, suggestions, comments, residents of Saratov region.

Социально-экономическое развитие СССР начала 80-х гг. прошлого столетия как предмет всестороннего и глубокого исследования сохраняет свою актуальность до сегодняшнего дня. В то время пути совершенствования политической системы, экономики, социальной сферы, духовой жизни советского общества определяла коммунистическая партия. Существенное значение при этом имела общественно-политическая активность трудящихся страны. Граждане принимали участие в работе таких общественных организаций, как профсоюзы, комсомол, народный контроль, товарищеские суды. Наиболее ярко социальная инициативность масс проявилась в управлении общественными делами через органы советской власти всех уровней и управленческой деятельности на предприятиях. Проблема всесторонней активности масс и партийное руководство ее развитием нашли широкое отражение в советской историографии [1–4].

В настоящей работе поставлена цель – рассмотреть общественно-политическую активность жителей Саратовской области в рамках обсуждения перспективного плана «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 гг. и на период до 1990 г.».

Традиция публикации пафосных отчетов об экономических успехах страны за период, предшествующий очередному съезду, планов социалистического соревнования и принятия высоких показателей, народного обсуждения документов сложилась с 1966 г., когда 22 февраля в газете «Правда» был введен раздел «Обсуждение проекта Директив XXIII съезда КПСС...». Здесь печатались статьи, письма, заметки и другие материалы с предложениями и

замечаниями к проекту Директив, отчеты о партийных собраниях и конференциях трудящихся, хозяйственных активах. С этого момента миллионы тружеников стали принимать участие в обсуждении этого и других партийных документов союзного значения [4, с. 278]. Документы данного характера формировали у жителей страны гармоничную картину того, как советские граждане дружно, с огромнейшим воодушевлением встречали очередной съезд партии, при этом социально-экономический уровень развития народного хозяйства не вызывал у них никаких сомнений и опасений. В числе прочих и руководство Саратовской области рапортовало: «За годы 10-й пятилетки в сельское хозяйство вложено 3,5 млрд руб., что на 1,1 млрд больше, чем в предыдущей: энергетические мощности возросли на 42 %, производство зерна возросло на 14 %, овощей – на 47 %, сахарной свеклы – в 2,3 раза. За пять лет собрали 25,7 млн тонн зерновых, что на 3 млн больше, чем в 9-й пятилетке. Введено 6,4 млн м² жилья, в том числе достаточно большие площади жилья в колхозах и совхозах. Вошло в строй более 295 объектов промышленности и сельскохозяйственного назначения. Намеченная программа выполнена за 4 года» [5, л. 27].

Сейчас, когда появилась возможность вводить в оборот новые данные эпохи так называемого «застоя», подвергать заново анализу некоторые стороны жизни советского общества, становится ясно, что ситуация в СССР не была такой уж безоблачной. Развернувшиеся было в 60–70 гг. реформы стали заходить в тупик. Недостатки и противоречия в экономике больно били по социальной сфере – уровень жизни людей был предельно низким. Рост денежных доходов населения продолжал отставать от производства товаров и услуг. Страну охватила спекуляция и коррупция.

Все это доказывает, что отчетные документы съездов не содержали в себе правдивых сведений о происходящих явлениях в социально-экономическом развитии общества. Партия старалась выдать желаемое за действительное. Можно предположить, что власть намеренно обратилась к изучению общественного мнения по наиболее стратегически важным вопросам развития государства. Была сделана попытка определить настроение трудящихся масс в целом и их отношение к партии и правительству в частности. Для нас, как исследователей, гораздо важнее то, что общественное мнение основывается на потребностях и интересах простых советских людей, которые способны объективно оценить сложившуюся ситуацию в экономическом развитии и указать на ряд просчетов и недостатков в работе различных уровней власти, и это мнение становится значимым историческим источником для исследования.

Жители Саратова и области, впрочем, как и все граждане СССР, активно включились в обсуждение проекта социально-экономического развития. До 15 января 1981 г. состоялись многочисленные мероприятия по рассмотрению «направлений...» – 4832 партийных, 5810 профсоюзных, 3571 комсомольское собрание, 2666 сессий Советов, народных диспутов, сходов граждан, рабочих собраний, митингов. 17 января проект обсуждался на 22-й областной партийной конференции. Всенародное движение по обсуждению принесло результаты. Было высказано 5930 предложений и критических замечаний, из которых 1382 непосредственно касались проекта «Основных направлений...». Для учета, обработки, обобщения поступивших предложе-

ний и замечаний при областном комитете партии были созданы специальные комиссии [6, л. 15].

При изучении поступивших от народных масс предложений представляется возможным сгруппировать их по различным признакам. В результате становится ясно, что граждане практически всех районов области просили уделить пристальное внимание строительству и ремонту дорог, качеству, темпам строительства и ответственности за строящиеся объекты всех типов. Жители сельской местности настаивали на необходимости увеличить зарплату за выслугу лет работникам сельского хозяйства, обеспечить поставку сельскохозяйственной техники и запасных частей к ней, улучшить снабжение семенами, гербицидами. Представителей интеллигенции и служащих волновали экологические проблемы, они требовали более бережного отношения к природе. Повсеместно высказывались предложения по урегулированию деятельности общественного транспорта и повышению уровня коммунального обслуживания населения. Предложения увеличить выпуск оборудования, необходимого для развития личных подсобных хозяйств: мини-косилок, конных плугов, бензопил – указывают на возросший, судя по количеству поступающих требований тружеников села, интерес партии и правительства к сельскохозяйственной отрасли.

Вместе с тем некоторые предложения носили местечковый характер. Обсуждая директивы, жители Александрова Гая от проблем союзного масштаба перешли к тем, которые были им ближе и с которыми приходилось сталкиваться каждодневно, независимо от планов и деятельности партии и правительства. Их обеспокоило уничтожение зеленых насаждений в районном центре. По этому вопросу был созван местный сход граждан, решивший проблему без обращения к исполнительной и законодательной власти. Кроме того, граждан волновали «перебои в магазинах отдаленных сел в снабжении продуктами первой необходимости (соль, сахар, мука)», отсутствие каких бы то ни было бытовых услуг, обеспечение центральных усадеб водой, качество дорог местного значения, график движения автобусов между селами района и райцентром. На местном уровне было принято решение открыть пункт бытового обслуживания в хуторе Сысоев, а также были разрешены некоторые другие наболевшие проблемы. Таким образом, не обращаясь в высшие инстанции, было решено 7 вопросов-предложений из 15 затронутых при обсуждении директив. Точно так же на районном уровне в Ершовском районе были приняты конкретные меры по 19 вопросам из 27, в Балашовском – по 16 из 33 [7, л. 12–14, 55]. Нельзя не отметить изменения, произошедшие под влиянием наказов, просьб и пожеланий в областном центре. Так, за два с половиной года (1980–1982) в Саратове было выполнено около 2 тыс. наказов, что позволило ввести в эксплуатацию 119 жилых домов общей площадью свыше 700 тыс. м². Новые квартиры получили около 20 тыс. семей, 2,5 тыс. семей переселено из бараков и ветхого жилья [3, с. 49].

Всем известно, что на уровень социального развития общества существенное влияние оказывает имеющийся в наличии кадровый потенциал. Жители Базарного Карабулака затронули, на наш взгляд, такую актуальную тему, как качество подготовки кадров. Они отмечали, что «многие строители, окончившие учебные заведения, слабо разбираются в чертежах, а нередко вообще в вопросах строительства». Чтобы ускорить темпы строительно-монтажных работ на селе, необходимо учесть молодежь специальностям ка-

менщика, штукатура, столяра по направлениям колхозов и совхозов. Далее они остановились на мерах, активно реализуемых на тот момент партией и правительством, постоянно декларируемых на всех уровнях: какие следует предпринять меры, чтобы закрепить молодые кадры на селе, или, применяя современную терминологию, определились с направлением в «молодежной политике». Было предложено «предусмотреть в плане строительство жилья по заказам населения домостроительными комбинатами», «строить заводы, перерабатывающие фрукты и овощи, ближе к хозяйствам, выращивающим их», а также привлекать молодежь к научно-исследовательской работе, создавать сельские ученические общества садоводов, птицеводов, кролиководов, расширять сеть дворовых клубов, создавать игровые площадки [7, л. 32–35].

После внимательного ознакомления с многочисленными просьбами жителей Балашовского района «провести газ» можно сделать вывод, что этот регион, в отличие от Левобережья, не был в то время газифицирован. И это при том, что в Саратовской области имеются собственные месторождения газа, о которых говорится даже в школьных учебниках [8, с. 18]. Кроме того, в район не только не проведен природный газ, но еще имеются и проблемы с обеспечением жителей углем. В райком КПСС поступило 23 письма, где авторы просят оказать помощь в приобретении твердого топлива. Следует отметить, что все письма были рассмотрены в срочном порядке и заявителям оказана помощь. Основной поток писем вызван тем, что Балашовскому району в 1980 г. при общей потребности 48,8 тыс. т угля выделили только 25,2 тыс. т, т.е. всего 48 % от необходимого количества, а получено было и того меньше – 22,6 тыс. т. И это не единичный случай. В соседнем Самойловском районе сложилась аналогичная ситуация: от выделенных фондов в 1980 г. населением недополучено 1252 кг угля, район был обеспечен топливом на 79 % от нормы [9, л. 13, 51].

Многие предложения имели вполне профессиональный подход. Замечания жителей Вольска, работающих в основном на предприятиях по производству цемента, были направлены на оптимизацию данной отрасли производства. Наиболее сознательные представители торговли, например, рекомендовали «исключить из плана товарооборота торговлю винно-водочными изделиями для более объективной оценки работы торговых предприятий». Деятели культуры и работники сельских клубов считали, что «советским кинематографистам необходимо отражать героический путь советского народа, полнее удовлетворять потребности зрителя в кинорепертуаре, особенно для сельского населения». Они же настаивали на том, чтобы «обеспечить культурно-просветительные учреждения инвентарем, оборудованием, увеличить выпуск радиоаппаратуры». Учителя предлагали ввести в школе пятидневную неделю, установить стабильную программу по предметам на пять лет. Научные сотрудники выражали надежду, что правительство поможет внедрять цифровые системы передачи информации (телефоны, телевизоры, радиовещание) [7, л. 57, 65, 94].

Нам представляется, что программа внедрения цифровой связи в начале 1980-х гг. реализоваться просто не могла. Так как на тот момент технические средства и доступные технологии были на низком уровне, из многих сельских районов области поступали предложения хотя бы просто обеспечить их устойчивой телефонной связью [7, л. 33]. Вместе с тем положительные сдвиги в этом направлении были. За десятую пятилетку количество абонентов

Саратовской области увеличилось в 1,5 раза, но при этом областное руководство признавало, что связь все же «не отвечает современным требованиям населения и уровню развития народного хозяйства. На 1000 жителей города имеется 59, в одиннадцатой пятилетке будет 78 телефонных номеров, в сельской местности соответственно увеличится с 41 до 60» [7, л. 23].

При сравнении писем граждан из провинциальных городов напрашиваются некоторые выводы. Так, например, предложения жителей промышленно развитого города Балаково, находящегося в степном левобережье, носят разносторонний характер, отличаются от мнений менее развитых в промышленном отношении правобережных городов. Здесь прежде всего наблюдается более бережное отношение к водным и лесным ресурсам. Высказываются предложения «широко использовать вторсырье», «обеспечить народное хозяйство приборами-счетчиками топливно-энергетических ресурсов и воды», «сократить выбросы в атмосферу», «улучшить охрану окружающей среды». О разнонаправленности советов и рекомендаций граждан говорят следующие предложения: «обеспечить стройматериалами для строительства приусадебных участков», «обратить внимание Госплана на производство товаров широкого потребления с точки зрения регулирования, так как ощущается острая нехватка одних товаров и перепроизводство других, не пользующихся спросом», «расширить сеть тепличных хозяйств, используя тепловую энергию и воду предприятий тепло- и электростанций», «централизовать проведение капитального ремонта автомобилей», «сократить длительность рабочего дня для женщин, имеющих детей в возрасте до пяти лет, на один час».

На фоне всех высказанных замечаний и предложений «балаковские» отличаются, во-первых, количеством, их набралось 127. Во-вторых, районные власти, прежде чем направить в обком, четко их сгруппировали: 37 из них носили характер улучшения идейно-воспитательной работы среди населения; 29 предложений – по улучшению обслуживания населения предприятиями транспорта, связи, бытового обслуживания, торговли, общественного питания; 23 касались улучшения организации эффективного производства, повышения производительности труда. При этом 62 предложения были реализованы сразу без вмешательства «сверху» [7, л. 47].

Жители других районов Заволжья были озабочены проблемами, связанными с развитием мелиорации. Они призывали более широко и эффективно использовать орошение, добиваться за счет этого повышения урожайности, стабильного финансирования на приобретение поливной техники, ее ремонт, а также имеющихся гидросооружений; высказывали заботу о сохранении рек, водоемов, древесины, предлагая увеличить ради этого количество приемных пунктов макулатуры и повысить меры ответственности за ущерб, наносимый зеленым насаждениям [7, л. 130].

После тщательного анализа характера предложений становится ясно, что большинство из них отражает реальное состояние народного хозяйства страны, в частности села, положение крестьян, рабочих провинциальных городов, учителей, написаны они простым привычным разговорным языком. Так, колхозники Краснокутского района, бесхитростно демонстрируя насущную нужду хлебороба, обращаются с просьбой, в которой, однако, четко звучит и прямое требование: «нужны самоходные валковые жатки», «нужны высокоэффективные машины и механизмы для выгрузки минеральных удобре-

ний из вагонов» [7, л. 145]. У жителей Базарнокарабулакского района имелись аналогичные наболевшие вопросы с конкретными деловыми предложениями по их решению: заменить в директивах фразу «...наладить поставку другой сельскохозяйственной техники», которая явно обобщает и обезличивает отношение к техническому парку производителей и освобождает вышестоящие органы от конкретики, на фразу «наладить производство и поставку шлейфов для тракторов и сельскохозяйственных орудий, а также простых кормоцехов» [7, л. 32]. Обращает на себя внимание то, что предложения, связанные с необходимостью приобретения кормоцехов и запасных частей к ним, – самые часто задаваемые и наболевшие вопросы животноводов, с которыми обращались люди практически из всех районов области.

Есть основания предположить, что большинство перечисленных просьб и предложений написаны от души, не под диктовку. С другой стороны, встречаются документы, где, как нам кажется, сказалось влияние районных партийных структур. Можно предположить, что некоторые руководители «приложили руку» к формулированию предложений, занимались редактированием текста, зазвучали подобные рекомендации-просьбы после такого вмешательства, как стандартный и обтекаемый шаблон. Замечания из Дергачевского района выглядели следующим образом: «добиваться максимальной отдачи от уже имеющейся техники», «больше уделять внимания расширению на селе строительства жилья и качеству строительства», «укреплять ремонтную базу автотранспортных средств и улучшать систему ее работы», «крепить связь между школой и производством», «строго спрашивать за несоблюдение норм морального кодекса строителя коммунизма» [7, л. 117–118].

В процессе обсуждения основных направлений не только высказывались предложения, но и возникали такие вопросы, ответить на которые вряд ли кто вообще мог на тот момент. Так, у жителей Пугачевского района возникли резонные вопросы: «Почему вновь построенные орошаемые участки принимаются без завершеного строительства жилья?», «Почему сельские умельцы в мастерских изготавливают стогавозы к тракторам К-700, а промышленность их не производит?», «Когда улучшится снабжение колхозов, совхозов, населения электрическими лампочками?», «В нашей стране производится большое количество хлопка, но почему в продаже отсутствуют хлопчатобумажные изделия в достаточном количестве?» [10, л. 27]. Надо отдать должное справедливости поднятых простыми тружениками проблем, все вопросы были заданы по существу, ведь население на самом деле испытывало нужду во многих промышленных и продовольственных товарах.

Среди огромного количества обращений встречаются просьбы, похожие на крик души, но направленные в адрес высшего госаппарата: «...для села увеличить фонды чулочно-носочных изделий и других трикотажных изделий, рабочей одежды и обуви», «ужесточить требования к злостно уклоняющимся от общественно полезного труда». Или такие, авторами которых, как нам кажется, были женщины. Это даже не предложения, а скорее мольба о помощи: «Плату за услуги медвытрезвителя взимать не из бюджета семьи, а привлекать пьяниц к отработке на стройках и благоустройстве в выходные дни». Действительно, пьянство в начале 80-х гг. превратилось в настоящую проблему, и один из способов борьбы с этой напастью выбрали сами жители, предлагая запретить продажу напитков в выходные дни [7, л. 29, 67].

При ознакомлении с этими обращениями граждан привлекает внимание тот факт, что среди огромнейшего количества предложений, просьб, требований, криков о помощи встретилось только одно, имеющее отношение к ветеранам Великой Отечественной войны. Высказано оно было очень обобщенно и расплывчато: кто-то из граждан просто заметил, что надо бы улучшить условия жизни ветеранов войны [7, л. 94].

В конечном итоге областной комиссией было выбрано 16 предложений. Трудно поверить, что авторами большинства из обращений были простые граждане: колхозники, рабочие совхозов и промышленных предприятий. Есть предположение, что это умелый ход со стороны партийной номенклатуры, направленный на очередную демонстрацию силы подлинной социалистической демократии, следовало еще раз показать народу, что именно рабочие и колхозники в союзе с интеллигенцией якобы творят свое будущее, формируя тем самым стратегию экономического развития страны на ближайшие годы.

Подводя итог, мы можем констатировать, что к моменту очередного съезда партии в СССР широко пропагандировались высокие достижения социалистического строя на основе стратегического планирования. При этом в стране накопилось огромное количество проблем и недостатков. Достаточно сказать, что в 1980 г. парк тракторов в сельском хозяйстве страны насчитывал 2 млн 562 тыс. машин, однако каждая четвертая-пятая из них не использовалась в производстве. Дело в том, что 13 % годового фонда рабочего времени тракторного парка эти машины простояли по организационно-техническим причинам, связанным с недоброкачественным ремонтом, нехваткой механизаторских кадров, прогулами из-за пьянства, болезнями трактористов и отсутствием замены им. Планы выполнялись далеко не по всем показателям [11, с. 53]. Саратовская область, например, не выполнила план десятой пятилетки по заготовке зерна, подсолнечника, сахарной свеклы, картофеля и, что особенно важно, мяса и молока [5, л. 29].

Естественно, что народ был недоволен «свершившимися успехами». Повсеместно не хватало товаров широкого потребления, дороги были неудовлетворительного качества, строительство жилья и промышленных объектов затягивалось, топлива не хватало, сельское хозяйство не обеспечивалось в должной мере техникой и запасными частями к ней, услуги связи, транспорта и коммунальной службы не отвечали требованиям современности, а экологические проблемы зачастую обходили стороной. И это лишь то небольшое, что можно охватить в рамках настоящей работы.

Список литературы

1. Деятельность КПСС по развитию общественно-политической активности рабочего класса (1975–1985) // Из истории социалистического строительства : межвуз. науч. сб. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-а, 1989.
2. Социальная активность рабочего класса в условиях развитого социализма. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982.
3. **Наумов, С. В.** Возрастание активности трудящихся в государственном управлении / Наумов С. В. // Общественно-политическая активность трудящихся и развитие социалистической демократии в условиях развитого социализма. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1986.
4. **Терновой, О. Н.** Общественно-политическая активность рабочего класса в условиях развитого социализма / О. Н. Терновой // Общественно-политические проблемы истории развития социализма в СССР : сб. ст. – М. : Наука, 1979.

5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 25. Д. 1.
6. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 25. Д. 98.
7. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 25. Д. 95.
8. **Демин, А. М.** География Саратовской области / А. М. Демин, Л. В. Макарецца, С. В. Уставщикова. – Саратов : Лицей, 2005. – 336 с.
9. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 25. Д. 107.
10. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 25. Д. 96.
11. **Бондаренко, А. А.** Социокультурные аспекты аграрной политики КПСС / А. А. Бондаренко. – Л. : Лениздат, 1986. – 165 с.

Захаров Александр Викторович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, кафедра экономической и политической истории России, Саратовский государственный социально-экономический университет

E-mail: ZaharovAV2007@yandex.ru

Zakharov Alexander Viktorovich

Candidate of historical sciences, senior staff researcher, sub-department of economic and political history of Russia, Saratov State Socio-Economic University

УДК 94(47)

Захаров, А. В.

Предложения и просьбы жителей Саратовской области как источник изучения социально-экономического развития региона / А. В. Захаров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 34–41.

УДК 165

С. И. Платонова

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены основные характеристики неклассической парадигмы социального исследования на примере феноменологической социальной теории. Дан сравнительный анализ классической парадигмы и неклассической парадигмы социального знания.

Ключевые слова: неклассическая эпистемология, методология, парадигма, социальная теория, феноменологическая социология.

Abstract. The article considers basic characteristics of a nonclassical paradigm of a social research by giving an example of the phenomenological social theory. The author presents a comparative analysis of a classical paradigm and a nonclassical paradigm of the social research.

Key words: nonclassical epistemology, methodology, paradigm, social theory, phenomenological sociology.

В качестве ведущей черты неклассической эпистемологии многие исследователи отмечают переход от ориентации на каноны наук, изучающих природу, к признанию равноправия с природой культуры, социальной сферы и, соответственно, равноправия изучающих их наук с естествознанием. Можно утверждать, что социально-гуманитарные науки обрели свой статус, признание только в рамках неклассической эпистемологии. Среди мыслителей, повлиявших на формирование подходов к изучению общества в рамках неклассической эпистемологии, необходимо назвать Г. Риккерта, В. Виндельбанда, В. Дильтея, которые показали существование гуманитарных наук, отличных от социальных и естественных тем, что они используют методы индивидуализации и понимания вместо методов генерализации и объяснения.

Зададимся вопросом: каковы особенности применения неклассической эпистемологии в современных социальных теориях? Каким образом неклассическая эпистемология оказывает влияние на способы интерпретации социальной реальности, на теорию и методологию социальных исследований? Другими словами, каковы особенности неклассической парадигмы социального исследования?

1. Феноменологический проект А. Шюца

Если обратиться к истории социального знания, то, на наш взгляд, одна из первых попыток построить теорию, идеал научности которой находился под влиянием неклассической социальной парадигмы, встречается в работах выдающегося австрийско-американского философа и социолога А. Шюца. Он является основоположником феноменологической социологии. Системное же

изложение феноменологической социологии получила в работах учеников А. Шюца – П. Бергера и Т. Лукмана. Прежде всего речь идет об их знаменитой работе «Социальное конструирование реальности» (1966). Необходимо отметить, что на становление концепции А. Шюца повлияли феноменология Э. Гуссерля и теория социального действия М. Вебера. В основании феноменологической социологии А. Шюца лежат концепция «жизненного мира», а также понятие естественной установки.

А. Шюц определяет жизненный мир как мир, в котором «мы, как человеческие существа среди себе подобных, живем в обществе и культуре, зависим от их объектов, которые воздействуют на нас и, в свою очередь, подвергаются нашему воздействию» [1, с. 391]. Жизненный мир – это до- и вненаучный мир, предшествующий научно-теоретическому миру, который представляет собой его «опредмечивание». Именно в жизненном мире сокрыты очевидности, обеспечивающие доступ к реальности. «Поэтому обыденный человек, погруженный в жизненный мир и непосредственно переживающий его, обладает... преимуществом перед человеком науки. Жизненный мир в качестве intersubjectивной реальности является, прежде всего, социальной реальностью» [2, с. 492]. Жизненный мир является intersubjectивным миром, т.е. мир переживается человеком как общий для него и других. Intersubjectивное понимание основывается на двух принципиальных допущениях. Первое допущение может быть названо «обоюдностью перспективы». Оно говорит о том, что для того чтобы разговор между двумя людьми имел смысл, каждый должен уметь выслушать точку зрения и позицию другого и быть в состоянии понять его. Второе допущение – «смысловая конгруэнтность перспективы» – означает, что обе стороны в разговоре полагают, что они истолковывают ситуацию сходным образом. Именно в жизненном мире А. Шюц искал истоки и основания всех стабильных систем взаимодействия. Социология не должна принимать жизненный мир «на веру», как данное. Наоборот, ее задачей является исследование природы этой данности. Первостепенной задачей методологии социальных наук является исследование основных принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт и, в частности, опыт социального мира.

Другое центральное понятие его социологии – естественная установка – понимается А. Шюцем как «наивная» точка зрения находящегося в конкретной ситуации «я». Исследователи отмечают, что в то время как Э. Гуссерль в своей феноменологии «заключает в скобки» естественную установку, А. Шюц все свои усилия направляет именно на изучение этого понятия. Он полагает, что «задача социологии состоит в описании и выявлении процесса конституирования обыденного социального мира» [3, с. 267]. Анализируя естественную установку, А. Шюц обращает внимание на следующие особенности социальной жизни. Жизненный мир состоит из будничных действий и институтов, социально принятых условностей, посредством которых люди категоризируют опыт и сообщают о нем. А. Шюц называет это знанием первого порядка. Это знание, которое определяется жизненным миром и которое организовано в типических структурах, называемых социологом типизациями. Данные типизации, выраженные в обыденном языке, являются приближительными и поверхностными. Знание второго порядка составляет, напротив, научным пониманием специалистов, при помощи которого обществовед интерпретирует и понимает осознанные здравым смыслом структуры жиз-

ненного мира. При этом социологическое объяснение будет считаться обоснованным, если социолог сможет продемонстрировать, что оно основано на значениях, используемых индивидами в повседневных практиках конституирования социальной реальности.

Концепция Шюца пытается объяснить происхождение социально-научных теорий и их изначальную глубинную связь с повседневной реальностью, т.е. с социокультурным миром, в котором живут и действуют практические социальные индивиды. Более того, она показывает, что сами ученые, изучающие общество, представляют собой в некоторой степени обыденных индивидов, не только практические действия, но и теории которых определяются в конечном счете их повседневными конструктами, зачастую почти в неизменном виде входящими в их теоретические объяснения. В этом последнем смысле методологическая концепция А. Шюца представляет собой прекрасное объяснение механизмов культурной обусловленности всякого научного познания.

Феноменологически ориентированное социальное знание строится не «сверху», путем создания особой реальности идеализированных объектов, но растет «снизу», путем систематического выявления связи между единицами непосредственных переживаний человека и макросоциальными явлениями. Социологическая теория должна расти «снизу». Только будучи построенной «снизу доверху», она в состоянии выявить взаимоотношения между макросоциологическими феноменами и единицами непосредственных человеческих переживаний. Сама постановка подобной задачи и поиск методологических средств ее разрешения – бесспорный вклад феноменологии жизненного мира в историю социальной методологии. Как справедливо замечает Л. Г. Ионин, в обыкновенной социологии эта проблема не возникает [1, с. 391]. То, что другие люди существуют и их действия имеют субъективный смысл, что люди ориентируют свои действия в соответствии с действиями других, что коммуникация и взаимопонимание возможны, – все это предполагается как данное, но не анализируется. В таком случае теория и методы социального познания не могут быть адекватно обоснованы, а их строгость и научность оказываются эфемерными. Может ли в таком случае наука претендовать на объективность?

Именно возможность продемонстрировать связи между конструктами первого и второго уровня отличает феноменологическое объяснение от позитивистского объяснения. Однако концептуализации второго порядка всегда носят искусственный характер. Научные конструкции являются идеальнотипическими конструктами. Те черты, которые отбираются как типичные, зависят от точки зрения социолога. Набор характеристик, подлежащих типизированию, детерминирован точкой зрения ученого-интерпретатора. Как в повседневном, так и в научном мышлении характер ответа зависит от постановки вопроса.

2. Социальное конструирование реальности в работах П. Бергера и Т. Лукмана

Системное изложение феноменологическая социология, как уже было отмечено выше, получила в работах П. Бергера и Т. Лукмана. П. Бергер использовал методологическую установку А. Шюца на изучение «жизненного мира» и влияния повседневности на формирование социальных структур. Рассматривая социальную позицию Э. Дюркгейма и М. Вебера, П. Бергер от-

мечает, что «дюркгеймовский и веберовский взгляды на общество логически не противоречат друг другу. Они просто составляют антитезу, ибо в центре их внимания находятся разные аспекты социальной реальности. Совершенно правильно будет сказать, что общество является объективным фактом, что оно формирует и даже принуждает нас. Но так же верно и то, что наши осмысленные действия способствуют поддержанию общественного здания и могут сыграть свою роль в его изменении. Эти два утверждения содержат в себе парадокс социального существования: общество определяет нас, а мы, в свою очередь, определяем общество» [4, с. 119–120]. П. Бергер и Т. Лукман стремятся согласовать человеческую автономию и принудительность социальных структур, утверждая, что, наряду с детерминацией объективных структур, существует детерминация со стороны сознания индивидов, которые через конкретные социокультурные действия осуществляют конструирование социальной реальности. Тогда главный для социальной теории вопрос может быть поставлен в следующем виде: «каким образом субъективные значения становятся объективной фактичностью?» [5, с. 36]. Таким образом, целью социальной теории является анализ «реальности повседневной жизни, точнее, знания, определяющие поведение в повседневной жизни» [5, с. 37].

Для решения данной задачи социологи предлагают обратиться к повседневной реальности в ее осмыслении рядовыми членами общества. «Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира... Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это – реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей реальностью» [5, с. 38–40]. Основным методом, способствующим прояснению оснований знания в повседневной жизни, является, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, феноменологический анализ, который «воздерживается от причинных и генетических гипотез так же, как и от утверждений относительно онтологического статуса анализируемых феноменов» [5, с. 39]. Последовательно раскрывая содержание своей феноменологической социологии, авторы оперируют понятиями «интерсубъективный мир», «естественная установка», «повседневное знание», «реальность повседневной жизни». Повседневная жизнь существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность. «Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом к лицу. Люди воспринимают других людей как определенный тип и взаимодействуют с ними в ситуациях, которые являются типичными. И чем дальше типизации социального взаимодействия удалены от ситуации лицом к лицу, тем более они анонимны» [5, с. 55–56].

Социальные структуры не представляются чем-то существующим над людьми и определяющим их поведение и поступки. Напротив, они принимаются как существующие в сознании людей, в привычках и повседневных обычаях, в рамках которых большинство людей предпочитают проживать свою жизнь. Таким образом, получается, что мы, люди, конструируем социальные структуры, в которых существуем. Эти привычки и обычаи имеют определенную власть над нами, так что впоследствии они становятся объективными социальными институтами, начинающими в той или иной мере воздействовать на наши поступки. Социальная структура – это вся сумма типич-

заций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной жизни. Человеческая экспрессивность объективируется, т.е. проявляет себя в продуктах человеческой деятельности, доступных как ее создателям, так и другим людям в качестве элементов общего всем мира. Реальность обыденного мира не только полна объективаций, в значительной степени благодаря этим объективациям она существует. Ибо в противном случае каждый жил бы только в мире своих представлений, а мышление, деятельность и бытие других были бы для него «нереальными». В основе социальных конструкций реальности лежит объективация языка.

Особую роль в конструировании социальной реальности П. Бергер и Т. Лукман отводят языку. Повседневная жизнь – это жизнь, которую другие разделяют посредством языка. Язык, по мнению социологов, «может стать объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных значений, жизненного опыта, которые можно сохранить во времени и передать последующим поколениям» [5, с. 65–66]. С помощью языка человек объективирует свое собственное бытие. Язык делает понятной и стабильной собственную субъективность человека. Язык возникает в повседневной жизни и тесно связан с ней. Человек сталкивается с языком как с внешней для него фактичностью, и он оказывает на человека свое принудительное влияние. «Язык предоставляет мне готовую возможность непрерывной объективации моего возрастающего опыта... Язык раздвигает свои рамки так гибко, что позволяет мне объективировать огромное множество переживаний на протяжении всей моей жизни. Язык также типизирует мои переживания и опыт, позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение не только для меня, но и для других людей. В той мере, в какой язык типизирует опыт, он делает его анонимным, так как опыт, подвергшийся типизации, в принципе может быть воспроизведен любым, кто попадает в рассматриваемую категорию» [5, с. 67–68]. Таким образом, именно с помощью языка человек объективирует собственное бытие, типизирует свой жизненный мир, а язык подчиняет человека своим структурам. П. Бергер и Т. Лукман, предлагающие свое объяснение общества, осуществляют конструирование социального мира, а не выясняют его строение. Позитивистская социология, по мнению социальных феноменологов, не может осознать, что исследуемая ею социальная реальность является «инобытием» позитивных методов. Именно позитивные методы порождают ту самую картину социальной реальности, на исследование которой позитивистская социология и направляет свои усилия. Что же на самом деле требует объяснения, так это процессы, посредством которых социальная реальность конституируется как опыт повседневной жизни.

Социальная феноменология, представленная работами А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, в своих онтологических, гносеологических, методологических основаниях противоположна классическим социологическим теориям. Неклассическая социальная парадигма находит конкретное воплощение в социальной феноменологии указанных мыслителей. Если предметом классической социальной парадигмы являются крупномасштабные социальные структуры, то предметом феноменологической социологии являются интрасубъективный мир повседневной жизни и процесс его социального конструирования. Если классическая социальная парадигма предлагает строгую

дихотомии субъект-объектных отношений, то феноменологическая социология смещает разрыв между субъектом и объектом: «это мир, складывающийся из интересубъективных отношений между людьми, где в ходе непосредственных контактов между индивидами вырабатываются лично окрашенные значения, которыми наделяются социальные процессы» [2, с. 492]. Если классическая социальная парадигма предлагает точное и строгое знание, то феноменологическая социология осознает, что ее научные открытия являются относительными, временными истинами, зависящими и от путей познания, и от способов интерпретации, которые впоследствии могут быть изменены. «Утверждение о том, что смысл рождается в процессе интерпретации, методологически означает отказ от свойственной классической парадигме социального знания позиции абсолютного наблюдателя – допущения о возможности единственно правильного образа реальности и единственно верной перспективы его видения с внешней... точки зрения», – считает Н. М. Смирнова [6, с. 219–220]. Позиция абсолютного наблюдателя классической социальной парадигмы заменяется позицией незаинтересованного наблюдателя в неклассической социальной парадигме. Принятие установки незаинтересованного наблюдателя означает, что социолог временно покидает область повседневных значений, в рамках которых выступает центром собственного жизненного мира. Одновременно он на время сознательно исключает себя и из наблюдаемой ситуации. Она обретает для него не практический, а когнитивный интерес. Это означает, что «берутся в скобки» собственные надежды, ценности, интересы. «Решением занять незаинтересованную позицию внешнего наблюдателя социальный ученый временно отстраняет себя как от биографической ситуации в социальном мире, так и от связанной с нею естественной установки сознания», – подчеркивает Н. М. Смирнова [6, с. 220]. Итак, если в классической социальной парадигме теоретик стремится к достижению абсолютной истины, то ученый, работающий в рамках неклассической социальной парадигмы, признает только относительную истину. Социальный ученый осознает, что понимание человеческой деятельности является бесконечным процессом.

3. Феноменологическая социология как одно из направлений неклассической социальной парадигмы

По нашему мнению, феноменологическая социология является социальной теорией, которая относится к неклассической социальной парадигме. Среди важных особенностей феноменологической социологии можно выделить следующие:

- метод понимания становится одним из ведущих социальных методов;
- используется «мягкая» методология, которая включает, в частности, феноменологический метод, методы типизации, интерпретации, идеализации;
- меняется онтология социальной реальности, к которой принцип методологического коллективизма не применим. Это принцип заменяется принципом методологического индивидуализма. На место изолированного индивида приходит субъект социальный, который включен в структуру самых разнообразных связей и вместе с тем сам является их творцом;
- происходит отказ от жесткой дихотомии субъект-объектных отношений. Социальный мир как объект не противопоставляется человеку как субъекту, становление этой объективности происходит в ходе процессов, протекающих в жизненном мире;

– позиция абсолютного наблюдателя заменяется позицией незаинтересованного наблюдателя;

– понятие абсолютной истины заменяется понятием относительной истины. Как в повседневном, так и в научном мышлении характер ответа зависит от постановки вопроса;

– выявляется связь между теорией и переживаемой социальной реальностью. Понятийные конструкты социальных наук являются «конструктами второго порядка», т.е. конструктами конструктов, созданных самими действующими людьми, чье поведение социолог должен объяснить в соответствии с процедурами своей науки;

– происходит отказ от жестких, однозначных понятий; понятия должны обладать «открытым горизонтом значений».

Феноменологически ориентированный социолог осуществляет конструирование социального мира, а не выясняет его строение. Как правильно заметила В. Г. Федотова, «специфика гуманитарных наук состоит в их укорененности в обыденном знании... Понимать – это значит говорить... на всем понятном языке, и, что особенно существенно... понятном для того, о ком говорят» [7, с. 72–73].

Между тем можно указать на ряд теоретических слабостей феноменологически ориентированной социальной теории. Г. В. Осипов считает, что нельзя согласиться с тем, что в основе социальных конструкций реальности лежит объективация языка, которая придает смысл и в пределах которой повседневная жизнь приобретает значение для людей [8, с. 223]. Попытка понять общество через понимание отдельного человека, объективацию его языка является односторонней. Принимать в качестве отправной исследовательской позиции человека, который является результатом своего общества и принадлежит обществу, означает в конечном счете абстрагирование от общества. Чрезмерная дихотомия объективного и субъективного начал социальной реальности была предметом критики последующих социальных мыслителей.

Мы хотели показать, что неклассическая парадигма социального исследования может найти конкретное теоретическое воплощение, в частности, в феноменологической социальной теории. Кроме феноменологической социологии, неклассическая парадигма социального исследования обнаруживает свое влияние на процесс формирования и других современных социологических теорий, таких как символический интеракционизм, этнометодология, теория обмена. Тем самым претензии классической, объективистской парадигмы социального исследования отобразить в своих понятиях и закономерностях динамически развивающееся общество обрели серьезную альтернативу, порождающую новые философско-методологические идеи. Социальные теории на основе классической парадигмы существенно сужают сферу социального знания, так как в центре их внимания – крупномасштабные социальные структуры. Появление неклассической парадигмы социального исследования не отменяет классической парадигмы. Это связано с различными исследовательскими стратегиями построения социальной теории, дополняющими друг друга в процессе исследования реальности. Классическая парадигма направлена на выявление закономерностей социальной жизни и способов осуществления социальных целей, в то время как неклассическая парадигма направлена на выяснение жизненно смысловых мотивов социальных действий индивида.

Классическая парадигма исходит из структурно-функционального характера социального процесса, акцентируя такой момент, как взаимодействие человека с обществом. Человек рассматривается как элемент социальной системы, которая полностью задает алгоритм его социальной деятельности. Неклассическая парадигма подчеркивает роль ценностно-смысловой мотивации социальной деятельности индивидов, невозможность устранить глубинный смысл социального взаимодействия при построении социальной теории. При этом отмечается, что социальные институты созданы самими индивидами, и их функции изменяются на основе изменения ценностно-смысловых ориентаций индивидов. Классическая парадигма акцентирует внимание на моменте устойчивости общества, на социальной статике, а неклассическая парадигма подчеркивает относительность любых социальных институтов, схем социальной деятельности, рассматривая социальные процессы с позиций динамики. Итак, неклассическая парадигма социального исследования, появившаяся в первой половине XX в., отвечает, по нашему мнению, стандартам неклассической эпистемологии.

Список литературы

1. Философия социальных и гуманитарных наук : учеб. пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2008. – 733 с.
2. Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – М. : Академический Проект, 2003. – 560 с.
3. **Волков, Ю. Г.** Социология: история и современность / Ю. Г. Волков, В. П. Нечипуренко, С. И. Самыгин. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 672 с.
4. **Бергер, П. Л.** Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / П. Л. Бергер. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 168 с.
5. **Бергер, П.** Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Academia-Центр «Медиум», 1995. – 323 с.
6. **Смирнова, Н. М.** Феноменологический проект методологии социально-философского анализа / Н. М. Смирнова // История методологии социального познания. Конец XIX – XX век. – М. : ИФ РАН, 2001. – С. 217–236.
7. Социальные знания и социальные изменения / ред. В. Г. Федотова. – М. : ИФ РАН, 2001. – 284 с.
8. **Осипов, Г. В.** Социология и социальное мифотворчество / Г. В. Осипов. – М. : НОРМА, 2002. – 656 с.

Платонова Светлана Ипатовна
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии, Ижевская
государственная сельскохозяйственная
академия

E-mail: platon-s@bk.ru

Platonova Svetlana Ipatovna
Candidate of philosophy, associate
professor, sub-department of philosophy,
Izhevsk State Agricultural Academy

УДК 165

Платонова, С. И.

Феноменологическая социальная теория в контексте неклассической парадигмы социального исследования / С. И. Платонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 42–49.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ИМИДЖА УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. В статье устанавливается связь между имиджем университета и его корпоративной культурой. Формирование конкурентоспособного имиджа высшего учебного заведения невозможно без развитой корпоративной культуры.

Ключевые слова: университет, ценности, корпоративная культура, академическая культура, имидж.

Abstract. The article reads about the connection between a university image and its corporate culture. Formation of a competitive university image becomes possible on the basis of highly developed corporate culture.

Key words: university, values, corporate culture, academic culture, image.

Современные университеты в последние годы вынуждены адаптироваться к новым условиям функционирования. Направления развития университетов определяются следующими тенденциями:

- развитием информационной культуры в условиях экономики, основанной на знаниях (экономики знания);
- включением предпринимательской функции в деятельность вуза и развитием концепции предпринимательского университета;
- усилением конкурентной борьбы на внутреннем и международном рынках научных и образовательных услуг [1].

В новых условиях вуз рассматривается как самостоятельная конкурентоспособная организация, обеспечивающая современный уровень и качество подготовки специалистов [2, с. 69]. Кроме того, университеты, наряду с образовательной и научной деятельностью, вынуждены вести предпринимательскую деятельность, конкурировать за привлечение средств из различных источников (фондов, спонсорской помощи и т.д.). Университет все более отчетливо приобретает черты предприятия, ориентированного на получение прибыли. Вместе с этим происходят изменения в структуре ценностей университета, формируется его корпоративная культура. Употребление понятия «корпоративная культура» применительно к университету в полной мере отвечает внешним условиям. Происходящие изменения в сфере высшего образования являются причиной возникновения приращения к уже традиционной академической культуре университета, в результате чего и рождается новая – более сложная – корпоративная культура университета.

Здесь наша точка зрения созвучна с мнением А. Беяева, который пишет о двойственной природе корпоративной культуры образовательного учреждения. С одной стороны, культура университета – это культура достижения интересов на рынке образовательных услуг, культура конкурентной борьбы; с другой – это традиционная академическая культура, основанная на сохранении и приращении педагогических ценностей [3, с. 62].

Культура любого типа представляет собой систему, т.е. единство образующих ее элементов. К ядру культуры принято относить доминирующие черты каждого из элементов. Специфика ядра той или иной культуры зависит от иерархии составляющих ее ценностей [4]. В соответствии с данным поло-

жением можно считать, что ядро корпоративной культуры университета составляют традиционные академические ценности (например, академическая свобода, академическая автономия, признание научным сообществом и т.д.), а новые ценности (например, ценности академического капитализма) располагаются на периферии. Новые (постакадемические) ценности мы относим к периферийным в силу того, что они в разной степени принимаются членами академического сообщества и пока могут рассматриваться как факультативные.

Несмотря на то, что новые и традиционные ценности университетской культуры зачастую находятся в противоречии, очевидна необходимость формирования конкурентоспособной корпоративной культуры университета. Это объясняется тем, что корпоративная культура университета:

- позволяет без административного нажима, естественным путем отбирать наиболее эффективные для достижения цели внутрикорпоративные межличностные отношения, соответствующие модели поведения персонала;
- способствует повышению репутации и имиджа университета;
- позволяет каждому члену педагогического коллектива самостоятельно определять возможность достижения им наибольшего успеха в повышении и своей собственной репутации (и как исследователя, и как преподавателя), и вуза в целом [3, с. 63].

Ключевым тезисом, на котором мы хотели бы остановиться в рамках настоящей статьи, является то, что корпоративная культура университета является основанием для формирования конкурентоспособного имиджа университета, ориентированного на различные целевые группы. Имидж университета в последнее десятилетие приобретает особое значение в связи с пересмотром отношений университета с потребителями предлагаемых образовательных услуг, обществом и бизнесом [5].

При рассмотрении проблемы соотношения имиджа и корпоративной культуры А. В. Короткевич предлагает воспринимать данные явления как содержимое различных чаш бизнес-весов [6, с. 301], тем самым давая понять, что сильная корпоративная культура выступает фундаментом для сильного имиджа.

Согласно мнению Е. А. Дагаевой, имидж является интегральной характеристикой корпоративной культуры и способом трансляции корпоративной индивидуальности организации. Именно поэтому построение целостного непротиворечивого имиджа высшего учебного заведения невозможно без предварительной комплексной работы над формированием корпоративной культуры вуза и таких ее базовых компонентов, как философия, миссия, корпоративная идентичность [7, с. 90].

Существенное заблуждение относительно имиджа любого объекта (человека, фирмы, политической партии и т.д.) заключается в упрощенном, поверхностном понимании имиджа. Технологии его формирования при этом сводятся лишь к «косметическим» решениям [8], не всегда достаточное внимание уделяется построению его основы – корпоративной культуры учебного заведения.

Понятие «имидж университета» в России получило распространение в середине 1990-х гг., когда стало очевидно, что образование представляет собой услугу, которая должна удовлетворять потребности общества. В это же время, наряду с государственными учреждениями, эту услугу стали предоставлять коммерческие вузы. Обострение конкуренции на рынке образова-

тельных услуг и явилось предпосылкой к формированию понятия «имидж вуза (университета)».

Благоприятный имидж является, пожалуй, основным источником конкурентной привлекательности и популярности региональных вузов в глазах потенциальных абитуриентов. Так, согласно ресурсному подходу, разработанному учеными Гарвардского университета, имидж организации является ее неосознанным активом и наряду с остальными компонентами выступает реальным источником конкурентоспособности и ключевым фактором адаптации любой организации к внешним условиям [7].

Несмотря на многочисленные исследования различных типов имиджа (имиджей), данное понятие не получило однозначной трактовки. Уже сама семантика английского слова *image* (от лат. *imago* – изображение, подобие) может ввести в заблуждение различными значениями и оттенками смысла. Среди них традиционно выделяют такие значения, как «образ», «отражение», «копия». Кроме того, *image* может пониматься как «олицетворение», «представление» (о чем-либо), «репутация», «престиж» и т.п.

Понятие «имидж» не получает единого понимания и среди специалистов, представляющих различные отрасли знания.

Психологи акцентируют внимание на том, что:

1) имидж – целостная непротиворечивая структура, система, и для его построения необходимо умело работать со стереотипами массового сознания;

2) имидж – манипулятивный, привлекательный психологический образ, который:

– всегда ориентирован на восприятие, в основе которого лежат коммуникативные установки, ожидания и требования, присущие коллективному сознанию;

– предполагает сильный эмоциональный отклик;

– включает в себя одновременно элементы иллюзорности и реалистичности;

– прагматичен, т.е. ориентирован на ограниченный круг задач, соответствующих целям организации или особенностям ситуации для ее развития;

– активен по своей природе и оказывает воздействие на сознание и поведение людей;

– не подлежит прямому измерению, оценить его можно лишь по отношениям, проявляющимся в общении, деятельности, выборе;

– имеет характер стереотипа [9].

В коммуникативистике имидж – это образ реального факта, события, явления, лица, института, формирующийся из опыта личного общения, на основе сообщений средств массовой информации, слухов, рекламы, а также с помощью профессиональной деятельности имиджмейкеров [10].

Классик маркетинга Ф. Котлер под имиджем понимает восприятие компании или ее товаров обществом [11].

Конструирование имиджа вуза должно идти по принципу «внутренняя среда – внешняя среда» («изнутри – наружу»). Единая и разделяемая всеми сотрудниками система ценностей и адекватных способов их реализации выступает фундаментом формирования как корпоративной культуры вуза, так впоследствии и его имиджа [12, с. 90]. В связи с этим справедливо выделение следующих этапов формирования корпоративного имиджа:

- 1) формулировка видения, корпоративной миссии;
- 2) формирование корпоративной индивидуальности (т.е. совокупности уникальных черт организации);
- 3) развитие корпоративной идентичности сотрудников;
- 4) конструирование корпоративного имиджа [8].

Связь корпоративной культуры вуза с репутацией, имиджем и брендом вуза обозначена в работе И. В. Грошева и В. М. Юрьева [13]. По их мнению, такая связь определяется нематериальным характером образовательной услуги и невозможностью оценки результата непосредственно в момент ее оказания. Другими словами, при выборе того или иного высшего учебного заведения потребитель образовательных услуг вынужден ориентироваться на авторитет руководства, сложившуюся репутацию и бренд, которые формируются под влиянием корпоративной культуры вуза.

В условиях академического капитализма, когда университеты рассматриваются как конкурирующие предприятия, особое значение приобретает проблема имиджа университета. **Под имиджем университета понимается общественное восприятие университета, складывающееся из опыта личного общения с образовательным учреждением, а также за счет средств массовой информации.**

Имидж имеет две составляющие: **описательную** (информационную), которая представляет собой образ организации, или совокупность представлений (знаний) об организации, а также составляющую, связанную с отношением, – **оценочную составляющую** [14]. Оценочная составляющая базируется на описательной составляющей, так как хранящаяся в памяти информация пробуждает оценки и эмоции, которые могут обладать различной степенью интенсивности. Организация оценивается сквозь призму прошлого опыта, ценностных ориентаций, общепринятых норм и моральных принципов. В реальности обе составляющие образуют единое целое, т.е. имидж [14].

Наряду с понятием имиджа университета, распространение получает другое понятие – «бренд университета» [13, 15, 16]. Бренд образовательного учреждения рассматривается как система, объединяющая в себе продукт, имидж, образ марки в сознании потребителей, а также видение производителем образов предоставляемой услуги, марки вуза и основных характеристик потребителей [16, с. 12].

Согласно другому определению, **бренд** в сфере образовательных услуг понимается как «семиотический конструкт, смысловым содержанием которого является комплекс ценностей образовательных услуг данного учебного заведения, транслируемый через его внешние и внутренние коммуникации на абитуриентов, студентов, выпускников и работодателей с целью позиционирования на рынке образовательных услуг» [17, с. 35].

Бренд и имидж можно соотнести следующим образом: бренд университета – это внешняя оболочка имиджа, а имидж – это внутреннее наполнение, которое формируется в сознании аудитории [18, с. 73].

Реально существующий имидж университета во многом зависит от отношений с различными группами целевой аудитории: **с обществом** в целом, **со студентами**, которые выступают в роли клиентов (потребителей образовательных услуг), **с бизнесом** (промышленностью), ожидающей от него актуального с коммерческой точки зрения знания, **и государством** (правитель-

ством), которое требует от университета большей экономической самостоятельности.

Отношение вуза с различными сегментами аудитории укладывается в модель формирования корпоративного имиджа промышленного предприятия, которая предложена в работе Е. Н. Якубенко [19, с. 10] (рис. 1).

Рис. 1. Модель формирования корпоративного имиджа предприятия [19]

Российские университеты ощутили необходимость формирования корпоративной культуры относительно недавно. Этому как раз способствовал тезис, согласно которому корпоративная культура является основой формирования имиджа учебного заведения, влияет на его конкурентоспособность на рынке образовательных услуг. Более пристальное внимание стало уделяться формированию корпоративной культуры, формулировке ее ключевых составляющих, например, миссии университета. Это проявляется в принятии документов, обозначающих контуры и содержание корпоративной культуры конкретного вуза (например, «Кодекс корпоративной культуры Кубанского государственного университета», «Кодекс корпоративной культуры Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева», «Положение о корпоративной культуре Томского государственного университета» и др.). Такие документы, как правило, содержат:

- трактовку корпоративной культуры и ее основных компонентов (миссии, корпоративного духа, деловой этики, имиджа и т.д.);
- характеристику отношений «университет – сотрудники»;
- принципы отношений между подразделениями;
- нормы и правила делового этикета;
- свод этических правил преподавателя, студента;
- перечень и характеристику корпоративных символов (корпоративные цвета, флаг, гимн, девиз, герб).

Фундаментом имиджа университета выступает его корпоративная культура как совокупность ценностей, разделяемых сотрудниками, принципов, философии развития университета. Работа по формированию конкурентоспособного имиджа университета должна начинаться прежде всего с создания сильной корпоративной культуры, а затем касаться внешних («косметических») аспектов имиджа.

Список литературы

1. **Грауманн, О.** Новая идентичность вуза в условиях интернационализации образования / О. Грауманн, М. Н. Певзнер, А. Г. Ширин // Высшее образование в России. – 2009. – № 6. – С. 123–131.
2. **Тюнников, Ю.** Корпоративная культура как фактор конкурентоспособности вуза / Ю. Тюнников, М. Мазниченко // Высшее образование в России. – 2005. – № 10. – С. 69–77.
3. **Беляев, А.** Корпоративная культура университета: от теории к практике / А. Беляев // Высшее образование в России. – 2007. – № 11. – С. 62–65.
4. **Культурология** : учеб. для технических вузов / под ред. Н. Г. Багдасарьяна. – М. : Высшая школа, 1998.
5. **Прохоров, А. В.** Аксиологические особенности формирования имиджа университета в условиях глобализации и интернационализации / А. В. Прохоров // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – Вып. 4 (84). – С. 190–194.
6. **Короткевич, А. В.** Корпоративная культура как основа репутационного капитала: методология построения, новые методы и формы воздействия / А. В. Короткевич // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2008. – № 4. – С. 300–311.
7. **Дагаева, Е. А.** Управление имиджем вуза / Е. А. Дагаева // Управление персоналом. – 2005. – № 3. – С. 26–28.
8. **Алешина, И. В.** Корпоративный имидж: стратегический аспект / И. В. Алешина // Маркетинг в России и за рубежом. – 1998. – № 1. – URL: <http://www.cfin.ru/press/marketing/1998-1/04.shtml>
9. **Панасюк, А. Ю.** Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники / А. Ю. Панасюк. – М. : Омега-Л, 2008.
10. **Шарков, Ф. И.** Имидж фирмы: технологии управления : учеб. пособие для вузов / Ф. И. Шарков. – М. : Академический проект, 2006.
11. **Котлер, Ф.** Основы маркетинга / Ф. Котлер. – М. ; СПб. ; Киев : Вильямс, 2008.
12. **Дагаева, Е. А.** Имидж вуза и корпоративная идентичность / Е. А. Дагаева // Высшее образование в России. – 2008. – № 11. – С. 89–93 .
13. **Грошев, И. В.** Вуз как объект брендинга / И. В. Грошев, В. М. Юрьев // Высшее образование в России. – 2010. – № 1. – С. 23–29.
14. **Томилова, М. В.** Модель имиджа организации / М. В. Томилова // Маркетинг в России и за рубежом. – 1998. – № 1. – URL: <http://www.cfin.ru/press/marketing/1998-1/05.shtml>
15. **Грошев, И. В.** Менеджмент организационной культуры : моногр. / И. В. Грошев, В. М. Юрьев. – М. : Изд-во Московск. псих.-соц. ин-та ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2010. – 760 с.
16. **Юсупова, Г. Р.** Экономическая оценка бренда образовательного учреждения : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Юсупова Г. Р. – Уфа, 2009.
17. **Краева, И. А.** Позиционирование бренда ННГУ на рынке образовательных услуг / И. А. Краева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2007. – № 1. – С. 35–39.
18. **Юрьев, В. М.** «Жить по средствам»: реальность и возможности социально-экономического и материально-технического развития вуза: развернутые тезисы

доклада на заседании Расширенного Совета ТГУ имени Г. Р. Державина (25 ноября 2007 г.) / В. М. Юрьев. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007.

19. **Якубенко, Е. Н.** Формирование и мониторинг корпоративного имиджа промышленного предприятия : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Якубенко Е. Н. – Брянск, 2006.

Прохоров Андрей Васильевич

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой рекламы,
Тамбовский государственный
университет им. Г. Р. Державина

E-mail: proh_and@rambler.ru

Prokhorov Andrey Vasilyevich

Candidate of philological sciences,
associate professor, head of sub-department
of advertisement, Tambov State
University named after G. R. Derzhavin

УДК 008+378.1

Прохоров, А. В.

Корпоративная культура как основа имиджа университета /
А. В. Прохоров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 50–56.

ЦИРК – ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Все, что относится к публикациям по вопросам теории циркового искусства, ограничивается изложением исторических этапов развития циркового искусства, мемуарами известных артистов или констатацией жанров и описанием трюков. Что касается философского аспекта цирка как специфического вида искусства, то оно ранее не подвергалось какому-либо анализу, в связи с чем настоящая статья представляет собой уникальный материал, не имеющий аналогов в мире. Это обстоятельство позволяет говорить о ценности ее содержания для всех, кто интересуется цирковым искусством.

Ключевые слова: трюк, цирк, образ, искусство, эстетика, жанр.

Abstract. The content of publications concerning the circus art theory is limited to a review of historical stages of circus art development, memoirs of famous actors or ascertaining of genres and descriptions of tricks. Regarding philosophical aspect of circus as a specific art form, it has never been analyzed earlier, and due to this fact the article represents a unique material which does not have analogs in the world. This circumstance allows to speak about the value of its content for everyone interested in circus art.

Key words: a trick, circus, an image, art, an esthetics, a genre.

Философия в цирке приобретает особое значение в процессе формирования артиста как всесторонне развитой личности, формирования его мировоззрения, творческой позиции, культуры поведения. Законы философии способствуют развитию в артисте продуктивного воображения, готового к выражению фантазий в пространстве цирка публично и открыто, раскрывая в этих выражениях эстетическую концепцию индивидуальной деятельности артиста. Артист цирка, соприкасаясь с эстетической проблемой выражения, всегда черпает для себя много полезного, извлекает из познаний категорий эстетики необходимые знания для создания номера. Поэтому эстетика как философия искусства находит свое применение и выражение в цирковой действительности, схваченной в ее живом и непосредственном течении, в ее внутреннем творческом начале, которому присуще философское содержание и смысл.

Философия тяготеет к искусству, чтобы выявить принципы художественного освоения действительности через художественные образы, так и искусство стремится к философии, выявляя свое философское начало. Взаимное тяготение обусловлено определенной общностью предмета их интересов. Общеизвестно, что как в центре искусства цирка, так и в центре философии, хотя и в разных отношениях, стоят проблемы, связанные с раскрытием природы познания возможностей человека, отношения артиста к окружающему миру. Однако при всей широте интересов философии и циркового искусства в центре творческих, художественных и философских исканий всегда был и остается человек, его судьба, его место в жизни, его назначение и смысл человеческого бытия. Цирковое искусство – это концентрация философских общечеловеческих ценностей. Как говорил Тютчев, «все во мне и я во всем».

Искусство цирка всегда выступало и выступает в качестве модели свободной творческой человеческой деятельности. В этом отношении И. Кантом

в одной из трех своих «Критик» был поставлен вопрос о переходе человека из царства необходимости в царство свободы. В книге «Критика чистого разума» И. Кант рассматривает человека как природное существо, подверженное действию естественных законов, и поэтому он добавлял, что его больше всего занимают звездное небо над человеком и внутренний голос в нем самом. Для И. Канта каждое искусство – это игра тех или иных духовных способностей человека. Поэтому в цирке артист исполняет трюки не потому, что он этому обучился, а потому, что он должен исполнять трюки, согласно своей духовной необходимости создания циркового номера, исходя из своего внутреннего состояния и предлагаемых обстоятельств, реализованных им же «здесь и сейчас». Это значит, что он должен эмоционально и выразительно убедить зрителя в том, что в его распоряжении нет никакого другого способа выражения себя и смысла своего номера, кроме именно этого набора трюков, являющихся существенным проявлением творческой мысли артиста.

Необходимо отметить, что чувственное впечатление от восприятия окружающей реальности активно влияет на сознание артиста как некий возбудитель творческого процесса мышления артиста с целью создания циркового номера как произведения искусства. Таким образом, цирковой номер не что иное, как конечный продукт реакции артиста на внешний мир, а предыдущая ступень – это созерцание, рассмотрение и мышление, являющиеся переходным моментом от объективного мира к его творческому отражению в произведении искусства, т.е. в конечном продукте. Поток жизни, проникающий в артиста через органы восприятия, возвращается во внешний мир уже в творчески измененном виде и воспринимается зрителем опять же на основании его органов восприятия.

Выстраивание поступков через чувства есть окончательная цель творческого познания в цирке, которые определяются на основе существующего в цирке противоречия между возможностью единства бытия артиста в цирковом пространстве и жанровой множественностью. Отсюда выстраивание трюкового репертуара происходит на основе отношения артиста со средой своего бытия как непрерывного циклического процесса.

Многие цирковые номера основаны на реквизите. Опредечение творческого мышления артиста означает его действие на основе чувственно-предметной, практической реализации себя в цирковом пространстве, в чувственно-природном материале, а именно в «образе Я», в мире чувственно-созерцаемых вещей. Цирковая практика – это процесс чувственно-предметной деятельности, изменяющий вещи и превращающий их в необходимый реквизит в согласовании с цирковым трюком, с композицией номера, с особенностями выразительного аппарата артиста.

Цирк – это объективная реальность, выраженная в категории всеобщего, в плане закономерных связей цирковых жанров, цирковых номеров и трюков, в смысле закона их функционирования в составе единого целого, т.е. сферы цирка как самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, где все трюки – основополагающие циркового жанра, являющиеся смыслом поведения артиста. Принимая на себя функции смыслообразования, трюк, выраженный в многообразии жанровых модификаций, представляет собой то основание, которое формирует значения и символы. Всеобщее в цирковом искусстве выражается в различии и многообразии жанров, номеров, делающих особенными цирковые явления, иногда дополняющими друг друга в ви-

де меланжакта, смешения жанров в одном номере при использовании компонентов целого, всеобщего – купола, манежа и т.д. В то же время то всеобщее в виде сферы цирка обнаруживает себя именно в своих особенностях – в цирковых жанрах, в своих индивидуальных характеристиках – номерах. Всеобщее как цирковое искусство существует и само по себе как особенное среди всех видов искусств.

Реальность всеобщего в сфере цирка – закон, но закон не как некоторое абстрактное правило в его реальности, а как тенденция, обнаруживающая себя в поведении артиста, в более или менее сложном ансамбле цирковых номеров, часто через нарушение логики, смену темпо-ритмов, через отрицание части всеобщего, что предполагает необходимую алогичность поведения артиста во всех жанрах и логичность выстраивания неких взаимодействий номеров в цирковом представлении. Например, отрицание части всеобщего происходит после восприятия возвышенного, выраженного, например, в «Воздушном полете», после которого в отрицании исполняется реприза, пародия на это возвышенное, и далее за репризой исполняется следующий номер, воплощающий в себе прекрасное. Тем самым происходит отрицание отрицания и отрицание части всеобщего. И цирковому творческому мышлению приходится с этими обстоятельствами считаться.

Отрицание отрицания, по сути, едино и парадоксально в своей природе. Закон отрицания отрицания являет собой преемственность этапов развития, его спиралевидность, что и есть признаки этого закона, но не все. Первоначальное взаимоотрицание оборачивается взаимопорождением. Отрицание предыдущего как процесс всегда связан с моментом рождения чего-то последующего нового, особенного, отличного от предыдущего. Это последующее может и не быть лучше, более прогрессирующим по сравнению с предыдущим, но сам факт отрицания рождает то, что может в свою очередь быть отрицаемым последующим действием артиста. Этот философский закон – «отрицание отрицания» – наиболее ярко проявляет себя именно в цирковом искусстве. Конфликт, развиваемый в цирковом номере, основан на взаимоотрицании артистов по отношению друг к другу или по отношению артиста к своему предыдущему состоянию, умению или к изменению предмета в своем «эволюционном» развитии. Все эти разновидности отрицания, выраженные в конфликте, являются одной из причин рождения произведения циркового искусства.

Стоит только задать вопрос, почему часто встречаются неуживчивые, черствые, раздражительные люди, и напрашивается ответ – они испортили свой характер, навязав себе задачу, не свойственную их природе. Артист же должен быть самим собой, т.е. подчиняться самому себе и развивать те способности, которые даны ему природой. И здесь проявляет себя внутреннее противоречие желаемого и естественного. Из внутреннего состояния эти противоречия выливаются во внешние проявления, что иногда создает видимость того, что их невозможно внешне чисто механически соединить. Возникает постоянное противоречие между необходимостью создания номера и свободой мысли, необходимостью исполнения уже отрепетированного трюка и случайностью, препятствующей его исполнению.

Вот как об этом говорил Д. Дидро: «Тот, кто создан природой, меньше, чем созданный поэтом, второй – меньше, чем созданный великим актером, третий наиболее преувеличенный из всех. Этот последний взбирается на пле-

чи второго, замыкается в огромном ивовом манекене и становится его душой» [1, с. 631]. Прямо как в цирке, это суждение выстроилось в некую парадоксальную пирамиду, где «созданный природой» есть человек, «созданный поэтом» – артист, «созданный великим актером» – цирковой номер. Таким путем артист делает наглядными свои идеи, для чего у него имеется правда жизни, прообразы-типы людей и обстоятельств, как положительные, так и отрицательные: любовь, слава, смерть, зависть, верность, отвага и пр. При этом артист выходит постоянно за пределы своего жизненного опыта, представляя с помощью своего воображения в формах цирковой выразительности зримые примеры, часто не существующие в природе.

Объективные противоречия берутся артистом как ничем не заменимые основания, образующие для артиста проблемные ситуации, т.е. те условия, события, предлагаемые обстоятельства, в которых только и могут быть реализованы его способности как преодоление препятствий к своему совершенству, завершенности. Творческая логика в цирке открыто через цирковой номер предполагает свое содержание, в котором единичное, особенное, всеобщее не лишено проблемности. Никакая цирковая художественность не может притязать на завершенность. Не может притязать потому, что всякое действительное цирковое произведение, как бы оно ни возвышалось над другими сегодня или другими прежними, не только не знаменует собой достижения некоего «конечного пункта», но и гораздо сильнее взывает к новому творчеству, взывает ничем иным, как своими противоречиями. Противоречиям, рожденным в условиях цирка, нужен свойственный данному виду искусства контекст знаний основного выразительного языка как процесса разработки понятийных смыслов этого искусства в их движении, в их диалектической противоречивости. Поэтому артист, когда использует эти специфические знания, может вникнуть в те процессы причинно-следственных связей, которые необходимо воспроизвести, чтобы подняться до уровня творца и открывателя в своем жанре.

Всякое действительное разрешение проблем всегда означает одновременно их обновленное воспроизведение на более высоком уровне, равно как и открытие новых противоречий, которые ведут творчество вперед. Если фантазии и знания артиста не исчерпываются одним жанром, а для выявления своей творческой потребности он не укладывается в рамках смыслов трюкового репертуара данного жанра, то он продолжает поиск на стыке жанров, или привносит в основной жанр что-то из другого, или создает новый поджанр. Этот процесс предполагает опредмечивание знаний как одно из условий развития циркового искусства. В свое время появлялись такие номера, как хула-хуп, ремни, полотна и др. В то время эти номера двигали цирковое искусство вперед, сейчас время требует новых творческих поисков и открытий.

Известное выражение «противоречие есть источник, двигательная сила самодвижения» можно выразить формулой: противоречие есть сущность самодвижения, самодвижение – это существующее противоречие или способ существования противоречия, противоречия как процесса. Для цирка это представляет особое значение, так как специфика создания циркового номера требует отображения, на основе особенностей жанра, самодвижения смысла и его предметных противоречий, которые создают основу художественного образа номера. Развитие действия номера посредством парадоксов и противоречий определяется спецификой творчества в цирке. Этот процесс состоит из

элементов прерывности и непрерывности, они взаимоотрицают и дополняют друг друга. Если один трюк рождает комплимент, а серия трюков рождает тот же комплимент, то возможен и другой вариант трюка, который способен рождать другой комплимент, способный обогатить другую серию трюков для рождения других комплиментов. Трюки выражают взаимоотрицание и взаимообогащение в процессе продвижения вперед на основе прерывности и непрерывности.

В реальном диалектическом противоречии противоположности в цирке по отношению друг к другу как тождественны, так и различны во всеобщем, т.е. в пространстве цирка. Одни жанры тождественны на основе общей плоскости своей реализации, так как у них нет пространственной разделенности: одни – воздушные гимнасты, эквилибристы на канате, другие – жонглеры и иллюзионисты. Каждый жанр содержит в себе «свое иное», свой набор трюков. Все цирковые жанры проявляют себя в различных плоскостях – движением вверх и вниз, влево и вправо, т.е. в плоскости вертикальной или плоскости горизонтальной. В то же время они могут пересекаться, но не переходя друг в друга без остатка, так как могут потерять свою особенность и привлекательность. Жанры выступают именно как «свое иное», когда в основе одного участвуют, в примитивном сравнении, активно руки, у другого – ноги, т.е. как нетождественные элементы, как различия, которые присущи разным жанрам.

Именно это тождество и различие реальных противоположностей делает противоречие деятельным соотношением противоположностей, побуждающим к определенной форме. Противоположность – не крайняя степень различия, она способствует тому, чтобы качественно отличать друг от друга структуры циркового искусства. В структуре противоречий одного жанра, в случае его неразрешения, всегда следует искать третий элемент, опосредствующий противоположности. Он всегда конкретен, может быть привнесен из другого жанра и может сыграть свою роль в зависимости от характера противоположностей. Опосредование выступает как способ снятия противоречия. Например, в жанре «иллюзия» предусматривается наличие в одном номере взаимно предполагающих и одновременно взаимно отрицающих друг друга иллюзионных трюков, в которых наличествует необходимость превращений одного предмета, животного или человека в другие объекты, т.е. необходимость его самоотрицания, которое и оказывается в данном жанре единственно адекватной формой выражения предложенных ситуаций. Иллюзионный жанр тем и интересен, что он, помимо загадки, секрета, демонстрирует противоречия, доведенные до остроты восприятия, обозначая прорывы мышления в еще не познанные сферы человеческой деятельности. Иллюзия часто превращает внутри номера ситуации в свою собственную противоположность.

Каждый цирковой жанр является специфической системой знаний о мире, построенной на более или менее сложном трюковом фундаменте абстракций, идеализаций, исходных допущений. Помимо прочего, это означает, что каждый жанр представляет собой огрубленный, упрощенный, разделенный на трюковые комбинации образ той или иной действительности, играющей роль предметной области данного жанра. Как понять и как выразить в логике понятий противоречивость единого в одном и том же месте, в одно и то же время, в одном и том же отношении, иначе говоря, в цирковом номере, и главная трудность – как добиться ее содержательности. Диалектическое противоречие в цирковом номере есть противоречие в открытии его сущно-

сти на основе «образа Я» артиста и понятия вещи и реквизита. Формальные различия в сущности номера представляют собой возможность или тенденцию в реализации новых смыслов и значений. Возможность и тенденция – это не столько особое свойство несуществующего, сколько особо существующая вещь в сценарии, в чертежах реквизита, в эскизах костюмов и т.д. и, наконец, в сознании артиста, автора. Таким образом, бытие в возможности – это самостоятельная сфера реальности возможного существования. Вот это самое «быть раньше существования и вневременно предшествовать, т.е. быть в возможности» как раз и является основой для понимания противоречивого характера объективной реальности в творческом сознании, раскрывает внутреннюю сущность цирка в терминах: «отрицание», «отрицание отрицания», «динамизм», «становление», «развитие», «разрешение», «снятие» и обобщает все это в цирковом номере.

Потенциальное в цирке часто не совпадает с возможным, с потенциалом, заложенным в артисте. Потенциальное связано с моментом устойчивости и повторяемости в исполнении трюкового репертуара, в его развитии, т.е. связано с закономерностью, опирающейся на прошлый опыт. Что касается «потенциального» и «возможного», то они наличествуют не только в настоящем и будущем, но и в прошлом – в качестве нераскрытых потенциалов, неиспользованных возможностей артиста, в создании новых цирковых жанров.

Цирковой номер воплощает в себе развертываемый во времени живой, диалектический процесс, непрерывное становление напряженно противоречивого целого. Но существует еще и техника в виде трюка, которая и является выразителем целого.

Противоречие есть такая категория, которая требует от артиста в цирке освоения им всего, что он застал, придя в цирк, как уже существующего, воспринял цирк как систему предпосылок своего бытия в качестве артиста. Одновременно он должен достраивать эти предпосылки, достраивать незавершенность циркового пространства путем совершенствования своего трюкового репертуара, при этом стремиться открывать и созидать принципиально новые человеческие возможности, новые контуры измерений цирковой действительности.

Противоречие в условиях цирка бросает вызов человеку и раскрывает ему особый мир, мир, пронизанный проблемностью: все объективные предпосылки циркового творчества выступают для артиста как объективный набор отрицаний, которые сами по себе не решаются и не содержат в себе предложения по их устранению. И артист как художественно-нравственно познающий субъект берет на себя функции решить эти отрицания творчески и практически на основе своего номера. Этот процесс вбирания в себя, в свой собственный мир противоречий циркового пространства через их разрешение и воспроизведение в цирковом произведении искусства есть ничто иное, как процесс творческой деятельности. Он выражается не только в динамическом процессе, но и в ритме и многомерности своих «скульптур» и «формообразований».

В цирке не может быть абсолютной повторяемости номеров, абсолютного их различия и абсолютного тождества. Так как, мало того, что артист индивидуален в своем исполнительском мастерстве, он еще использует опыт других поколений артистов, выражаемый в форме и в некоторых способах поведения. В свое время Гераклит говорил, что «бессмертные – смертны,

смертные – бессмертны, смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают».

Сопоставляя тождество и различие цирковых жанров, мы приходим к идее единства в многообразии, единства циркового пространства, в котором необходимость и случайность проявляются в цирковых номерах как в частной связи. Частные связи проявляются в свете соотношения трюков, в композициях цирковых номеров. Выразительные элементы, из которых состоит цирковой номер, состоят во взаимосвязях, которые в свою очередь способны образовывать новые явления, новые свойства, новую связь и новое отношение, тем самым создавать новый номер и развивать, совершенствовать старый. Эта структура должна пониматься как закон, применимый в рамках данного целого циркового номера. И в то же время, когда в новом состоянии смысла номера сохраняются старые элементы, такие как реквизит, музыка, костюмы, сохраняется старая структура номера, его старая форма и старое содержание. Но когда в номере есть новые элементы, которые требуют новой структуры, то и смысл номера приобретает новое звучание.

В цирке особое значение приобретает элемент сложности в исполнении трюка. Поэтому основным понятием теории развития трюка являются понятия низшего и высшего уровней, т.е. понятие сложности как в физическом исполнении трюка, так и в техническом, универсальном признаке вещи, реквизита и циркового аппарата. Признаки сложности образуют определенное единство и многообразие. Исходя из этого, понятие развития, т.е. изменения сложности, в условиях цирка приобретает основное значение. Само понятие развития в цирке меняется «через» и «благодаря» универсальности формы активности человека, артиста, через его практическую деятельность.

Наиболее наглядным примером реального воплощения в реальности закона отрицания отрицания является номер «Трансформация» в жанре иллюзии. Смена на глазах у зрителей цвета и фасона костюма артистов подтверждает степень развития в рамках закона: когда происходит сохранение элементов отрицаемых костюмов в процессе качественного преобразования вещи в форме скачка, преобразуется и сама основа, т.е. артист. Со сменой внешней формы меняется и внутреннее содержание. Такое отрицание имеет место в переходах от одной стадии развития системы к другой.

Цирк как вид искусства утверждает себя в соответствующих определяющих категориях основных философских законов. Один из них – противоречие возможностей и реальности (закон единства и борьбы противоположностей). В категории качества другой закон – чем больше артист репетирует трюки, тем качественней становится его номер (это закон перехода количественных изменений в качественные и обратно). В категории отрицания – каждый последующий трюк в цепочке своего развития более сложный по сравнению с предыдущим, тем самым происходит отрицание (закон отрицания отрицания). В этих примерах были отражены только поверхностные характеристики циркового искусства с точки зрения законов диалектики. Между тем каждому главному диалектическому закону присуща собственная логика интеграции образующих его моментов в цирковом искусстве.

Говорить о белом можно только в случае представления о черном или другом цвете, кроме белого. Говорить о тяжелом можно в случае представления о легком. Говорить о цирковом полете можно тогда, когда многое скажешь или познаешь в действии на манеже. Иметь представление о возвышен-

ном, о прекрасном можно в сравнении с приземленным, творимым «внизу», в манеже. Поэтому все эти переходы без своих альтернативных познаний не дадут полную картину цирка, где очень тесно соседствуют друг с другом противоположности в своем единстве.

Диалектика познания того или иного циркового номера требует разложения на его составляющие, определения смысловой основы частей целого и их соответствия конечной цели. Путь артиста по канату вверх можно разделить на определенные отрезки прямой, где каждый отрезок имеет значение сам по себе. Такие искусственно созданные отрезки могут быть употребляемы и понимаемы в разных жанрах и смыслах, в зависимости от единой конечной цели. Они могут иметь значение эволюции, перехода смысла одного в другой либо быть скачком эмоционального и физического состояния артиста. И все это возможно только благодаря тому, что эти «отрезки» используются для выражения смысла. Каждый отрезок прямой, в случае с эквилибристом, создает реализацию закона отрицания отрицания, где следующий этап пути отрицает предыдущий. В результате необходимо понять метрическое отрицание, анализируя структурно-смысловое отрицание.

Допустим, что артист проходит известный визуальный путь по канату. Всякая точка на этом пути имеет свое определенное «прошлое», которое артист уже прошел и пришел к определенному настоящему, после которого следует определенное будущее, т.е. тот путь, который ему еще предстоит пройти. При этом все три отрезка имеют свои границы. Если он шел до какой-нибудь цели на определенном этапе пути, значит он дошел до какой-нибудь определенной границы, сделав соответствующие выводы. Если же он будет двигаться дальше, то, пройдя эту границу, он будет находиться в пределах границы будущего. В данной ситуации отрицание действует на всем его пути. Даже анализируя пройденный отрезок пути, артист делает выводы, утверждая и отрицая не только физически, но и эмоционально пройденный путь. Ведь когда артист переходил от одной точки к другой, от одного отрезка к другому, он всегда пользовался отрицанием перехода от одного отрезка к другому. Теперь рассмотрим круг, т.е. окружность манежа относительно зрительского фона, который находится вне манежа, или же как окружность относится к самому кругу, манежу. Если окружность имеет контакт со своим фоном – зрительным залом и не относится к манежу, кругу, тогда получается, что нет никакого барьера, ограничений между кругом и фоном, значит, нет круга-манежа. Но как же тогда говорить о круге-манеже, который существует? Допустим, что окружность круга относится только к самому кругу-манежу, но не относится к фону-зрителю. Тогда опять получается, что круга-манежа не существует, т.е. он ни от кого не ограничивает. Выход из этой противоречивой ситуации заключается в том, чтобы круг-манеж был использован как соотнесенность, т.е. как возможность существования артиста при наличии контакта с фоном-зрителем, и существовал как таковой без фона, т.е. без контакта со зрителем-фоном. В том и другом случаях возможность такая всегда предполагается и существует.

Но самое интересное в этой ситуации – это творческая функция принципа отрицания. Что заставляет нас двигаться внутри круга-манежа и доходить до его границ, т.е. до его окружности – барьера? И что заставляет нас двигаться по самой окружности круга, т.е. барьеру, наблюдая то, как совпадает то, что внутри круга, с тем, что вне круга? Подразумевается сходство или

тождество эмоций – одни их выплескивают, другие их получают или по крайней мере хотят получить. И что заставляет артиста двигаться за пределы круга и создавать новые категории, новые жанры, которых не было в цирке раньше? В одних случаях артист двигается в сторону зрителя, составляющего созвучный фон круга-манежа, и находит там новые формы проявления интереса, заинтересованности и соучастия действию в круге. В других случаях артист выходит за пределы манежа вверх, т.е. поднимается над манежем, над обыденностью, находя там соответствия эстетическим категориям возвышенного и прекрасного в новых формах выразительности или в старых, но с новым смыслом и содержанием.

Все эти движения вне манежа, вверх и в стороны, происходят с разной скоростью внедрения и самоорганизации. При этом забывается или отходит на задний план понятие покоя. При всей динамике, доминирующей в цирке, покою отводится особое место. Идет стремительное движение, и вдруг совершается чудо: движение останавливается или, точнее сказать, превращается в покой. И это состояние покоя в движении артиста есть особая категория нового творческого мышления. Чем более выразительным будет покой, тем более содержательным будет его значение.

Манеж и зрительный зал определяют обзор циркового номера или артиста на 360 градусов, подобно восприятию скульптуры, где все части тела артиста имеют свое значение. Пауза в цирке это состояние покоя скульптуры в лице артиста цирка, т.е. ничто иное, как движение с бесконечной скоростью. Имеется в виду движение внутреннего состояния артиста, где каждый мускул, каждый взгляд двигаются в предлагаемом состоянии со скоростью мысли. Внутри артиста разыгрывается трагедия отрицания движения и состояния покоя, состояние взрывоопасности покоя. Покой – это отрицание структурно-смыслового содержания состояния артиста, определенного в его непосредственном движении в пространстве цирка. Утверждение покоя, статики, так же динамично, как и движение, и является особой формой отрицания. Утверждения через отрицание покоя и отрицание движения являются лишь специфическими типами отражения действительности. Надо только развить умение их реализовывать через артистический аппарат, при этом утверждая себя как артиста в окружающей реальности через отрицание своей ограниченности.

Категория отражения фиксирует прежде всего проблему источника субъективных «образов Я», которое в цирке реализует артист. Артисты интересны тем, что концентрируют в себе определенные качества, которые при соответствующих условиях должны проявить себя реально и иногда, в совокупности с трюковой основой, проявляют себя как некий «знак», как некоторый материальный объект со всей полнотой своих физических качеств и являются материализацией творческих мыслей и представлений о каждом артисте. Поэтому цирковой номер проявляется с двух сторон: с одной – как часть предметной среды, а с другой – как средство материализации определенного содержания. Одним из приемов для достижения этой цели является обобщение, именно художественное обобщение, на основе материала циркового искусства, который по своим внешним формам созвучен с фактами человеческого бытия, явлениями повседневной жизни. Обобщая факты действительности, артист использует и абстрактные формы в контексте своих чувственно-наглядных обобщений, в личностной интерпретации явлений.

Особая роль в цирке отводится жизненной правдивости номера. Это качество номера, которое заставляет зрителя воспринимать его так, будто перед ним такое «качество» артиста, которое действительно имело место в жизни или весьма возможно быть. Например, такое, как пройти, балансируя по тонкой и узкой доске через речку, такое, когда человек, поскользнувшись, делает кувырок и т.д. Такой тип поведения артиста формирует и тип восприятия, что задается с помощью реально исполняемых артистом физических движений, наблюдаемых достаточно часто в жизни, но возведенных им в абсолюты, и придает им обобщающее значение через художественные формы.

В цирке эстетическое сознание носит ценностный характер. Отличительной чертой ценностного отношения артиста к действительности является то, что оно отражает факты, события, явления под углом зрения интересов и целей зрителя, в соответствии с их способностями и потребностями. Для зрителя становится важным новое назначение вещи, явления, процесса с целью ориентации для получения потребной для него информации. Определение значения циркового номера для зрителя составляет основной смысл ценностного отношения, совершается посредством соотнесения циркового номера как носителя информации с определенной «матрицей», эталоном, выражающим представления, потребности и интересы зрителя.

Отображение действительности, которое представлено в цирковом номере, в его осмыслении, оценке внешней, противостоящей артисту реальности, всегда предполагает отображение цирковыми выразительными средствами. Внешний мир вступает в круг представлений артиста цирка через мир вещей, реквизита, аппаратуры, а также трюкового репертуара цирковых жанров, освоенных артистом. Внешний мир воспринимается и трансформируется в цирковом пространстве артистом в основном через личностную призму художественного видения. Таким образом, процесс отражения понимается в цирке как сугубо специфическая творческая деятельность. Поэтому продукт отражения есть цирковой номер, в котором в специфической форме выкристаллизовывается совокупность активных внешних проявлений в виде трюков, запечатлевающих внутренние свойства и отличия артиста. Иными словами, структура творческого мышления в цирке является одним из факторов, определяющих особенности воспроизведения действительности в цирковом искусстве. Цирк – это специфическая система организации артиста для выработки определенной системы художественных приемов и средств воплощения того или иного смыслового содержания циркового номера. Функция отдельного артиста в ансамбле исполнителей или в качестве солиста видится в совершенстве и отточенности своего индивидуального мастерства с целью создания собственного выразительного языка и творческой манеры.

Часто зритель в артисте цирка видит только виртуозность, отточенность техники исполнения трюков, формального мастерства. Это случается, когда артист нацелен на совершенствование формальной стороны своей деятельности, а не на раскрытие, при помощи именно формальной стороны, своего внутреннего содержания, создания «образа Я». Поэтому искусство цирка как личностная форма отражения может в полной мере воспроизводиться лишь при условии, если соблюдаются вышеперечисленные условия во всей целостности своих духовных качеств и свойств.

Эстетическое значение циркового номера не может быть сведено к оценке его чисто физических качеств, оно должно вызывать эстетическую эмоцию, эстетическое отношение, эстетическое впечатление.

Артист стремится построить модель явления таким образом, чтобы сформировать в зрителе эстетическую оценку номера, которая затем может быть перенесена и на саму жизнь. Эстетическое отношение может при этом формироваться с самого начала из сложных смысловых ассоциаций (голубь мира, факел жизни и т.д.) или же задается готовыми смысловыми элементами, уже наделенными эстетическим значением (весы правосудия в руках шута, выстрел из пушки по розе). В этих случаях явление характеризуется с помощью взятых из арсенала цирка устойчивых образов-символов.

На эстетическое отношение влияет метафоричность номера, в котором сопоставляются два или более смысловых элемента, часто относящихся к разным предметным областям. Наиболее полно это понятие проявляется в жанре клоунады, где знакомый предмет, например стул, выполняет роль автомобиля или радиатор отопления – роль баяна. При этом визуальные метафоры подкрепляются визуально-слуховыми метафорами. Таким образом, в клоунаде, пантомиме, репризе метафорическое сопоставление играет ключевую роль в раскрытии характеристики одной вещи через другую, в познании качеств и свойств одного явления через соотнесение с особенностями другого, более простого для понимания.

Важно в данной ситуации, чтобы сопоставление и соотнесение различных метафор вызывало определенные ассоциации. Алогизм, пронизывающий собой весь жанр клоунады, помогает рождению зрительских ассоциаций, что происходит благодаря неожиданным сопоставлениям предметов, явлений, где привычные сочетания жизненных событий выступают в новом свете, которое, оказывается, тоже имеет право на существование и лишний раз доказывает, что цирку свойственно своими художественными средствами выявлять определенные жизненные события, порой ставя под сомнение существующую законосообразность окружающего мира.

Цирковые жанры помогают выделить артиста из окружающей реальности. Другими словами, цирковые жанры объединены в цирке на основе сходных качеств, т.е. трюков. Цирковое искусство – это один из видов коммуникации, общения людей между собой. В этом смысле любое цирковое произведение играет роль сообщения, записанного на языке цирка, – трюке, который может воплощаться с помощью артиста, реквизита, аппаратуры. Но какими бы материальными средствами ни были «записаны» художественные «сообщения», их смысловое содержание в определенном отношении эквивалентно: артист характеризует те или иные явления в форме эстетических категорий возвышенного, прекрасного, трагичного, безобразного, романтически-поэтического или обыденно-прозаического. Подобная характеристика явлений с помощью цирковых жанров составляет их смысловую сторону.

Цирк как сфера эстетической деятельности человека наиболее концентрированно выражает деятельность человека с целью опредмечивания не только человеческой меры целесообразности, но и человеческой меры совершенства, самого трюкового совершенства.

Поэтому в цирке с особой остротой встает вопрос наиболее эффективной реализации личности артиста в своем индивидуальном «Я сам» или выражении его свойств. «...Ибо мы любим человека за его свойства, получен-

ные им в недолгое владение» [2, с. 165]. Совокупность психических и физических свойств артиста дает возможность ему осознать себя в качестве личности, отличной от других людей. От этих индивидуальных свойств артиста и будут зависеть единство и последовательность их проявлений в различных ситуациях и на разных этапах создания циркового номера, в устойчивости и изменчивости его характера, его «образа Я». Творческая деятельность артиста в условиях цирка предполагает осознание своего «Я» в контексте циркового пространства, взаимоотношений с партнерами и выражается в понятиях: «Я – партнер», «Я – сфера цирка», «Я – реквизит», «Я – предполагаемые обстоятельства». Но при всех ситуациях «Я» на первом месте, «Я» со всем комплексом своих свойств. «Я» определяет все выше перечисленное и является его стержнем, фундаментом и смыслообразующим понятием. «Я» в цирке – это познание себя, своих возможностей, управление накопленными знаниями о себе. «Я» – это некий контроль за реализацией этих знаний. Самореализация этих трех качеств «Я» в цирке немыслима без включения четвертой составляющей – сознания. «Я – мыслю, следовательно, я существую». Это известное изречение требует пояснения для «существования» в условиях цирка, где «Я» приобретает новое значение – «образ Я», которое впитывает в себя все, что связано с цирковым творчеством и его реализацией в художественном произведении.

Список литературы

1. Дидро, Д. Собр. соч. : в 10 т. / Д. Дидро. – М. ; Л. : Искусство, 1935–1947. – Т. 5. – 722 с.
2. Де Ларошфуко Ф. Максимы / Ф. де Ларошфуко // Де Лабрюйер Ж. Характеристики. – М. : Наука, 1971. – 421 с.

Баринов Вячеслав Александрович
кандидат философских наук,
заслуженный работник культуры РФ,
педагог Дворца творчества детей
и молодежи «Восточный» (г. Москва)

Barinov Vyacheslav Alexandrovich
Candidate of philosophy, honoured culture
worker of the Russian Federation, teacher,
Palace of youth creativity and arts
“Vostochny” (Moscow)

E-mail: amateur-circus@yandex.ru

УДК 18.7.01.791.83

Прохоров, А. В.

Цирк – объект философского анализа / В. А. Баринов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 57–68.

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена миграции населения в призме социальной синергетики. Анализируется сущность современных миграционных процессов, разворачивающихся на арене глобализации. Предпринята попытка синергетического осмысления исторической роли миграции, современных тенденций и закономерностей ее развития, факторов миграционных процессов, аспектов их влияния на различные социальные системы.

Ключевые слова: миграция населения, глобализация, социосинергетика, самоорганизация, социальная система.

Abstract. The article considers the population migration phenomenon in the light of social synergy. The author analyzes the essence of modern migration processes in the scope of globalization. She has undertaken an attempt of synergetic comprehension of historic role of migration, modern trends and its growth regularities, factors of migration processes, aspects of their influence on different social systems.

Key words: migration of the population, globalization, social synergy, self organization, social system.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена непрерывно возрастающей ролью миграции в системе современного общества. Важнейшим фактором гиперболизации этой роли стал процесс глобализации, «эффекты» которой способствуют пополнению «эшелонов» мигрантов по самым различным основаниям: глобализация рынков труда способствует формированию огромных «армий» трудовых мигрантов, в то время как возникающие в результате жесткой дифференциации государств на бедные и богатые военные и социальные конфликты влекут за собой потоки вынужденных мигрантов. Это в свою очередь диалектично вызывает к жизни разнообразные социальные конфликты, обостряет межнациональное, межэтническое и межконфессиональное взаимодействие на территориях принимающих государств.

Тема миграции не только системна для современного общества, но и интегративна по своей природе. В ней тесным образом взаимосвязаны разнообразные аспекты исследования общественной жизни: политические, идеологические, культурные, социальные, экономические, духовные и др. В силу этого проблема миграции носит универсальный, междисциплинарный характер. Это нашло отражение в возникновении новых отраслей научного знания: «социология миграции», «конфликтология миграции», «психология миграции», «миграциология».

В современной науке существует множество дефиниций, определяющих сущность миграции населения в призме различных подходов. Так, С. К. Бондырева в своей книге «Миграция: сущность и явление» приводит следующее определение миграции: «Миграция – это естественное проявление мобильности человека, мотивированное его стремлением к улучшению усло-

вий своего существования, к более полному и надежному удовлетворению своих потребностей» [1, с. 47]. Данная формулировка, на наш взгляд, наиболее ярко отражает социально-философский характер феномена, его бытийность и психологичность.

Социально-философский анализ миграции населения в системе общества и сопровождающих ее позитивных/негативных феноменов обусловлен тем значением, которое приобретает миграция в современной общественной жизни народов и ее аспектов, их существенного влияния на современные общественные процессы.

Целью нашего исследования является попытка экспликации феномена миграции населения в поле социальной синергетики, рассмотрение различных его сторон в призме выбранного интегративного подхода с привлечением глобализационных контекстов.

1. Характеристика методологии исследования

Научное рассмотрение дифференцированного по своей сути и формам социального явления может быть осуществлено только с применением интегративного подхода. В качестве универсальной методологической основы для рассмотрения сущности процесса миграции нами выбрана социосинергетика как «отрасль синергетического знания, занимающаяся исследованием всего многообразия проблем сущности, эволюции и перспектив существования человеческого рода и человека во всех формах его социального проявления (индивид, личность, семья, социальная группа, культура, религия, политика, экономика и др.)» [2, с. 247].

«Социосинергетика возникает там, где только и возможны качественные методы исследования, где существует понятийная аморфность, она «работает» со случайностями и вокруг случаев, которые не могут быть визуализированы, артикулированы и формализованы традиционными научными подходами. Социумы, говоря языком математики, обладают характеристиками «вычислительной непроводимости системы, – пишет профессор В. С. Капустин. – Предлагаемые синергетикой базовые модели, язык, новые понятия и методы дают надежду выхода на необходимый уровень понимания особенностей и специфики развития современных социокультурных явлений и процессов» [3]. Социально-синергетический подход способен стать важным инструментом анализа: места и роли миграции в современном мире, детерминант и последствий все возрастающих масштабов миграции; выявления точек кризисности в развитии как личности мигранта, так и принимающего социума и эффективного поиска путей по их преодолению; изучения и проектирования технологий адекватного социального управления кризисными человекомерными объектами, миграцией в системе общества в целом.

Как известно, для социосинергетики характерен междисциплинарный подход. Данное качество позволяет социосинергетике не только понять, «с какого места взглянуть», но и сменить это место на другое, рассмотреть проблему с разных сторон. Г. А. Котельников также отмечает, что особенность междисциплинарного подхода, характерного для социосинергетики, «не только в том, чтобы рассматривать явления в различных аспектах, но и в выделении таких его граней, через которые можно обнаружить взаимосвязь изучаемых явлений» [4].

Тем самым социальная синергетика как всякий интегративный подход есть глобальная парадигма взаимодействия наук, отражающая тенденцию их к диалогу и взаимопроникновению. Опираясь на принцип дополнительности, позволяющий исследователю и призывающий его расширить собственную картину мира и научных взглядов посредством заимствования идей, категорий, принципов других научных систем, можно изучить интересующий объект исследования, раскрыть суть тех его граней, познание которых было принципиально невозможным в границах только одной науки. Такой сложной, междисциплинарной «природой» наделены социальные процессы, главным субъектом действия которых является человек.

Но прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению феномена миграции населения в призме социосинергетического подхода, необходимо уделить внимание важнейшему аспекту современности, теснейшим образом связанному с миграцией, – *глобализации*, процессу объективному, неоднозначному, интегрирующему в себе множество различных тенденций экономического, политического, культурного порядка, охвативших весь земной шар. Заметим, вслед за В. П. Шалаевым, что именно глобальные проблемы современности, насущные потребности общественной практики стали основной причиной выхода науки на новый виток интегративных поисков, в основе которых – междисциплинарный диалог, принцип дополнительности, логика интерпретаций и заимствований [2].

2. Социальные смыслы миграции населения в контексте глобализации

Под глобализацией понимается сложный социально-культурный феномен, характеризующий особенность современного этапа развития человечества как единой системы [2, с. 226]. Глобализация – процесс интеграции стран и народов мира в единую социально-экономическую и культурную общность, основанную на общей системе организации их жизнедеятельности. Поскольку «в своей сущности реализовывающая себя глобализация носит исключительно экономический характер», «сопряжена с решением экономических интересов одних стран (западных) за счет других (стран третьего мира) и является важным инструментом продолжения капитализации общества до масштабов человеческого рода», она несет с собой значительные негативные последствия для развития человеческой культуры и общества [2, с. 227]. Но, несмотря на очевидную бифуркационность многих аспектов глобализации, в научном сообществе присутствует также и интенция к «глобализационному оптимизму», с позиций которого глобализация – динамическая структура процессов беспрепятственного перемещения денег, товаров, услуг, технологий, свободного распространения идей и их обмена. По выражению В. Г. Ванярхо и В. О. Чкуарели, «главным достижением науки ушедшего века можно считать доказательство того, что все системы являются открытыми» [5]. А открытость социальных систем подразумевает, наряду с перечисленными аспектами, еще и обмен человеческими ресурсами.

В этой связи миграция населения, понимаемая как «смена среды существования человеческими индивидами, социальными группами, поколениями, сообществами с целью обретения более благоприятных условий их социально-экономической и культурной жизнедеятельности» [2, с. 234], может рассматриваться одновременно и как показатель открытости социальных систем (как отдающих, так и принимающих), и как фактор глобализации, ее инстру-

мент (мигрант как носитель уникальных культурных кодов и в то же время как «культурно унифицируемая» единица, как агент занятости в крупных транснациональных компаниях либо актор, привносящий элементы своей культуры в принимающую систему и т.д.).

Культурный аспект миграции в условиях глобализации заключается в том, что она, как известно, помимо экономической составляющей, обладает обширным культурным подтекстом и представляет собой сложнейший по своим проявлениям культурный процесс. По выражению О. Н. Астафьевой, «глобализационные процессы, интегрируя внешнее культурное пространство, усиливают внутреннюю дифференциацию, и современный человек оказывается в середине громадного коллажа» [6]. И в данном, культурном, срезе фигура мигранта выступает как наиболее податливый материал, объект «культурной диффузии», для которого вопросы культурной идентичности в условиях иной среды также являются глубоко экзистенциальными. Выбор собственной культурной позиции индивида часто оказывается жестко детерминированным внешними факторами, интеграционной политикой государства, а значит является конфликтным.

Миграция населения – это и явное последствие глобализации, обусловленное принципиальной открытостью границ (сопряженное с целым рядом сложных по своему содержанию организационных, процедурных и административных моментов, но тем не менее доступное). И наконец, по нашему мнению, миграция населения – это еще и некий индикатор «эффективности» реализации самого глобализационного проекта, поскольку никакие экономические цели, как и цели решения глобальных проблем, не могут быть достигнуты без привлечения человеческого, социального капитала.

Здесь следует заметить, что рассуждения о «роли» миграции в процессе глобализации справедливы в отношении любого типа миграции. Социальные системы являются открытыми как для трудовых мигрантов, так и для вынужденных («выносим за скобки» вопросы правового порядка, прописанные в миграционных законодательствах стран мирового сообщества). Любой мигрант, независимо от мотива миграции, – носитель культурно-этнических кодов, образцов традиционного поведения, знаний. Он же – потенциальный объект «миксирзации» сознания, культурной унификации, конструирования образа «человека глобального», разделяющего принятые (преимущественно) западные культурные и нравственные ценности, либо, напротив, актор процесса дифференциации локальных цивилизаций или процесса формирования мультикультурной среды, базирующейся на принципах плюрализма ценностей и культурного многообразия.

Если рассмотреть отдельно феномен вынужденной миграции в контексте проблем глобализирующегося мира, то можно отметить прямую зависимость фактов возникновения экстремальных ситуаций, порождающих вынужденную миграцию, от глобализационных тенденций, заключающихся: 1) в усилении роста поляризации богатых и бедных стран и народов мира, что провоцирует рост международных конфликтов и катастроф в борьбе стран и народов; 2) в участившихся в последние годы случаях климатических, экологических или техногенных катастроф, вызванных человеческой деятельностью: неограниченной эксплуатацией природных ресурсов, масштабными военными испытаниями или даже экспериментами по изобретению и внедрению новейших вирусов. Таким образом, вынужденная миграция, как и эко-

номическая, также является глобализационно детерминированной, хотя и обуславливается диаметрально противоположными мотивами (сохранение жизни, здоровья).

Сегодня можно констатировать все возрастающее многообразие потоков мировых миграционных передвижений, усложнение их «траекторий» (маршрутов) и векторов социальной направленности (мотивов). Также можно отметить пестрый по своим социальным интенциям «медийный» резонанс, который получает тема миграции в СМИ по всему миру, в результате чего осуществляется конструирование образа мигранта, преимущественно негативного.

Таким образом, миграция населения накрепко «вплетена» в ткань глобализации и является одновременно и ее последствием, и фактором распространения, и даже индикатором эффективности.

3. Миграция как фактор общественных процессов в аспекте социальной синергетики

Рассматривая феномен миграции населения с позиции системно-синергетического подхода, можно заключить, что миграция – один из механизмов самоорганизации социальных систем, направленный на преодоление процессов кризисности в точках бифуркации или энтропийных состояний в условиях сложившейся среды.

Энтропия – понятие, характеризующее процессы ослабления внутренней организованности и жизнестойкости системы в условиях сложившейся среды существования. В физике энтропия характеризует процесс перехода системы от более вероятных состояний к менее вероятным, от более организованных к менее организованным формам существования вещества, т.е. характеризует ослабление внутреннего потенциала системы. С одной стороны, энтропия – это процессы ослабления жизнестойкости системы, ее способности к внутренней самоорганизации в меняющихся условиях; с другой – это мощный механизм отбора более жизнестойких систем, важнейший механизм самоорганизации мира. В свою очередь бифуркация представляет собой состояние принципиальной неопределенности путей дальнейшего развития системы. Ее точка – это ветвление путей эволюции. Бифуркация – это закон развития всякой открытой системы, в том числе общества [10].

Как известно, миграция сопровождала человечество на протяжении всей истории. В зависимости от культурного, социального, технического, экономического уровня развития социальных систем в разные периоды истории человечество воспринимало в качестве дестабилизирующих факторов различные условия внешней среды. Факторы энтропии проявлялись в тяжелых природно-климатических условиях жизни, в эпидемиях, войнах, тяжелых социально-экономических условиях, политических и других кризисах. Преодоление тех или иных вызовов и переход на очередную ступень эволюции достигались, в том числе, и посредством смены места жительства.

Кроме средовых вызовов, с развитием общества изменялись и представления о благополучии, достижение которого является главной целью миграции. Типология традиционных форм миграции населения в сжатой форме демонстрирует нам набор предпосылок и целевых установок, в разное время приводивших человечество в состояние пространственной активности. Итак, к традиционным формам миграции относятся:

– расселение: основными факторами переселения и освоения новых земель и континентов в древнейшие времена служили природно-климатические условия, земледельческая и кочевая формы существования, охотничий и рыболовный промыслы, а также естественный прирост населения и деление общин;

– колонизация: целью захвата и освоения территорий становилось не только их освоение, но и потребность в развитии торгово-экономических отношений;

– переселение (сопровождается изменением места жительства, чаще всего носит вынужденный характер) и перемещение (на определенный срок согласно цели миграции) [7, с. 76].

Таким, образом, миграция – одно из средств достижения целей, приоритетных на данной ступени эволюции социальной системы (глобальной или локальной), либо реакция на внешнюю угрозу, проявление способности к самоорганизации. Как пишет В. С. Капустин, «на протяжении веков эволюция социальных систем определялась, прежде всего, поведением действующих в ней процессов, связанных со способностью людей строить свои собственные проекты, иметь собственные желания, догадываться о желаниях и действиях других, выстраивать логику своего поведения на будущее» [3]. Пространственная активность всегда имела и имеет рациональную природу: миграция как ответ на флуктуации внешней среды, как шаг к достижению гомеостазиса системы, а также важный фактор эволюции.

Под *гомеостазисом* в синергетике понимается тип динамического равновесия сложных самоорганизующихся систем, характеризующийся способностью системы сохранять свои наиболее жизненно важные параметры в допустимых с точки зрения выживания пределах. Другими словами, гомеостазис – это состояние внутреннего порядка системы. Гомеостазис любой системы может достигаться и поддерживаться процессами самоорганизации. Применяя данный подход к социальным системам, можно сказать, что их внутренняя стабильность (гомеостазис) может поддерживаться, в том числе, и посредством миграции населения. Например, в Китае, характеризующемся, с одной стороны, высокой плотностью населения и, с другой, масштабами бедности в аграрных районах, миграция населения выступает одним из способов решения демографического вопроса социумом, т.е. часть китайцев покидает пределы страны [7, с. 79].

Также миграция может быть средством преобразования (в том числе через формирование новых систем) глубоких системных кризисов, связанных с трансформацией или гибелью системы, состоянием хаоса. В области социальных процессов такими примерами могут служить распады социальных систем. Так, распад СССР явился определенным «шоком» для большинства социально-демографических групп населения России. Прежде всего перед большей частью населения встал вопрос о национальном самоопределении, а также возникла проблема «встраивания» в рыночные отношения, успешно сложившиеся в развитых странах. Проблемы общества должно было решать само общество, а не государство, как это происходило до распада СССР [7, с. 79]. Одним из средств решения этих проблем стала миграция. По мнению Н. В. Тарасовой, миграция, «будучи одним из наименее инерционных социально-демографических процессов, гораздо быстрее других реагировала на происходящие в стране перемены в социально-политической и социально-

экономической жизни» [7, с. 78]. Таким образом, миграция представляет собой реакцию людей на деструктивные перемены в жизни общества, способ адаптации, проявляющийся в энергии передвижения и смены места жительства. Однако миграция не всегда приводит к стабилизации жизненной ситуации конкретного человека или группы лиц. Миграция, не приводящая к вертикальной восходящей социальной мобильности, оценивается индивидом как неэффективная и может повлечь за собой повторные попытки мигрировать. Для страны же потеря своих граждан вследствие массовой эмиграции представляет серьезную угрозу, в первую очередь для национальной и экономической безопасности.

В процессе обмена человеческими интеллектуальными и трудовыми ресурсами одни социальные системы выступают донорами по отношению к другим социальным системам, с более благоприятными условиями жизни. С социально-политической точки зрения под благоприятными условиями понимаются: безопасность жизни и здоровья людей, национальная безопасность, наличие территориального пространства для продолжения рода [7, с. 79]. Очевидно, что для «государств-доноров» потеря своих граждан не является благом, особенно, когда речь идет о таком миграционном феномене, как «утечка мозгов».

С точки зрения А. И. Турчинова, в контексте открытости мира и планетарного (глобального) воздействия процессов, происходящих в промышленно развитых странах, можно говорить о «странах – субъектах открытости», которые осуществляют воздействие (информационное, техногенное, ресурсопустошающее) на мировые процессы и другие страны – «страны – объекты открытости», на которые и осуществляется это влияние [8]. Под «странами – субъектами открытости» понимаются промышленно-развитые страны, создающие привлекательные условия для образованных людей, высококлассных специалистов, ученых и т.п. с целью поддержания высоких темпов своего развития.

А. И. Турчинов пишет: «Чем можно обескровить страну и лишить ее будущего? Конечно, воздействуя на человеческий потенциал. Распад империй показал, что это может осуществляться за счет разложения (деградации) элиты либо за счет снижения уровня образования, утончения слоя грамотного населения. Выезд из страны крупных ученых, политических деятелей всегда считался потерей для народа. Поэтому с точки зрения воздействия на граждан других стран, «стран – объектов открытости», глобализацию можно рассматривать как форму истощения, снижения их кадрового потенциала» [8].

Другими словами, «страны – субъекты открытости» – это те страны мира, куда стремится абсолютное большинство мигрантов. Это страны с развитой экономикой, широким спектром прав и социальных гарантий, более высоким уровнем потребления и более широким спектром возможностей для заработка. С другой стороны, это страны, уже не способные к самостоятельному, «самодостаточному» воспроизводству, ресурсно истощенные, причем в первую очередь речь идет о производственно-интеллектуальном потенциале жителей. Привлекательные для въезда страны, обладающие более высоким уровнем развития, могут рассматриваться в синергетическом срезе как страны-диссипаторы, т.е. системы, содержащие в себе структуры порядка, характеризующиеся более высоким уровнем упорядоченности или организации –

диссипативные структуры. В физике и химии это понятие обозначает также структуры, требующие для своего существования больше энергии, чем простые структуры. Диссипативные структуры возникают в системе, сумевшей преодолеть состояние своего хаоса (роста энтропии). Однако для поддержания функционирования диссипативных структур внутри системы ей необходима *энергия*, поскольку «при наличии базового фундамента и стратегической цели развития любое движение нуждается в энергии, без которой просто невозможны любые диссипативные и поступательные преобразования в системе» [9, с. 206]. Как пишет В. А. Моденов, «можно быть выдающимся реформатором, но любую реформу в конечном итоге осуществляют люди, и, если энергетический потенциал общности приближается к критическому минимуму, дальнейшая эволюционная трансформация общества будет постоянно тормозиться дефицитом энергии в системе» [9, с. 206]. Источником энергии для любой социальной системы являются люди. Таким образом, миграция населения – источник поддержания жизнеспособности и заданной эволюционной динамики развития прогрессивных сложноорганизованных социальных систем. Вездная миграция выполняет жизненно необходимую для социальной системы функцию – «энергообмена» с внешней средой.

Социальные системы и подсистемы (страны, регионы, города), обладающие особой привлекательностью для мигрантов, с точки зрения синергетики обладают аттрактивными свойствами и являются *аттракторами*. Аттрактор – центр притяжения, способный притягивать и организовывать в определенном направлении процесс эволюции каждой системы. Аттрактивные свойства социальных систем или подсистем обусловлены их структурными характеристиками, способностью предложить индивиду более широкий веер возможностей для личного развития и удовлетворения потребностей: от обретения чувства безопасности в случае вынужденной миграции до реализации творческого и интеллектуального потенциала.

Аттрактивными свойствами обладают, как правило, те же высокоразвитые в социально-экономическом плане страны мира, о которых шла речь выше. Кроме государств-аттракторов, можно предположить существование их аттрактивных подсистем – регионов-аттракторов, городов-аттракторов и т.д. Условная дифференциация внутренних подсистем социальной системы на «аттракторов» и «неаттракторов» может быть произведена по критерию наличия в этих подсистемах аттрактивных элементов. Такими элементами, с нашей точки зрения, могут быть: высокий уровень промышленного развития, наличие крупных отраслевых предприятий; высокая концентрация профессиональных образовательных учреждений различного уровня, престижных вузов; высокий уровень организации социальной инфраструктуры, развитие сферы услуг, здравоохранения и т.д.; высокий уровень потребления, развитие сферы культуры, досуга, развлечений и т.д.; широкие возможности трудоустройства на рынке дешевой рабочей силы; наличие предпосылок для функционирования сектора «нелегального труда», деятельности криминальных структур, предоставляющих мигрантам альтернативные способы заработать. Список можно продолжить. Кроме того, аттрактивными свойствами обладают потребности и мотивация личности, ее мировоззрение и ценности, цели, которые человек ставит в жизни, а также страх и другие переживания, приводящие к миграции.

Заключение

Таким образом, сложная социальная природа миграции тесно связана с проявлениями процесса глобализации, привносящей свои нюансы в картину современных миграционных процессов и связанных с ними социокультурных феноменов. И в этом смысле синергетика с ее эвристическим и прогностическим потенциалом, а также универсальным категориальным аппаратом валидна в отношении исследования миграции, как и прочих социальных феноменов. «И хотя на первый взгляд системно-синергетическая парадигма носит как бы относительный характер, в этом ее преимущество. В своих основных целях она актуализирована, созвучна современности и с точки зрения ее проблем, и с точки зрения новой роли науки, и с точки зрения языка исследования действительности. При этом системно-синергетической парадигме удастся оставаться открытой и по отношению ко всем всеобщим и общенаучным формам мироосвоения. В основе этой открытости – *принцип дополнительности*, ставший методологической основой системно-синергетической парадигмы» [10, с. 138–139].

Завершая, хочется отметить, что проблема миграции населения не утратит своей актуальности даже в весьма отдаленной перспективе, поскольку стремление к передвижению и динамике социальной жизни заложено в самой природе человека. Главный двигатель миграции – стремление к наиболее полному удовлетворению человеческих потребностей, а они, как писал К. Маркс, со временем только возрастают.

Список литературы

1. **Бондырева, С. К.** Миграция (сущность и явление) : учеб.-метод. пособие / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – Воронеж : МОДЭК, 2004. – 295 с.
2. **Шалаев, В. П.** Синергетика социального управления : учеб. пособие / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола : МарГТУ, 2005. – 260 с.
3. **Капустин, В. С.** Глобализация и социосинергетика / В. С. Капустин. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Rags10.htm> (дата обращения: 12.06.2009).
4. Теория социальной самоорганизации: критика и библиография. – URL: <http://sociosynergetics.narod.ru/sociosynergy1.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
5. **Ванярхо, В. Г.** Глобализация как процесс самоорганизации / В. Г. Ванярхо, В. О. Чкаурели. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Rags10.htm> (дата обращения: 12.06.2009).
6. **Астафьева, О. Н.** Глобализация как социокультурный процесс / О. Н. Астафьева. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Rags10.htm> (дата обращения: 12.06.2009).
7. **Преображенская, Н. М.** Философские аспекты миграционных процессов / Н. М. Преображенская // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2004. – № 5. – С. 76–90.
8. **Турчинов, А. И.** Глобализация и проблемы интеллектуальных ресурсов общества / А. И. Турчинов. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Rags10.htm> (дата обращения: 12.06.2009).
9. **Моденов, В. А.** Россия и миграция: История, реальность, перспективы / В. А. Моденов, А. Г. Носов. – М. : Прометей, 2002. – 328 с.
10. **Шалаев, В. П.** Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола, 1999. – 272 с.

Горина Елена Валерьевна

ассистент, кафедра социальных наук
и технологий, Марийский
государственный технический
университет (г. Йошкар-Ола)

E-mail: elena_gorinova@mail.ru

Gorinova Elena Valeryevna

Assistant, sub-department of social
sciences and technologies, Mari State
Technical University (Yoshkar-Ola)

УДК 1:325.1

Горина, Е. В.

Миграция населения как объект социально-синергетического осмысления в условиях глобализации / Е. В. Горина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 69–78.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: РОЛЬ ПРИРОДНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ

Аннотация. В статье рассматривается идентификационный ресурс культурных символов отдельного региона России, анализируется влияние главного природного символа региона – реки Волги на культуру повседневности.

Ключевые слова: культурный символ, культурная идентичность, повседневность, культура повседневности.

Abstract. The article considers an identificational resource of particular Russian region cultural symbols and analyzes the impact of the main nature symbol of the region – river Volga - on the everyday life culture.

Key words: cultural symbol, cultural identity, everyday life, everyday life culture.

В ситуации глобальных цивилизационных процессов, которые мы все в настоящее время наблюдаем, необходимость исследования культурно-символического потенциала регионов России связана с актуальной проблемой идентификационного потенциала культуры, проблемой разрушения традиционных механизмов культурной преемственности, утратой общественных идеалов и т.п. Разрыв связей человека с окружающим миром перерос сегодня в кризис идентичности и стал глубинным социокультурным фактором, порождающим многие духовно-нравственные вопросы современности. Анализ духовно-символического потенциала отдельных регионов России и его актуализация поможет возродить историко-культурные ценности и оптимизировать их с точки зрения современной значимости.

Региональное пространство – очень сложный объективный развивающийся организм. В культуре каждого региона существует некий стержневой символ, устойчивая кросс-структура, на которую нанизываются виды деятельности населения, образ жизни и трудовой деятельности, ментальность и т.д., она определяет характер и потенциал развития культуры, создает свою конфигурацию взаимодействия общества и природного ландшафта, находит отражение в градостроительстве, архитектуре, интерьере, объединяет различные показатели, его характеризующие, воздействует на внутренний мир человека, определяет специфику его повседневности. «Символический универсум упорядочивает также историю. Он связывает коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее. По отношению к прошлому создается «память», объединяющая всех тех, кто социализирован в данной общности. По отношению к будущему создается общая система отсчета для того, чтобы индивид мог планировать свои действия. Так что символический универсум соединяет людей с их предками и потомками в смысловом единстве, которое служит для того, чтобы преодолеть конечность индивидуального опыта и сделать осмысленной человеческую смерть. И тогда все члены общества могут считать себя сопричастными смысловому универсуму, который существовал до их рождения и будет существовать после их смерти» [1, с. 168–169]. Культурный потенциал региона является приоритетным ресурсом его развития, играет роль креативной интерпретации культур и

культурных традиций, в то же время это среда формирования, сохранения и трансляции символических ресурсов региона.

Символ как объект исследования представляет интерес для многих социально-гуманитарных наук. В культурологическом ракурсе наибольший интерес представляют работы Ю. М. Лотмана, который рассматривает двойственную природу символа, определяет место символа в культуре как связующего звена между историческими пластами, памятью общества. Если провести аналогию с композицией пространства Поволжья, то, несомненно, можно увидеть много элементов, влияющих на складывание и развитие облика региона. Но прежде всего этим «звеном» будет, конечно, Волга, которая составляет основу и схему жизне- и градообразования региона. «...Мне вспомнилась эта великая река со всей ее ширью и мощью, – пишет Леонид Андреев, – со всем неисчерпаемым богатством и красотой. Она – не в роскоши ее пароходов; она – в том могучем духе, который уже сотни лет неистребимо владычествует на ее берегах, прячется в лесах и вольным ветром проносится сюда, раздражая и беспокоя кротких людей, для которых городская площадь – олицетворение бесконечности, а кривой переулочек, сдавленный каменными громадами, – синоним простора».

Волга – самая большая река Европы и самая обжитая, оживленная из крупных рек России. Поволжский регион своим названием манифестирует о значимости и возможности присвоения образа Волги для конструирования геопространственных символов. Волга представляет собой протяженный естественный объект, во многом определяющий способ развертывания образа жизни русского этноса. Топонимика, позиционирующая связь региона с Волгой как с социокультурным образом, включена в контекст региональных взаимодействий через имена организаций, общественных объединений и движений, названия СМИ.

По поводу происхождения названия реки в «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонова [2] написано следующее: «Выдвинуто много гипотез о происхождении названия «Волга», но ни одну из них нельзя назвать доказанной». Поэтому, не вдаваясь в этимологию гидронима «Волга», укажем на то, что он прочно вошел в русский язык, от него, кроме наименований жителей – *волжанин, волгарь*, образовано немало слов: названий территорий – *Поволжье, Заволжье*; названий городов и деревень – *Волгоград, Волжск, Приволжье* и пр.

Впервые река Волга упоминается под именем *Ра* (щедрая, священная) в «Географии» александрийского ученого Клавдия Птолемея (II в. н.э.). В записках арабских путешественников она называется *Итиль, Этиль, Атиль* (Река рек, Великая река). Древние русичи знали реку под названием *Волга*.

С древнейших времен на Руси образ великой реки актуализируется в топонимических мифах. В этих сказаниях Волга обретает человеческий облик. Она – сестра нетерпеливой Вазузы и лукавой Западной Двины. У красавицы Волги есть братья – бурный Днепр и глубоководный Ильмень – озеро.

О Волге сложены сотни былин, легенд и сказок, пословиц и поговорок. Общерусские тексты, издавна бытовавшие на Волге, характеризуются духом вольности и удалства. Уже в исторических песнях XVI в. отражается расширение границ пространственного мышления средневекового русича, появление масштабного взгляда на историю своего этноса. В одически-возвышенной поэме «К Волге» поэта XVIII в. И. Дмитриева звучит торжественный

гимн в честь великой реки, символизирующей историческую славу россов и красоту русской природы. Волжские просторы – почти постоянное место действия в стихотворениях и поэмах Н. А. Некрасова и драмах А. Н. Островского.

В XX в. Волга в полной мере упрочила свой символический статус. Этому способствовало ее включение в кинотекст (кинокомедия Г. В. Александрова «Волга-Волга» (1938), «Верные друзья» (1954) и др.). Наконец, о Волге пели и поют песни. Следует отметить и то, что во время Великой Отечественной войны Волга рассматривалась как последний рубеж обороны в ходе Сталинградской битвы. Знаменитому снайперу В. Г. Зайцеву принадлежат слова, вошедшие в учебники истории: «За Волгой для нас земли нет!».

Волга является не только географическим фактором, экономически важной транспортной артерией региона, помимо всего прочего, это основа культурной идентичности жителей множества городов и сел. Волга – это специфический культурный ареал, это как раз та самая детерминанта, которая определила характер и потенциал развития культуры региона. По течению реки, по цвету ее воды наши предки судили о прошедшем и грядущем. И современная Волга – это не просто огромная «голубая лента», это неистощимый источник знаний, явных и все еще скрытых, это настоящая историческая «книга».

В историческом развитии Поволжья откристаллизовались символы, выразившие на уровне целостности культуры Волги ее стиль. Это символы Матери, Жизни, Дома, в которых просматриваются этические и эстетические стороны бытия этого региона. Есть только одна река, которую сквозь тысячелетия в нашем народе звали *Матушка*, – это Волга. Волга – это путь жизни, в который входит все, все смыслы жизненного мира, в соответствии с которыми регулируется жизнь человека. В этих символах возможно вычленив пространственно-временные стороны этого культурного универсума, его внутренние границы, структуры, позицию смыслового центра и периферии, что обусловлено сосуществованием в культуре устойчивости и динамики, нормативности и свободы, традиций и творчества.

Центральной осью данного символа является вечность пути, т.е. вечность времени, задающего ритмику и пульсацию самой Жизни, которую представляет Волга. Эта вечность, неистребимость жизни-времени выявляет спектр нравственных и эстетических ценностей: Волга – убежище от несправедливости и зла, она – пространство свободы, красоты, солидарности, величия, взаимопомощи. Такая конкретизация символа Пути характеризует не только характер нормативности, устойчивости культуры Волги, но и ее динамизм, поскольку культура живет через смену поколений людей и эпох, «пропуская через себя» различные исторические события. Динамизм – это инобытие устойчивого, и, наоборот, устойчивое существует как свойство культуры сохраняться в изменяющихся условиях и обстоятельствах.

В этом главном символе Поволжья тесно переплелись этические и эстетические ценности, что связано с потребностью воспроизводства культурой самой себя в изменяющихся условиях. Так, эстетический смысл Волги как величественной красавицы выражает, определяет устойчивость, самодостаточность, органическую целостность эстетической формы и бытия, содержания жизни Волги. Он несет в себе смысл доброты материнства, Дома родного с одной стороны и смысл свободы, творчества, смелости, отражающих дина-

мические аспекты этой красоты, – с другой. Именно это сочетание и определяет бытийный статус эстетики Волги, получающей статус высшей «инстанции» жизни и смысла для человека. Таким образом, Волга является культурным символом Поволжья, многогранно осуществляя функции нормативности, регулятивности, формирования жизненных смыслов. Не подлежит сомнению, что Волга служит основой жизни волжан.

Географический символ региона, каковым является, по нашему мнению, река Волга, выполняет важную функцию: он отражает *региональную идентичность* и способствует ее формированию. Как следствие, физическое (географическое) пространство Поволжья является важнейшим фактором развития культуры: человек поминутно и попеременно приспосабливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действия и приспосабливает их к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не хочет отказываться, и на этой двусторонней борьбе с самим собой и с природой вырабатывает свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления. Законами жизни физической природе отведена своя сфера влияния в исторической судьбе человечества.

Природные условия местности и природные материалы оказывают влияние на системы жизнеобеспечения в целом, архитектурные и градостроительные особенности, орудия труда, предметы быта, пищевой рацион, характер землепользования, использование тех или иных домашних животных, сезонность работы, другими словами, детерминируют повседневность. Влияние это достаточно устойчиво; даже при перемещении в другую среду привычки долгое время сохраняются, а структуры повседневности отличаются стабильностью. На протяжении столетий наличие Великой реки с ее многочисленными притоками определяло характер повседневности и мироощущение жителей региона, а также менталитет, миропонимание, особенности системы воспитания, религиозные воззрения. Трудовая повседневность определенного количества населения, виды досуга и отдыха, спорта связаны с рекой. Стабильными остаются кухня, одежда, градостроительные особенности, хозяйственные навыки и т.д. В процессе многовековой истории в Поволжье сложились оригинальные национальные кухни, сохранившие свои самобытные черты до наших дней.

Культура существует только как свойство населяющих физическое пространство людей, как категория отдельных личностей и общества в целом. Человек выступает и генератором культурных ценностей и их потребителем, а значит, человеческое общество также является фактором и условием развития культуры. Бассейн Волги обладает богатым культурным наследием. На территории Волжского бассейна находятся 10 992 памятника и исторических объекта.

Природное своеобразие, эстетическое наполнение великой реки и прилегающих земель послужили источником вдохновения для многих художников, писателей, поэтов, создавших бессмертные произведения, где в художественных образах нашли отражение реальные места Поволжья. Таким образом, сама земля, ее красота являются культурным ресурсом, ключевым фактором и условием развития культуры. Не стоит также забывать об истории Поволжья, на протяжении и под влиянием которой развивалась культура. На территории Поволжья выделяются многие историко-культурные области с разнообразными этнокультурными типами, исторические ландшафты, обла-

сти распространения многих культур и религий. Исходя из этого, можно говорить о важной взаимосвязи коллективной исторической памяти человеческих сообществ и их территориальной (географической самоидентификации). Эта связь важна для понимания того, что локальная история человеческих сообществ через механизмы коллективной исторической памяти сплачивает их вокруг собственного «Мы», воплощенного в тех или иных ценностях и святынях повседневной жизни.

Культурное пространство Поволжья гораздо шире физического. Оно распространяется вслед за культурными связями и простирается на всю Россию и далеко за рубеж.

Взаимосвязь между различными аспектами пространства Поволжья очевидна. Физическое пространство, состоящее из природной среды, населения и социально-экономических систем, является базисным фактором и условием развития повседневной деятельности и культуры. В нем существуют как объекты, так и носители культуры. Культурное пространство выступает как подсистема по отношению к физическому пространству. Оно наполнено культурными акциями, мероприятиями, культурной активностью населения. Однако наполнение культурного пространства не так стабильно, как физического, культурная жизнь протекает с разной динамикой в разных местах и в разное время.

Итак, можно сделать вывод, что многолетний жизненный опыт народов Поволжья формировался под активным воздействием природного окружения. Хозяйственные занятия развивались с учетом наличия лесов, плодородия земли, продолжительности теплового периода, гидроресурсов. Народы Поволжья исторически имеют сходные способы ведения хозяйства, типичное жилище, одежду, отвечающую климатическим условиям. Под воздействием природного окружения находилась и духовная жизнь народов. Существуют очевидные взаимосвязи между объектами физического пространства (как природными, так и культурно-историческими) и культурой повседневности Поволжья, культурными ресурсами территории и культурной активностью населения. Не только ландшафты оказывают влияние на формирование культуры, но и люди через культуры влияют на ландшафты, видоизменяя их и формируя культурные ландшафты двух видов: креативно созданные человеком – парки, скверы, городские и сельские ландшафты, и окультуренные природные, видоизмененные человеком.

В регионе огромное количество объектов культурно-исторического и природного наследия, культурный потенциал которых напрямую связан с окружающим пространством. Веками вдоль Волги селились самые разные народы: финно-угорские племена, славяне, тюркские кочевники, волжские булгары, золотоордынцы. Это и обусловило богатство и разнообразие историко-культурных памятников региона.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем еще раз, что природа и культура – две взаимосвязанные, неразрывные сущности, две стороны одной географической реальности. Поэтому под культурой региона следует понимать географически фиксируемую и исторически устойчивую культурную модель, транслирующую базовые ценности национальной культуры и отличающуюся особенностями бытового уклада и характером повседневности.

Являясь самодостаточным социальным организмом, находящимся в единстве со средой, Поволжье обладает физико-географическими, культурно-

цивилизационными, эколого-экономическими, этнически-историческими свойствами. Другими словами, Поволжье – это экономическое, культурное, ментальное пространство, привязанное к определенной географической и социальной среде.

Таким образом, природный символ, каковым является Волга, – это условие возникновения своеобразной культуры региона и ее функционирования. Более того, повседневная культура как целостная система имеет в своей основе культурное пространство, наполненное культурным содержанием. На региональном уровне культуры образовали региональный культурный генотип (термин употреблен М. П. Крыловым [3]), сложившийся в результате сложнейшего взаимодействия с ландшафтом.

Исходя из проведенного анализа, следует, что на облик повседневной культуры, наряду с национальными особенностями, влияют историческая общность и общность культуры и природной среды. Это также обуславливает отличия культуры повседневности одного региона от других, хотя добавим, что в условиях глобализации постинформационного общества отличия эти все больше и больше нивелируются.

Разумеется, детерминированность природными факторами более всего прослеживается в сельской местности, но и городским жителям не удастся избежать влияния среды – это выражается как во внешнем облике поселений, особенностях кухни и одежды, даже моды, так и в образе и укладе жизни, стереотипе поведения. Сплав местоприродных способов земли и человеческого сознания может быть назван словом «Родина» – это специфическое единство *месторождения* народа и его ментальных структур, конституирующее согласно этому особому месту оригинальные и неповторимые факты, случайности, события повседневности, называемые судьбой народа [4, с. 36].

Несмотря на популярность в современной жизни идеи глобальных ценностей, все большее число людей осознает важность пространственной координаты для культурных процессов. Более того, современные процессы глобализации и информатизации актуализировали региональную идею как пространственно-территориальную локализацию общности. Региональные культуры питают общее культурное и духовное мироздание, а мировая культура может нормально развиваться только при разноцветии регионов.

Обращение к культуре повседневности отдельного региона предполагает изучение и анализ культурно-природного ландшафта, который предстает как интегрирующее начало жизни на конкретной территории, определяет условия жизни людей и формы их существования, является фундаментом формирования, развития и своеобразия культуры повседневности региона, а также выявления и анализа архетипических символов и образов.

Историческое своеобразие, культурные и хозяйственные особенности Поволжского региона тесно связаны с Волгой, что позволяет рассматривать ее как базовую кросс-структуру, на которую нанизывается вся специфика организации повседневной жизни людей региона, обеспечивая тем самым их личностную идентичность.

Идентификационные функции основного культурного символа – Волги проявляются в его способности консолидировать региональное сообщество, формировать и позиционировать образ территории, способствуя определению места региона в современной России.

Список литературы

1. **Бергер, П.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Academia-центр, 1995. – 334 с.
2. **Никонов, В. А.** Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М., 2010. – 512 с.
3. **Крылов, М. П.** Социокультурный регион в российском цивилизационном контексте / М. П. Крылов // География на рубеже веков: проблемы регионального развития. – Курск, 1999. – Т. 3. – С. 27–37.
4. **Марковцева, О. Ю.** Социально-этническая ткань повседневного бытия человека / О. Ю. Марковцева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 33–37.

Розенберг Наталья Владимировна

доктор философских наук,
доцент, заведующая кафедрой
коммуникационного менеджмента,
Пензенский государственный
университет

E-mail: elya@sura.ru

Rosenberg Natalya Vladimirovna

Doctor of philosophy, associate professor,
head of sub-department of communication
management, Penza State University

УДК 008.001.14

Розенберг, Н. В.

Региональная идентичность: роль природных и культурных факторов / Н. В. Розенберг // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 79–85.

ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОТИВНЫЙ АСПЕКТ РОМАНТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. В статье осуществляется коммуникативно-прагматический анализ экспрессивного и эмотивного компонентов высказываний участников романтического взаимодействия. Доказано, что высказывания в исследуемом типе коммуникации характеризуются особой, эмотивной прагматикой. Невербальные, пара- и экстралингвистические средства способствуют более высокой степени эмоциональности и экспрессивности коммуникативного поведения романтических партнеров.

Ключевые слова: романтическая коммуникация, экспрессивность, эмотивность, эмоциональность, эмотивная и экспрессивная коммуникация.

Abstract. The article analyzes the expressive and emotive components of the utterances produced by the participants of romantic interaction. It is proved that the utterances in romantic communication have a special emotive character. Nonverbal, para- and extra linguistic cues intensify the expressiveness and emotivity of communicative behavior of romantic partners.

Key words: romantic communication, expressiveness, emotiveness, emotivity, emotive and expressive communication.

Обращение к различным аспектам личности *homo loquens* во всем многообразии ее проявлений в коммуникации закономерно привело не только к вовлечению в сферу исследовательского интереса ранее не рассматриваемых аспектов общения, но и к переосмыслению лингвистических явлений, изучение которых имеет давнюю традицию. К последним по праву можно отнести экспрессивность – «многоликий феномен, представленный на всех уровнях языка, текста и речи, создаваемый множеством средств и способов и имеющий неопределенно много вариантов комбинаторики его предельно составляющих» [1, с. 91]. Проблема экспрессивности, будучи одной из центральных в языкознании, включает конкретные исследовательские задачи, направленные на познание механизмов речевого воздействия в процессе общения, в том числе проблемы речевого планирования и контроля. Наш интерес лежит в области изучения экспрессивности в романтическом общении, представляющем собой такую разновидность межличностной коммуникации, в которой два индивида, будучи физически и психологически направленными друг на друга, конструируют особые категориальные эмоциональные ситуации через осуществляемые ими интеракции [2, с. 333]. Данная статья ставит своей целью представить некоторые предварительные результаты обширного исследования романтической коммуникации в аспекте экспрессивности и эмотивности.

Весьма существенен и имеет непосредственное отношение к исследуемому типу общения тезис о том, что экспрессивность коммуникативна,

т.е. имеет сообщительную значимость, и прагматична, так как воздействует на получателя и приводит его к ответным действиям [3]. Романтическая коммуникация действительно имеет экспрессивный характер в силу своей целенаправленной сущности при выражении эмоций романтическими партнерами. Направленное на слушающего экспрессивное воздействие планируется говорящим в соответствии с теми его интенциями, которые реализуются в конкретной коммуникативной ситуации. По этому поводу М. М. Бахтин справедливо писал: «Всякое высказывание, как бы оно ни было значительно и закончено само по себе, является лишь моментом непрерывного речевого общения... Никогда речевое общение не сможет быть понято и объяснено вне связи с конкретной ситуацией» [4, с. 391–392]. Принимая сказанное во внимание, можно отметить, что экспрессивные высказывания в речевом романтическом общении выделяются как специфическое выражение коммуникативно-прагматического намерения коммуникантов в конкретной эмоциональной ситуации, связанной со множеством иных экспрессивных и неэкспрессивных высказываний. В зависимости от цели общения, психического состояния участников в момент взаимодействия, а также в соответствии с их индивидуальными особенностями и собственными потребностями в конкретной интеракции коммуникантами, как правило, сознательно осуществляется отбор тех или иных экспрессивных средств. Иными словами, экспрессивность в речевых актах эксплицирует прагматические интенции говорящего, интерпретирующего объекты отражения – мир, события в нем, его факты и явления, в своих целях. Речевой выбор говорящего в каждой конкретной коммуникативной ситуации общения детерминирован, как указывалось выше, такими аспектами интеракции, как мотивы и интенции субъектов общения, их отношением друг к другу, а также теми параметрами ситуации общения, которые влияют на успешность коммуникации. К их числу относятся эмоциональные состояния обоих участников взаимодействия, которые задают выбор, предпочтение соответствующих эмотивов для эмоциональных референций и номинаций. Обратимся к примерам.

Ср.: *Helen nodded, speechless. "You're terribly sweet." Leaning forward, he kissed her very gently* [5].

"You're so beautiful," he murmured.

"I'm so thin."

"You're perfect" [5].

He squeezed her arm affectionately, then stopped suddenly and, disengaging his arm from hers, put both his about her. "You know, Roberta, I'm crazy about you. I really am. I think you're the dearest, sweetest thing. Oh, say! Do you mind my telling you? Ever since you showed up there, I haven't been able to sleep, nearly. You've got such nice eyes and hair. Tonight you look just too cute – lovely, I think. Oh, Roberta," suddenly he caught her face between his two hands and kissed her, before really she could evade him [6].

Приведенные фрагменты, несомненно, иллюстрируют экспрессивную функцию коммуникации. Эмотивная лексика, просодия, жесты, позы способствуют экспликации высокой степени эмоционального состояния романтических партнеров в конкретный момент общения. Мотив порождения экспрессивных высказываний лежит в собеседнике, который в процессе коммуникации «задает» адресанту своим речевым или неречевым поведением вектор его речевых решений, а цель заключается в том, чтобы воздействовать на меж-

личностные отношения, вызывая комфортные состояния партнера. Намерения коммуникантов поделиться мыслями, переживаниями, выразить чувство симпатии, привязанности и т.д. вызывают у романтических партнеров эмоции, возникающие на основе потребности в специфическом общении как реакции на удовлетворение стремления к эмоциональной близости, на создание интимной атмосферы общения.

Сказанное подтверждает мысль Н. К. Рябцевой о том, что индивидуально-личностный аспект мотивационной составляющей речевой деятельности говорящего субъекта находит свое отражение в субъективных компонентах речи, т.е. в тех компонентах высказывания/текста, которые соотносимы с породившим его субъектом [7]. Указанные компоненты, взаимодействуя в высказывании, способствуют реализации выраженного в нем «внутреннего» ментального намерения говорящего, его ситуативного, коммуникативного, интенционального смысла. Более того, они соотносят высказывание с текущей ситуацией общения, субъектом сознания, речи и поведения, актуализируют его намерение и отношение к адресату, задают его участие в данной ситуации и т.д. Способ выражения субъективных компонентов речи определяет дистанцию, стиль и тональность общения, показывает отношение говорящего к адресату и предмету речи, отражает переживаемые им эмоции. Иначе говоря, разнообразие средств и способов создания прагматического эффекта высказывания, варьирование экспрессивов свидетельствует об индивидуальном характере выбора, который дифференцируется в определенных для каждого языка границах. В этой связи справедлива мысль, высказываемая лингвистами, о том, что не существует единой языковой модели выражения тех или иных эмоций, общей для всех носителей конкретного языка, однако в любом языке имеется инвентарь кодовых средств для выражения этих эмоций, варьирующих модели их [эмоций] выражения в определенных пределах [1, 7]. Отсюда следует, что индивидуальное выражение, например эмоции радости или раздражения, характеризуется, как правило, набором клишированных средств и типизированных эмоциональных ситуаций, известных носителям данного языка, и эти средства универсальны для романтической коммуникации. Причем наличие эмотивов в речи коммуникантов не является причиной ее [речи] эмотивного характера; эмотивность романтического дискурса не сводится к сумме представленных в речи эмотивов. Мы солидарны с В. А. Масловой, которая считает, что «эмотивные языковые средства не обеспечивают автоматически и в любом случае возникновение адекватного эмоционального эффекта» [8, с. 185]. Напротив, выбор соответствующих эмотивных средств языка обусловлен эмоциональным содержанием речи в конкретной коммуникативной ситуации.

Поясним сказанное на примере коммуникативной ситуации «признание в любви». Анализ фактического материала показывает, что собственно признанию одного из романтических партнеров предшествует описание различных по длительности, структуре и содержанию ситуаций, которые впоследствии подвергаются оценке обоими участниками коммуникативного взаимодействия, а в определенный момент каузируют у адресанта мотив порождения коммуникативного акта «признание в любви». Вербальные высказывания романтических партнеров представляют собой некоторую последовательность речевых действий участников взаимодействия, к которым относятся восклицания, эмоционально-усилительные наречия и прилагательные, меж-

дометия, особые синтаксические конструкции и их лексическое наполнение и другие эмотивы. Выбор говорящим того или иного экспрессивного средства, являющийся своеобразной манипуляцией языком, задается эмоцией адресанта и его намерениями:

"I love you, Jasmine Springfield. With all my heart. With all that I am. I want nothing more than to share my life with you until the day I die. Marry me?"

In the vicinity of her stomach, Jasmine could have sworn that her heart actually ceased to beat, and then it was off in an erratic trip-trip that made it difficult to draw air into her lungs.

"What?" she managed. The worry in her heart hadn't prepared her for a proposal. But this was one emotional rollercoaster to which she had no objection.

Joshua smiled and placed an affectionate kiss on her nose. "I said that you'd make me the happiest man in the world if you would consent to marry me. We don't have a ring, yet, and I'm probably doing this all wrong, but... I need you in my life. Forever. I wanted you to know" [9].

Используемые в речи экспрессивы, прямо выражающие интенционально-эмотивные смыслы, создают эмоциональное напряжение, возрастающее по мере изменения эмоционального состояния романтических партнеров. Дополненные невербальными компонентами – *smiled, placed an affectionate kiss on her nose*, вербальные сообщения представляют собой «экспрессивный монолог», изменяющий психоэмоциональное состояние собеседника. Экспрессивная выразительная реакция адресата как следствие эмоционального возбуждения в подобном эмоциональном диалоге может быть очень сильной и достигается как эмотивной, так и совершенно нейтральной лексикой: *Jasmine saw him through a blur of tears. "Yes. Yes. Yes. You've got this girl, lock, stock and barrel."* Из примера видно, что экспрессивность здесь достигается синтаксическим повтором нейтрального слова *yes*. Особую значимость в рассматриваемой ситуации приобретают невербальные сигналы, эксплицирующие эмоциональные состояния романтических партнеров. Эмоциональные высказывания, сопровождаемые невербальными средствами, как в первом, так и во втором случае, выполняют функцию посредника между индивидом и его эмоциями.

Исследование романтической коммуникации требует обращения к таким понятиям, как эмотивная и эмоциональная коммуникация, разграничение которых основано на различении эмотивности и эмоциональности. По мнению отечественных исследователей, эмоциональная коммуникация – это спонтанная, незапланированная, естественная демонстрация эмоций субъекта как проявление его внутренних эмоциональных состояний, необязательно учитывающая реакцию собеседника или окружающих. Эмотивная коммуникация характеризуется как сознательная, контролируемая демонстрация эмоций, которая ориентирована на собеседника и используется в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта [1]. Учитывая сказанное, можно сделать вывод относительно эмоционального и эмотивного характера романтической коммуникации: в ряде коммуникативных ситуаций, в которых разворачивается взаимодействие романтических партнеров, их эмоции действительно спонтанны и незапланированы. С другой стороны, следует указать, что поведение коммуникантов в эмоциональных ситуациях целенаправленно ориентировано на конкретного собеседника, партнера по романтиче-

ской диаде. Следует оговориться, что определенные стратегии поведения один и тот же коммуникант может демонстрировать и в общении с собеседниками в других диадах, однако в каждом случае он будет сознательно использовать те или иные средства для достижения своих целей. В частности, к прагматическому типу речевых стратегий относятся комплименты, похвала, количество и разнообразие форм которых в романтической коммуникации весьма значительно. По справедливому замечанию О. С. Иссерс, «основная функция искреннего комплимента – установление контакта и поддержание добрых отношений» [10, с. 178]. Коммуниканты используют эти вербальные сигналы «близости» с целью управления дистанцией. Решая стратегическую задачу – вызвать симпатию со стороны собеседника, говорящий явно демонстрирует желание сказать нечто приятное, причем он может делать это как целенаправленно, чтобы расположить к себе собеседника, произвести на него впечатление, повлиять на восприятие им ситуации и т.д., так и спонтанно выразить свое восхищение какими-либо его качествами, действиями и пр. в конкретной ситуации. В первом случае речь идет об эмотивной коммуникации, во втором – об эмоциональной, причем и та и другая реализуются посредством эмотивной лексики разного рода: категориально-эмотивной и дифференциально-эмотивной, в исходном значении и производном. Анализ языкового материала показывает, что общение романтических партнеров, в котором коммуниканты физически и психологически обращены друг на друга, в большинстве коммуникативных ситуаций можно считать процессом амбивалентным. Двойственный характер романтической коммуникации заключается в следующем: эмоциональное/эмотивное общение, т.е. демонстрация своих эмоций одним из романтических партнеров, как правило, вызывает эмоциональную/эмотивную реакцию со стороны адресата. Сказанное в первую очередь относится к использованию в речи комплиментов, похвалы и других речевых актов положительной оценки. Обратимся к примерам.

Ср.: *A table had been set near the fireplace and candles illuminated the room. Strategically placed lamps allowed additional lighting. The faint scent of vanilla touched the air. Jasmine was awestruck. "Oh, this is wonderful," Jasmine breathed. "You didn't do this for me?"*

Joshua smiled, enjoying her pleasure. "I'm glad you like it. And yes, the candles are for you. I thought that they would suit you."

"It's beautiful," Jasmine whispered as she settled into the chair Joshua proffered. Lovely antique candle holders added to the romantic atmosphere [9].

В рассматриваемом фрагменте поводом для похвалы служат целенаправленные действия Джошуа, которые вызвали искренние эмоции удивления и восхищения у Жасмин. Оценивая его «достижения», собеседница спонтанно сигнализирует о своем эмоциональном состоянии посредством следующих экспрессивных реплик: *Oh, this is wonderful, It's beautiful, You didn't do this for me?* Невербальные и экстралингвистические средства в рассматриваемой коммуникативной ситуации передают высокое психологическое напряжение романтических партнеров.

В следующем примере говорящий дает непосредственную положительную оценку внешности адресата, вербализуя собственные ситуативные эмоции:

"You look absolutely breathtaking," Joshua told her, his eyes seeming to soak up her image. They stood that way for several moments, just looking movingly

at one another. The dark suit and shirt he wore were not missed by Jasmine. He looked pretty wonderful himself.

Jerking as if suddenly recalling his manners, Joshua took a step back and opened the door wider, gesturing that she should enter.

"Thank you. You look as if you are feeling much better." Jasmine told him, noting that the scratches were barely visible [9].

Данный фрагмент демонстрирует спонтанное проявление эмоций со стороны инициатора высказывания. Эмотив *brehtaking*, усиленный интенсификатором *absolutely*, а также экспрессивными пантомимическими движениями (*his eyes seeming to soak up her image, looking movingly at one another*) воплощает эмотивный смысл эмоции восхищения. Сигналом успешности речевой тактики комплимента является его принятие (*Thank you*) или любая другая положительная вербальная или невербальная реакция адресата.

В следующей коммуникативной ситуации эмоциональными являются и стимулы, и интенции, и реакции: *"That was beautiful," she told him when the last note died away. "What is it called? I don't think I've ever heard it before."*

"It didn't really have a name." Joshua said, looking mildly embarrassed.

"You wrote it?" Jasmine was amazed. "You're very talented."

Joshua shook his head. "It was an emotional outlet. And when I was sixteen, I had all sorts of emotions that needed an outlet" [9].

Субъектом эмоции в данном примере является молодой человек, а целью эмоционального общения коммуникантов – выражение особого отношения к партнеру, т.е. объекту эмоции восхищения, его таланту со стороны собеседницы. Ее эмоции имеют направленный характер, так как адресованы конкретному участнику взаимодействия, что позволяет говорить о субъектно-объектной направленности эмоционального типа вербальных сообщений. Сказанное не позволяет согласиться с мнением В. И. Шаховского, согласно которому «говорящий, выражая свою эмоцию, выражает свое отношение к предмету речи или свое эмоциональное состояние в связи с ним, а вовсе не стремится непременно вызвать какую-либо эмоцию у слушающего...», и далее «доминирующей функцией эмотивов является эмоциональное самовыражение говорящего. Воздействует оно или нет на слушающего – не всегда релевантно для говорящего» [1, с. 204]. В процессе общения романтических партнеров, напротив, поток энергии эмоций направлен друг на друга, собеседникам важно, чтобы партнер положительно оценивал действия, поступки, черты характера и т.д. и соответствующим образом реагировал на эмоциональные высказывания другого, которые «вплетаются» в создание общего эмоционального фона коммуникативного взаимодействия. В связи с этим следует указать, что между романтическими партнерами имеет место эмоциональная отзывчивость, которая понимается как устойчивое свойство индивида, проявляющееся в том, что он «легко, быстро, гибко и в широком диапазоне эмоционально реагирует на весьма различные воздействия» [11, с. 118]. Такого рода эмоциональные реакции на высказывания друг друга детерминированы спецификой процесса межличностного общения, особенностями партнера по коммуникации, его эмоциональными проявлениями и т.д.

В заключение подчеркнем, что экспрессивность в романтической коммуникации рассматривается как совокупность средств, способов и приемов создания прагматического эффекта, высказывания, обязывающая адресата интерпретировать его [высказывание] в соответствии с замыслом говорящего.

В зависимости от коммуникативной ситуации, цели и психического состояния участников взаимодействия в момент общения коммуниканты, как правило, сознательно осуществляют отбор тех или иных экспрессивных средств в соответствии с индивидуальными особенностями. Экспрессивный и эмоциональный характер романтического общения заключается в особой, эмотивной прагматике продуцируемых высказываний, такой их иллокуции, которая воздействует на собеседника в задуманном отправителем отношении. Вербальные эмотивные акты и невербальные, пара- и экстралингвистические средства являются важным каналом передачи информации личностно-эмоционального содержания.

Список литературы

1. **Шаховский, В. И.** Лингвистика эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
2. **Ренц, Т. Г.** Коммуникативные ситуации романтического общения / Т. Г. Ренц // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 1. – С. 333–337.
3. **Шаховский, В. И.** Коммуникативно-прагматический аспект экспрессивности / В. И. Шаховский. – М. : Высшая школа, 1992. – 252 с.
4. **Бахтин, М. М.** Тетралогия / М. М. Бахтин. – М. : Лабиринт, 1998. – 608 с.
5. **Cooper, J.** Players / J. Cooper. – Ballantine Books, 1989. – 484 p.
6. **Dreiser, Th.** An American Tragedy / Th. Dreiser. – URL: <http://www.gutenberg.org>
7. **Рябцева, Н. К.** Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 640 с.
8. **Маслова, В. А.** Параметры экспрессивности текста / В. А. Маслова // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – С. 179–205.
9. **Connor, J.** Jasmine / J. Connor. – URL: <http://www.books.google.com>
10. **Иссерс, О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 4-е, стер. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.
11. **Бойко, В. В.** Энергия эмоций / В. В. Бойко. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Питер, 2004. – 474 с.

Ренц Татьяна Гавриловна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики, Волжский
гуманитарный институт, филиал
Волгоградского государственного
университета

E-mail: trents@yandex.ru

Rents Tatyana Gavrilovna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of linguistics, Volga Humanitarian Institute,
affiliated branch of Volgograd
State University

УДК 81'371+81.42

Ренц, Т. Г.

Экспрессивно-эмотивный аспект романтического общения /
Т. Г. Ренц // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 86–92.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНГЕЛЬСКОЙ ПЕСНИ В НЕМЕЦКОМ БОГОСЛУЖЕНИИ

Аннотация. Ангельская песнь рассматривается как частотный самостоятельный богослужебный текст. Использование песни будет носить надконфессиональный характер, но частотность ее исполнения будет являться факультативным категориальным признаком православного немецкого богослужения. Исследованные переводы полно и точно передают содержание молитвословия, при существующем лексико-грамматическом и стилистическом варьировании достигнут необходимый уровень адекватности перевода, а также обеспечена пригодность литургического текста для пения.

Ключевые слова: литургический текст, варьирование, синтагматические особенности, литургическое использование.

Abstract. The Angelic song is considered as a frequently used independent liturgical text. The usage of the prayer has an over-confessional character, while the frequency of its usage is an optional categorical feature of orthodox German divine service. All the analyzed translations render the content of the prayer exactly and completely; the variety of lexical-grammatical and stylistic figures has been translated on the necessary level of clarity making the liturgical text suitable for singing.

Key words: liturgical text, variation, syntagmatic peculiarities, divine service usage.

При исследовании текстов религиозной сферы коммуникации очень часто встает вопрос не только их точного и адекватного перевода на другой язык, но и вопрос учета интра- и экстралингвистических особенностей их употребления в соответствующей ситуации. Избранный для анализа текст Ангельской песни (Лк. 2:14) имеет не только свою древнюю историю употребления как отрывок из Священного Писания (Евангелие от Луки), но и почти такую же древнюю традицию богослужебного использования (чтения и пения). Наряду с другими текстами, заимствованными из книг Священного Писания в другие виды церковной словесности (в частности, литургический), Ангельская песнь относится к ключевым текстам. Из Евангелий были заимствованы также молитвословия и возгласы *Отче наш*, *Величит душа Моя Господа*, *Ныне отпущаеши*, *Примите, ядите...*, *Пийте от нея вси...* и др. Из ветхозаветных текстов широко используется Псалтирь.

В настоящей работе мы проследим исторические особенности употребления Ангельской песни, ее значение в контексте христианского вероучения, общие проблемы перевода богослужебных текстов с церковнославянского языка на немецкий, а также рассмотрим различные варианты перевода этого славословия на немецкий язык.

Как самостоятельный богослужебный текст Ангельская песнь начинает использоваться в первые века христианства. Есть предположение, что она была составляющей частью уже апостольского богослужения, поскольку в своих посланиях апостол Павел указывает на три вида святых песней (Еф. 5:19 и Кол. 3:16): псалмы, гимны (славословия) и песни духовные. Под псалмами имеют в виду ветхозаветные псалмы. Характеризуя второй вид, свт. Иоанн Златоуст отмечает, что «гимны дело более святое, чем псалмы,

ибо Ангельские Силы песнословят, а не псалмословят» [1, с. 27]. К третьему виду относят евангельские песни праведного Захария, Пресвятой Богородицы и праведного Симеона Богоприимца.

Вне зависимости от того, в какое именно время песнь вошла в состав богослужения, достоверно известно, что она содержится в Литургии Апостольских Постановлений – составном литургическом памятнике, включающем в себя тексты II–VII вв. В нем этот стих находится перед самым приобщением. Как отмечает М. Скабалланович, это славословие имеют в начале православная, несторианская, римская литургии [1, с. 616]. Однако впоследствии, в связи с перенесением литургии на утро и ее соединением с утреней, стих перешел в состав утрени. В соединении со стихом «Господи, устне мои отверзеши» и обязательно перед чтением или пением Шестопсалмия он появляется в иерусалимской утрени и по способу исполнения соответствует исполнению самого Шестопсалмия. Ввиду особой важности этой небольшой песни она повторяется трижды в честь Святой Троицы.

Примечательно и то, что Ангельская песнь поется или читается в начале богослужебного дня – это самое начало утрени перед чтением Шестопсалмия и как первые строки *Славословия великого*, практически завершающего утреню.

Одной из причин заимствования Ангельского славословия из текстов Священного Писания в богослужение является его значение для христианского вероучения. Этими словами ангельское воинство и небесные силы приветствовали рождение Господа Иисуса Христа: *И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!* (Лук. 2:13–14)¹. Они воспевают мир, который водворится в душах людей, уверовавших в Спасителя, они радуются за людей, которым возвращено Божие благоволение, но это не обычное внешнее человеческое спокойствие и благосостояние, а «мир совести, примиренной с Богом, с людьми и самим собою» [2, с. 65]. Именно поэтому архиепископ Аверкий (Таушев) объясняет смысл славословия Ангелов следующим образом: «Достоинно славят Бога небесные духи, ибо на земле водворяется мир и спасение, так как люди сподобились особенного благоволения Божия» [2, с. 65].

Таким образом, первой и основной причиной заимствования Ангельского славословия в богослужебные чины является его авторство – принадлежность горнему миру, а не творению человека, и, как следствие, важное вероучительное значение. Именно благодаря этому Ангельское славословие заимствовано не только как рядовое евангельское чтение (например, в праздник Рождества Христова), но оформилось и как самостоятельный литургический текст. Второй, собственно языковой, причиной следует признать его ритмизованный, стихотворный, песенный характер, который позволил без дополнительной обработки текста пропеть его за богослужением.

Следует сразу оговориться, что этот текст употребляется и в составе немецкоязычного римско-католического богослужения. Однако мы ограничимся рамками тех общин, для которых Русская православная церковь (и, соответственно, ее богослужение) является родной. Сегодня эта Церковь представлена двумя епархиями – Берлинской и Германской Русской православной

¹ Приводится по синодальному переводу.

церковью и Берлинской и Германской Русской православной церковью за границей, а также ставропигиальными приходами¹. Свое служение в 110 приходах и общинах осуществляют два правящих архиепископа, два викарных архиерея и почти 100 священнослужителей². Языком богослужения во многих общинах в силу последовательной культурной и языковой интеграции ее членов становится со временем немецкий язык. В этой связи остро встает вопрос перевода богослужебных текстов с церковнославянского языка на немецкий. Относительно права немецкого языка на литургическое использование мы придерживаемся мнения священника Георгия Кочеткова, который утверждает, что «любой язык, язык любого народа на земле благоугоден Богу и может быть литургическим языком» [3, с. 13]³.

По мнению священника Йоханнеса Нотхааса, для правильной оценки значимости языка и перевода должны быть учтены три критерия: 1) идентичность содержания; 2) церковная миссия; 3) душепопечительство. Другими словами, выполняет ли результирующий текст функцию неповрежденной передачи истинного содержания веры, обладает ли он миссионерским характером и действительно ли это служит делу душепопечения, или, точнее, спасения людей: «Идентичность содержания требует языковой борьбы за лучшую форму выражения содержания благовестия. Это усилие не стесняется ни изъятия высших и ценнейших понятий другого языка, ни языковых новообразований, чтобы сделать доступнее содержание христианского учения способу мышления другого народа... Миссионерский характер христианской веры требует перехода через языковые барьеры с помощью переводов, так как христианство претендует на универсальность. Бог желает обновления всего творения, и языки должны выполнять эту задачу... Душепопечительство ставит задачу, согласно которой правильное использование языковых средств служит делу спасения всех душ в общине. Так сказал апостол Павел своей коринфской общине: «...для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:22) [5, с. 394].

При анализе литургических текстов к указанным критериям должен быть добавлен и еще один немаловажный критерий – адекватной музыкальной формы, поскольку при переводе этих текстов с церковнославянского языка должны быть учтены исходные по отношению к нему языки переводимого текста – древнееврейский, древнегреческий, арамейский, арабский и др., а также, по возможности, музыкальные системы этих языков.

В качестве исследуемых переводов привлекаются перевод сотрудников Среднеевропейского экзархата [6, с. 22], осуществленный в 1960–1970-х гг. (далее – П1), и перевод, выполненный в конце XX в. протоиереем Димитрием Игнатьевым [7, с. 13, 114] для серии богослужебных изданий Страстной седмицы (далее – П2). В целях типологического сравнения используются также переводы Евангелия от Луки Мартина Лютера в редакции 1912 г. (П3) и 1999 г. (П4) [8, с. 69]. Первым приводится перевод сотрудников Среднеевропейского

¹ Находящимися под непосредственным управлением Патриарха Московского и всея Руси.

² По данным официальных сайтов этих епархий: www.rocog.de и www.rokmp.de

³ Подробнее об этапах и путях переводческой деятельности христианских общин в немецкоязычном мире см. статью Е. М. Верещагина [4, с. 68–88].

экзархата: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. – Ehre sei Gott in der Höhe und Friede auf Erden, den Menschen Wohlgefallen.*

Анализируемый перевод отличается пословным характером, т.е. автор стремится к тому, чтобы каждому слову исходного текста соответствовало слово текста результирующего, воспроизводит словесный набор оригинала. При этом в немецком языке трудно соблюсти порядок слов, имеющийся и пословно совпадающий в церковнославянском и греческом текстах. Последующие варианты переводов принципиально исключают слепое калькирование греческого предложения и передают его в соответствии с нормами немецкой речи.

Дополнив фактический материал, попытаемся в систематизированном виде представить результаты анализа. В качестве исходного указан вариант П1, если с ним есть разночтения, то они приводятся в следующей последовательности: сначала П2, затем через две косых линии П3 и П4. Если последующий перевод не приводится, это значит, что в нем нет варьирования по сравнению с П1 (+). Текст разбит на условные синтагмы.

(1) *Ehre sei Gott in der Höhe – Ehre sei Gott in den Höhen* // (+) // (+)

(2) *und Friede auf Erden – und auf Erden Friede (und Frieden auf Erden)¹ // und Frieden auf Erden* // (+)

(3) *den Menschen Wohlgefallen – den Menschen Seiner Huld (den Menschen ein Wohlgefallen) // und den Menschen ein Wohlgefallen // bei den Menschen seines Wohlgefallens.*

В самой общей оценке рассмотренные переводческие версии представляются вполне приемлемыми: полно и точно передано содержание славословия, практически нет искусственного изменения немецкого языка, достигнут достаточный уровень адекватности, обеспечена пригодность литургического текста для пения и т.д. Перевод последнего слова в переводе протоиерея Дмитрия Игнатьева и отредактированном лютеровом переводе 1999 г. в родительном падеже связан с тем, что во многих древних рукописях последнее слово стоит в родительном падеже: *благоволения* («...на земле мир, в людях благоволения»).

В формальной лингвистической дескрипции отмечается варьирование:

– именной номинации: (3) *Wohlgefallen – Huld*;

– морфологических форм: (1) *in der Höhe – in den Höhen*; (2) *Friede – Frieden*;

– порядка слов по сравнению с оригиналом: (1) *Ehre sei Gott in der Höhe* и строгой пословности: (2) *und Friede auf Erden – und auf Erden Friede*;

– стилистической синонимии слов и (или) форм, иногда денотативное значение незначительно меняется: (2) *Friede – Frieden*; (3) *Wohlgefallen – Huld*;

– значащего употребления прописных и строчных букв: (3) *Seiner Huld – seines Wohlgefallens.*

Подобное варьирование в целом полезно, так как используется все богатство немецкого языка, а само славословие приобретает смысловую и стилистическую многомерность. Возвышенная стилистическая окраска достигается выбором и сочетанием лексем (*Huld*), редких морфологических форм

¹ Вариант перевода приводится автором в примечаниях.

(*Friede*), возвышенных идиом (*auf Erden*: geh.: *in der irdischen Welt*), инверсии (*und auf Erden Friede*), полисиндетона.

Теперь несколько слов о синтагматических особенностях переводных текстов в аспекте их литургического использования (при этом тексты ПЗ и П4 более не учитываются). Текст славословия носит особый, ритмизованный, поэтический характер. Его можно отнести к тому типу текстов, который Н. П. Саблина называет «ключевыми формулами всего Священного Писания» [9, с. 119]. Формульный характер, по ее мнению, позволяет полисемантическому слову не ограничиваться реализацией одного из значений в зависимости от контекста: «В формуле сохраняется слово как синкрета. У слова в формуле нет инварианта – в ней нераздельно присутствуют все смыслы, все значения... Формула синтагматична, но парадигматична словом, ее строящим, словом, которое является пульсирующим сгустком смысла» [9, с. 124–125]. Полисемантический, концентрирующий характер лексем, составляющих славословие, еще раз, пусть и косвенно, подтверждает не только их вероучительное значение, но и объясняет мотив заимствования в богослужение, в литургическую словесность. Но этот формульный характер славословия предопределяет и особый подход к результирующему тексту в контексте православного богослужения.

Поскольку текст в основном пропеваается во время богослужения, на первое место выступают требования к поэтической и музыкальной характеристике исследуемого текста. Пропеваемость славословия будет незначительно осложнять консонантная насыщенность немецкого текста.

Как известно, ударение в обоих языках динамическое, однако в церковнославянском оно свободное, а в немецком – тесно привязано к определенной морфеме. В то время как ударные славянские гласные могут немного удлиняться, а при пении подвергаться не только количественным, но и тональным, динамическим вариациям, в немецком их мобильность ограничена, иногда за счет того, что ударными могут быть и краткие гласные. Ср.: *na zemli* – *auf Erden*. Возможно, именно в этой связи в одном из переводов имеется инверсия *und auf Erden Friede*, обусловленная необходимостью силлабического ударения оконцовки синтагмы.

Подводя итог, необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Ангельская песнь является одним из самых частотных самостоятельных богослужебных (литургических) текстов, заимствованных из корпуса книг Священного Писания Нового Завета. Причины заимствования видятся нам в вероучительном значении славословия и в его особом ритмизованном характере, который в свою очередь позволил пропевать текст во время богослужения. Обиходное исполнение славословия отличается силлабичностью и простотой.

Использование славословия в качестве самостоятельного литургического текста будет носить надконфессиональный характер, так как используется и в православной, и в католической традициях. Славословие будет являться специфическим стилистическим средством, формирующим богослужебный подстиль современного религиозного стиля немецкого языка.

Основные проблемы проанализированных переводов связаны с тем, что, будучи литургическим текстом, язык славословия должен сочетать в себе следующие характеристики: а) высокий стиль и целостность в стилевом отношении; б) отрефлектированность, т.е. это должен быть язык, «вмещающий в себя все нюансы смысла, философско-богословские оттенки, не допускаю-

щий двусмысленности и способный на различения» [10, с. 48]. Исследованные результирующие тексты полно и точно передают содержание славословия, при существующем лексико-грамматическом и стилистическом варьировании достигнут необходимый уровень адекватности перевода, а также обеспечена пригодность литургического текста для пения. В текстах не встречается необоснованных замен лексем и граммем, которые могли бы быть обусловлены догматическими, культурно-историческими и языковыми факторами.

Дальнейшее детальное исследование литургических текстов на немецком языке могло бы привести нас к систематическому описанию современного богослужебного немецкого языка в его конфессиональном, культурно-национальном и языковом многообразии.

Список литературы

1. **Скабалланович, М.** Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением / М. Скабалланович. – М. : Сретенский монастырь, 2004. – 815 с.
2. **Аверкий (Таушев), архиеп.** Четвероевангелие. Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета / Аверкий (Таушев), архиеп. – М. : ПСТБИ, 2004. – 848 с.
3. **Кочетков, Георгий, свящ.** Язык Церкви / Георгий Кочетков, свящ. // Язык Церкви. – Вып. 1. – М. : Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа, 1997. – С. 12–21.
4. **Верещагин, Е. М.** Переводы с церковнославянского на немецкий : анализ опыта в свете перспектив переводов на русский / Е.М. Верещагин // Язык Церкви. – Вып. 1. – М. : Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа, 1997. – С. 68–88.
5. **Нотхаас, Йоханнес, свящ.** Язык православной литургии в диаспоре / Йоханнес Нотхаас, свящ. // Труды Нижегородской духовной семинарии. – Вып. 5. – Нижний Новгород : Нижегородская духовная семинария, 2007. – С. 391–396.
6. Die Nachtwache. Der Gottesdienst der Orthodoxen Kirche in der Nacht zum Sonntag und vor großen Festen. – Berlin : Mitteleuropäisches Exarchat des Moskauer Patriarchates, 1974. – 24 s.
7. Der Gottesdienst am Heiligen und Hohen Donnerstag. Zusammengestellt und übersetzt von НН. Erzpriester Dimitrij Ignatiev. – München : Kloster des Hl. Hiob von Poiaev, 1991. – 114 s.
8. Die Bibel. Nach der Übersetzung Martin Luthers mit Einführungen und Bildern. – Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1999. – 391 s.
9. **Саблина, Н. П.** Словесная формула как основная поэтическая единица Псалтири / Н. П. Саблина // Древнерусское песнопение: Пути во времени. – СПб., 2005. – Вып. 2: По материалам конференции «Бражниковские чтения – 2004». – С. 119–125.
10. **Иннокентий (Павлов), игумен.** «...Чтобы всем учиться и ободряться» / Иннокентий (Павлов), игумен // Язык Церкви. – Вып. 1. – М. : Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа, 1997. – С. 47–60.

Плисов Евгений Владимирович
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой немецкой
филологии, Нижегородский
государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова

E-mail: e_plissov@mail.ru

Plisov Evgeny Vladimirovich
Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of German philology, Nizhny Novgorod
State Linguistic University
named after N. A. Dobrolyubov

УДК 82-97:2-53

Плисов, Е. В.

Языковые особенности употребления ангельской песни в немецком богослужении / Е. В. Плисов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 93–99.

«ТО THYRZA» ДЖ.-Г. БАЙРОНА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Д. Л. МИХАЛОВСКОГО¹

Аннотация. В статье осуществлен сопоставительный анализ стихотворений Дж.-Г. Байрона, относящихся к его элегическому циклу «К Тирзе», и их русских переводов, осуществленных в 1890-е гг. Д. Л. Михаловским. Отмечается мастерство переводчика, сохранившего особенности оригинального авторского замысла великого английского поэта, приводятся конкретные факты привнесения в переводной текст отдельных художественных деталей, характеризуется специфика восприятия русским интерпретатором образов лирического героя и его умершей возлюбленной.

Ключевые слова: Байрон, художественный перевод, компаративистика, русско-английские литературные связи, поэзия, межкультурная коммуникация.

Abstract. The article describes a comparative analysis of G.-G. Byron poems, which belong to his elegiac cycle “To Thyrsa”, and their Russian interpretations by D. L. Mikhalovsky in 1890s. The interpreter preserves the original message of the great English poet. In the interpretations of Byron’s poems we can find certain interpreter-added literary details and characteristics of the Russian interpreter’s perception of the lyric hero and his dead love images.

Key words: Byron, artistic interpretation, comparativistics, Russian-English literary connections, poetry, intercultural communication.

Среди произведений Дж.-Г. Байрона, созданных на рубеже 1800–1810-х гг., особое место занимают пять стихотворений, обращенных к Тирзе, неизвестной девушке, образ которой у современников и позднейших исследователей творчества великого английского поэта ассоциировался как с конкретными людьми из его окружения, так и с некоей иллюзорной личностью, представшей перед сознанием романтика в то сложное время, «когда у него было разбито сердце, и он чувствовал, что его надежды рушатся, поскольку страдал от любви к настоящему объекту воздыхания» [1, с. 859]. С.-Т. Кольридж, обративший внимание на дискуссию вокруг образа Тирзы, еще в 1829 г. признавал, что «окончательное и авторитетное решение» вопроса об адресате байроновского произведения «в настоящее время едва ли возможно»; вместе с тем, по его мнению, «нет сомнения, что Байрон упоминал о Тирзе в разговорах с женой и сестрой как о девушке, которая действительно существовала и умерла приблизительно в то время, когда он вернулся в Англию в 1811 г.» [2, с. 556]. Однако Тирза могла вполне быть условным образом, заимствованным из Библии, где она является женой Авеля (сюжет о Каине и Авеле был воссоздан Байроном в поэме «Каин»), либо из известной Байрону эпитафии

¹ Статья подготовлена по проекту 2010-1.2.2-303-016/7 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствознание», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.2 «Проведение научных исследований группами под руководством кандидатов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (госконтракт 14.740.11.0572 от 05.10.2010).

Мелеагра, помещенной в сборнике «Переводы, преимущественно из греческой антологии», вышедшем в 1806 г.

Из пяти стихотворений, посвященных Байроном Тирзе, Д. Л. Михаловский перевел три – «To Thyrza», «Away, away, ye notes of woe!», «If sometimes in the haunts of men...», причем первые два перевода («На месте, где в земле ты скрыта...», «О, пусть умолкнут скорби звуки...») были опубликованы сначала отдельно, на страницах «Приложения к журналу «Нива» в 1892–1893 гг., а затем вместе с третьим переводом «О, если иногда...» были представлены единым циклом в сборнике оригинальных сочинений и переводов Михаловского, увидевшем свет в типографии А. С. Суворина в 1896 г. Из трех байроновских произведений только «If sometimes in the haunts of men...» было известно в то время в России; к его переводу обращались в 1832 г. В. И. Любич-Романович [3, с. 50], в 1854 г. – Н. П. Греков [4, с. 214], в 1860 г. – В. П. Попов [5, с. 112].

В стихотворении «To Thyrza» пораженный смертью Тирзы лирический герой не может поверить, что ее нет, он не может найти утешения даже на ее могиле, поскольку не знает, где она похоронена, причем на свой вопрос он так и не получает ответа: «Without a stone to mark the spot, / And say, what Truth might well have said, / By all, save one perchance, forgot, / Ah! wherefore art thou lowly laid?» [1, с. 585] [Без камня, чтобы отметить место / И сказать, что Правда уже сказала, / Всеми, кроме одного, забыта, / О! почему же ты лежишь так глубоко?]. В переводе Михаловского опущено всего два стиха, однако этого оказалось вполне достаточно, чтобы практически полностью нивелировать байроновский трагизм, утратить внутреннее ощущение скорби, пронизывающей героя: «Нет места, где в земле ты скрыта, / Нет камня, чтоб найти его... / Ты всеми, может быть, забыта, / За исключением одного» [6, с. 102].

Воспоминания о возлюбленной постоянно терзают Байрона, он никак не может поверить в то, что ее нет рядом, возвращаясь вновь и вновь к незабываемым моментам общения: «Ours too the glance none saw beside; / The smile none else might understand; / The whisper'd thought of hearts allied, / The pressure of the thrilling hand; / The kiss, so guiltless and refined, / That Love each warmer wish forebore; / Those eyes proclaim'd so pure a mind, / Even Passion blush'd to plead for more. / The tone that taught me to rejoice, / When prone, unlike thee, to repine; / The song celestial from thy voice, / But sweet to me from none but thine» [1, с. 858] [Также наши взгляды никто вокруг не замечал; / Улыбку кто-то еще не смог бы понять; / Произнесенная шепотом мысль сердце объединила, / Давление дрожащей руки; / Поцелуй, такой чистый и невинный, / Что любовь сдерживала каждое страстное желание; / Эти глаза обнаруживали такую невинную душу, / Даже страсть краснела, чтобы попросить еще. / Голос, который научил меня радоваться, / Когда готов жаловаться, что непохоже на тебя; / Небесная песня твоего голоса, / Но сладка для меня только от тебя]. При интерпретации байроновского стихотворения Михаловский опускает олицетворения («Love» («любовь»), «Passion» («страсть»)), дополняет текст несколькими стихами, призванными создать атмосферу отдаленности влюбленных от окружающего мира: «Вблизи, вдали, иль сидя рядом, / От всех мы были далеки, / Менялись шепотом иль взглядом, / Пожатием трепетной руки, / Иль поцелуем, пред которым / Желаний сдерживалась власть: / Своим невинным, чистым взором / Краснеть заставила бы страсть. /

Мне в сердце радость проливалась, / Когда я слышал голос твой; / Небесной музыкой казалась / Мне песня, спетая тобой» [6, с. 103].

Сквозь воспоминания лирического героя неизменно проступают упреки, обращенные к любимой, ушедшей навсегда, оставив его жить с невыносимой мукой в сердце: «The pledge we wore – I wear it still, / But where is thine? – Ah! where art thou? / Oft have I borne the weight of ill, / But never bent beneath till now!» [1, с. 858] [Залог, который дали мы, – его еще храню, / Но где же твой? – О! где же ты? / Я часто нес бремя болезни, / Но никогда не сгибался так низко, как сейчас!]. Если Байрон говорит о физических страданиях, постоянных тяжелых болезнях («the weight of ill»), изматывавших его героя, то Михаловский ограничивается общими рассуждениями об «иге бед»: «Залог твой у меня остался... / Его храню – где ж мой? где ты? / Под игом бед я не склонялся / До этой страшной тяготы» [6, с. 104].

В своем письме к Й.-Э. Годжсону от 8 декабря 1811 г. Байрон сообщал относительно точную дату создания другого стихотворения, обращенного к Тирзе, – «Away, away, ye notes of woe!...»: «Написано вчера или третьего дня, когда я услышал песню давних дней» [2, с. 556]. В этом произведении передано мироощущение героя, гнетомое невыносимой болью, невыразимым горем; его речь прерывиста, насыщена междометиями и союзами, призванными показать, что герою не хватает дыхания и что в любой момент он может разрыдаться. Глубоко потрясенный смертью Тирзы, терзаемый воспоминаниями о ней, ее голосе, преследуемый звуками ее песни, лирический герой пытался преодолеть горе, убедить себя в необходимости дальнейшей жизни без возлюбленной: «Away, away, ye notes of woe! / Be silent, thou once soothing strain, / Or I must flee from hence – for, oh! / I dare not trust those sounds again. / To me they speak of brighter days – / But lull the chords, for now, alas! / I must not think, I may not gaze, / On what I am – on what I was» [1, с. 859] [Прочь, прочь, вы звуки скорби! / Замолчи, ты раз облегчившая боль, / Или я должен умчаться отсюда прочь – чтобы, о! / Я не осмеливаюсь довериться этим звукам снова. / Мне они говорят о более радостных днях – / Но убаюкивают чувства, только сейчас, боже! / Я не должен думать, я не должен вглядываться, / В то, кто я сейчас, – в то, кем я был]. Как видим, находясь на грани безумия, не желая больше выносить тяжких страданий, байроновский герой стремился уверовать в необходимость перестать думать об ушедшей навсегда Тирзе; его слова, полные отчаяния, становились криком души человека, пытавшегося найти в себе силы жить и избавиться от мучительных воспоминаний. В переводе Михаловского герой скорее испытывает глубокую печаль, нежели душевные муки, – там, где у Байрона герой «мчится прочь» («flee from hence»), у переводчика «уходит от муки»: «О, пусть умолкнут скорби звуки, – / Отрада дней моих былых, – Иль я уйду от этой муки: / Не в силах вынести я их! / Они напевом струн звенящим, / О светлых днях мне говорят; / Но о прошедшем, настоящем / Мне тяжело думать... пусть молчат» [6, с. 105].

Острая душевная боль постепенно уступает место унынию, горестным воспоминаниям. Будучи не в силах расстаться с любимой, байроновский герой постоянно обращается к ней, говорит ей о своей боли: «Yes, Thyrsa! yes, they breathe of thee, / Beloved dust! since dust thou art; / And all that once was harmony / Is worse than discord to my heart» [1, с. 859] [Да, Тирза! да, они дышат тобой, / Любимый прах! С тех пор, как ты стала им; / И все, что однажды было гармонией / Хуже, чем противоречие в моей груди]. Тональность ори-

гинала в целом передана в переводе, в котором, однако, главным воспоминанием становится человеческий голос, а не отдельные звуки окружающего мира. В связи с этим возникает определенная размытость описания – вместо «разлада в груди» («discord to my heart») упоминается «разлад в струнах», причем возникает недопонимание того, откуда появились «струны»: «О, Тирза, он поет уныло / Мне о тебе, мой милый прах, / Все, что гармонией в нем было, / Мне горше, чем разлад в струнах!» [6, с. 105].

Резкая, невыносимая боль покидает героя, оставляя в душе глубокую грусть, которая отныне станет его постоянным спутником: «Sweet Thyrsa! waking as in sleep, / Thou art but now a lovely dream; / A star that trembled o'er the deep, / Then turn'd from earth its tender beam. / But he who through life's dreary way / Must pass, when heaven is veil'd in wrath, / Will long lament the vanished ray / That scattered gladness o'er his pass» [1, с. 859] [Милая Тирза! Проснувшись, словно во сне, / Но сейчас ты лишь прекрасный сон; / Звезда, трепетавшая в глубине, / Затем отвернувшая от земли свой нежный луч. / Но тот, кто должен пройти унылый путь жизни, / Когда небеса покрыты яростью, / Будет долго оплакивать исчезнувший луч, / Который рассеивал счастье на его пути]. Здесь Байрон сравнивал свою возлюбленную со звездой, которая озаряла его земное бытие, утверждая, что без нее его жизнь станет «унылым путем», на котором он будет долго оплакивать свою «звезду». У Михаловского «унылый путь» («dreary way») становится «дорогой тяжелой»; если в оригинале герой оплакивает «исчезнувший луч» («vanished ray»), то в русском переводе – лишь вспоминает о нем «с горечью»: «Да Тирза, ты – лишь сновиденье, / Лишь греза, – сплю я или нет, – / Звезда, сиявшая мгновение / И погасившая свой свет. / Но кто дорогою тяжелой / Бредет, под небом полных туч, / Тот вспомнит с горечью – веселый, / Над ней сверкавший прежде луч» [6, с. 106].

Стихотворение «If sometimes in the haunts of men...», завершающее элегический цикл, обращенный к Тирзе, лишено подобных мучительных терзаний героя. Главным мотивом в нем становится легкая грусть, которая позволяет избежать трагических воспоминаний, ограничившись оживлением образа любимой в редкие часы тихого уединения: «If sometimes in the haunts of men / Thine image from my breast may fade, / The lonely hour presents again / The semblance of thy gentle shade: / And now that sad and silent hour / Thus much of thee can still restore, / And sorrow unobserved may pour / The plaint she dare not speak before» [1, с. 861] [Если иногда среди множества людей / Твой образ исчезнет из моей груди, / Час одиночества снова покажет / Образ твоей легкой тени: / И сейчас в этот грустный и тихий час / Почти вся ты можешь вновь вернуться, / И невидимая скорбь может пролиться / Плачем, о котором она не смела сказать раньше]. В переводе Михаловского одиночество героя еще более усилено при помощи детализации описаний (ср. «sad and silent hour» («грустный и тихий час») – «молчаливый, печальный, тихий час»; «lonely hour» («одинокий час») – «одинокий час глубокого молчанья»): «О, если иногда среди шумного собранья, / Из мыслей у меня исчезнет образ твой, – / То в одинокий час глубокого молчанья / Тень милая твоя – опять передо мной. / Вот и теперь ее, в час этот молчаливый, – / Печальный, тихий час, – так ясно вижу я: / Здесь нет свидетелей, – и в жалобе тоскливой / Излиться может скорбь незримая моя» [6, с. 107].

Время уносит с собой все воспоминания, и герой Байрона, отчетливо сознавая это, пытался оправдаться перед любимой, убедить самого себя, что она не забыта, что она продолжает жить в его душе и по-прежнему ему дорога: «Oh, pardon that in crowds a while / I waste one thought I owe to thee, / And self-condemned, appear to smile, / Unfaithful to thy memory! / Nor deem that memory less dear, / That then I seem not to repine; / I would not fools should overhear / One sigh that should be wholly *thine*» [1, с. 861] [О, извини, что в толпе на миг / Я потратил впустую одну мысль, которую я предназначал тебе, / И, осуждая себя, улыбнулся, / Предав твою память! / Не думая, что память стала мне менее дорога, / Что потом я не ругаю себя; / Я не хотел бы, чтобы глупцы подслушали / Один вздох, который должен быть только твоим]. Михаловский, дополнив описание отдельными стихами, существенно скорректировавшими байроновский замысел, передал настроение тихой, тайной грусти, сокровенной тайны, о которой никто не должен знать: «Прости, когда та мысль, что мне бы надлежало, / Отдать одной тебе, я тратил на людей; / Когда мое лицо улыбка озаряла, / Как будто изменил я памяти твоей! / Она мне дорога: но горе сердца – тайна, / И напоказ толпе не появлюсь я с ним: / Я не хочу, чтоб там подслушали случайно / Глупцы хоть вздох один, что должен быть твоим» [6, с. 107].

И в английском оригинале, и в русском переводе отчетливо передана мысль о том, что успокоение необходимо искать не в смерти, а в бережном сохранении памяти о возлюбленной, которое и способно стать смыслом человеческой жизни: «It is my sorrow's pride / That last dear duty to fulfil; / Through all the world's forget beside, / It is meet that I remember still» [1, с. 861] [Это гордость моей печали / Выполнить последний, дорогой долг; / Даже если все забудут, / Эту встречу я буду помнить] – «Мне дорог этот долг – и он исполнен будет, – / Гордится им печаль глубокая моя, – / И если целый мир тебя совсем забудет, / То память о тебе лелеять буду я!» [6, с. 108]. Вместе с тем перевод Михаловского более пафосен: в нем появляется отсутствующее в оригинале упоминание о «долге», «гордость моей печали» («sorrow's pride») заменена оборотом «гордится им печаль глубокая моя», лексема «помнить» («remember») – синтагмой «лелеять память».

Героя Байрона неожиданно посещает мысль, что любовь его Тирзы была лишь прекрасной мечтой, недостижимой для него, слишком неземной: «And oh! I feel in that was given / A blessing never meant for me; / Thou wert too like a dream of heaven, / For earthly Love to merit me» [1, с. 861] [И о! я чувствую то, что было дано, / Счастье никогда не предназначалось для меня; / Ты была слишком похожа на мечту небес / Для земной Любви, которую я заслужил]. В русском переводе звучит та же грустная разгадка, причем если лирический герой оригинального произведения искренне уверен в том, что заслужил «земной любви» («earthly Love»), то у Михаловского появляется отвлеченная «любовь земли», некий иллюзорный, абстрактный образ: «Увы! Я чувствую, что это счастье было / Не мне назначено, – ты не за тем жила, / И на мечту небес ты слишком походила, / Чтоб заслужить тебя любовь земли могла» [6, с. 108].

Как видим, предлагая русскому читателю первые интерпретации байроновского элегического цикла, обращенного к Тирзе, Михаловский смог мастерски передать эмоциональное напряжение оригинала, раскрыть трагизм потери любимой лирическим героем, сохранившим светлую, грустную память о навсегда утраченном счастье.

Список литературы

1. **Вугон.** The Complete Works / Вугон. – Paris : A. and W. Galignani and C^o, 1841. – 935 p.
2. Полное собрание сочинений Байрона : в 3 т. / под ред. С. А. Венгерова. – СПб. : Изд-во Брокгауза – Ефрона, 1904. – Т. 1. – 601 с.
3. Стихотворения Василия Романовича. – СПб. : Тип. вдовы Плюшар, 1832. – 82 с.
4. **Греков, Н.** Элегия, из Байрона / Н. Греков // Отечественные записки. – 1854. – Т. 97, № 12. – Отд. I.
5. **Попов, В. П.** Из Байрона. Стансы / В. П. Попов // Русское слово. – 1860. – Кн. 6. – С. 112.
6. Иностранцы поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д. Л. Михаловского : в 2 т. – СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1896. – Т. 1. – 307 с.

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия, академик Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России, член Союза журналистов России

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitry Nikolaevich

Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological Academy, fellow of the International Academy of sciences of the pedagogical education, Russian Writers' Union member, Russian Journalists' Union member

Крехтунова Елена Викторовна

преподаватель, кафедра романо-германской филологии, Пензенский государственный университет

E-mail: mizuori@mail.ru

Krekhtunova Elena Viktorovna

Lecturer, sub-department of Romanic and Germanic Philology, Penza State University

УДК 820

Жаткин, Д. Н.

«To thyrza» Дж.-Г. Байрона в переводческом осмыслении Д. Л. Михаловского / Д. Н. Жаткин, Е. В. Крехтунова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 100–105.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» В ПОЭЗИИ Т. С. ЭЛИОТА 1910–1920 гг.

Аннотация. В статье рассматривается структура художественного концепта «пространство» на материале поэзии англо-американского автора Т. С. Элиота. Особое внимание уделяется проблеме моделирования концепта, описанию его макроструктуры и полевой организации выявленных когнитивных признаков. Анализ концепта выполнен в рамках семантико-когнитивного направления.

Ключевые слова: индивидуально-авторский концепт, семантико-когнитивное моделирование концепта, концепт «пространство».

Abstract. The article considers a structure of the literary concept of “THE SPACE” in the poems of the English and American writer T. S. Eliot. Special emphasis is placed on the problem of the concept modeling, on the description of its macrostructure and on the nuclear-peripheral distribution of the singled out cognitive features.

Key words: literary concept, semantic and cognitive concept modeling, THE SPACE concept.

В художественном произведении перед читателем раскрывается картина мира автора, представленная совокупностью индивидуально-авторских концептов. Художественный концепт, по О. Б. Беспаловой, – это «единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает *индивидуально-авторское* осмысление сущности предметов или явлений» [1, с. 6].

Концепт ПРОСТРАНСТВО является универсальным, ключевым для выражения культурных характеристик национального языкового сознания; преломляясь в сознании автора, он становится важным сегментом индивидуально-авторской концептосферы.

Из работы А. Николовой [2] следует, что существует множество лингвокультурных и лингвокогнитивных подходов к изучению пространства, но на данный момент нет единого мнения по вопросу о том, можно ли считать пространство категорией (А. Николова), концептом или многокомпонентным концептом. В данном исследовании мы обращаемся к пространству в рамках индивидуально-авторской картины мира англо-американского поэта Т. С. Элиота и поэтому считаем целесообразным рассматривать его как сложный комплексный концепт. Концепт ПРОСТРАНСТВО, в свою очередь, включает в себя концепты-компоненты, например, концепт ДОМ, концепт ГОРОД и т.д.

Согласно типологии концептов З. Д. Поповой и И. А. Стернина [3], концепт ПРОСТРАНСТВО является фреймом: «*Фрейм* – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении (например, *магазин, кино, больница*)» [3, с. 72–74]. И. А. Тарасова считает, что фрейм должен рассматриваться не в качестве типа концепта, а в качестве когнитивной структуры более высокого уровня, которая определяет взаимодействие между концептами, т.е. является способом организации ментального пространства. Фрейм репрезентирует концепт через отсылку к

концептуальной области, в которой этот концепт интерпретируется, а языковой формой репрезентации концепта является тематическая группа [4, с. 145].

Нам представляется логичным объединить понимание фрейма как многокомпонентного концепта (в типологии З. Д. Поповой и И. А. Стернина) и трактовку его как когнитивной структуры, организующей ментальное пространство (в работе И. А. Тарасовой). В данном исследовании ПРОСТРАНСТВО будет рассматриваться как фрейм, т.е. многокомпонентный (гипер)концепт, регулирующий взаимодействие и взаимосвязь между концептами и позволяющий «систематизировать как логические отношения (гиперо-гипонимические, партонимические...), так и образные представления различных типов модальностей (в первую очередь зрительной и слуховой)» [4, с. 145].

Комплексный концепт ПРОСТРАНСТВО исследуется на материале стихотворных произведений Т. С. Элиота периода 1917–1920 гг.

Процедура анализа концепта разработана Л. А. Тавдгиридзе и И. А. Стерниным [5, с. 6–39] и включает несколько этапов: построение номинативного поля концепта; анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта; когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств; описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков; непосредственно моделирование концепта, которое в свою очередь состоит из трех этапов: описания макроструктуры концепта, описания категориальной структуры концепта (выявления иерархии когнитивных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление) и описания полевой организации выявленных когнитивных признаков. Указанная выше процедура анализа применяется в работе к одному из компонентов комплексного концепта ПРОСТРАНСТВО – концепту ДОМ.

Анализ художественного концепта ДОМ

Построение номинативного поля концепта ДОМ

Понятие пространства напрямую с какой-либо языковой категорией не связано. Е. С. Кубрякова считает, что существенность понятия пространства и его бытийной сути приводит к тому, что пространственные значения и значения пространственных (локативных) отношений проходят фактически по всем знаменательным частям речи и формируют также разные классы ориентиров (предлогов, наречий и местоимений) [6]. Поэтому в качестве основного приема построения номинативного и ассоциативного поля концепта ДОМ использовалась выборка лексем, называющих или характеризующих составляющие части дома, его обитателей, предметы быта и т.д. В качестве способов прямой номинации данного концепта используется лексема house (5); в номинативное поле входят также обозначения составляющих большого и малого дома; функциональные названия зданий, комнат. В ассоциативное поле концепта входят лексем, обозначающие обитателей ДОМА, предметы их быта, посуду и т.д. Оба поля содержат 210 единиц.

Семантика языковых средств, входящих в номинативное поле концепта

Анализ семантики языковых средств осуществляется с использованием словарей, методики компонентного анализа, контекстуального анализа. При

рассмотрении семантики номинативного поля были выделены следующие семантические компоненты (семы): *здание, помещение со стенами, потолком, полом; здание общественного назначения или (очень редко) жилое помещение*. Анализ значений слов, вошедших в ассоциативное поле концепта, позволяет выделить признаки и характеристики элиотовского ДОМА: в пространстве ДОМА его обитатели представлены метонимиями – *частями тела*; ДОМ заполнен различными предметами быта – *личные вещи и постельные принадлежности обитателей*; важный ритуал в пространстве ДОМА – *чаепитие*; в числе предметов быта – *музыкальные инструменты; ущербность* самих музыкальных инструментов и их звучания; *отрицательная оценка* в атрибутивных прилагательных (обозначающих цвет, качество предметов, характеристики цветов, запахов); *увядшие / засохшие / живущие без солнца цветы; неприятные запахи*. Выделенные семантические признаки можно представить следующим образом (от наиболее частотных к менее частотным):

1. Составляющие части ДОМА (45): corridor 3, hall, floor 3, room 9, drawing-room, window 5, kitchen, door 4, chimney, terrace, stair 2, wall 2, ceiling 2, shutters 2, garden, house 5, corner, mantelpiece.

2. Обитатели ДОМА (31): ladies, feet 2, yellow soles, hands 5, palms, hair 3, eyes 2, face 2, teeth, thighs, skirts, vertebrate 2, arms 3, head 2, fingers 2, tenants, voices.

3. Предметы быта (еда / посуда для чаепития) (26): (jack)knives 2, table (cloth) 4, coffee/tea cup 3, coffee spoons, plate 2, platter, toast, tea 7, porcelain, glass (of brandy), cakes, ices, the marmalade.

4. Предметы быта (принадлежности обитателей ДОМА; постельное белье) (24): bed 5, blanket, pillow 3, razor, towel, chair, shawl 2, pin, bowl, glass, pen, shoes, mirrors, views of the Oxford Colleges, knitting, daguerreotypes, silhouettes;

5. Отрицательная оценка (24): vertebrate in brown 2, withered (root of knots of hair), butt-ends of my days and ways 2, cracked cornets, dull tom-tom, capricious, monotone, false note, insistent, out-of-tune (violin), broken violin, street piano mechanical and tired, worn-out common song, an atmosphere of Juliet's tomb, sunless dry geraniums, decayed (house), draughty (house), rented (house), soiled hands, dingy shades, (a thousand) sordid images.

6. Звуки в пространстве ДОМА (15): attenuated tones (of violins), remote (cornets), windings (of the violins), ariettes, dull tom-tom, hammering a prelude, capricious monotone, false note, insistent out-of-tune, (street piano) mechanical and tired, worn-out common song, music.

7. Ущербность, дефект (13): butt-ends of my days and ways 2, broken violin, withered (root of knots of hair), twist 2, cracked (cornets), sunless dry (geraniums), decayed (house), draughty (house), soiled hands, smoky candle end of time.

8. Свет (10): dark, darkened, lamp, magic lantern, candles 2, lamplight, (four rings of) light 3.

9. Музыкальные инструменты (7): violins 3, cornets 2, tom-tom, street piano.

10. Цветы (5): geranium 2, hyacinths, lilacs 2.

11. Запахи в пространстве ДОМА (4): female/feline smell, smell of hyacinths, cigarettes.

Когнитивная интерпретация – выявление когнитивных признаков, участвующих в формировании рассматриваемого концепта как ментальной единицы. Она представляет из себя обобщение семантических признаков, вы-

явленных при анализе языковых единиц номинативного поля, и формулирование тех когнитивных (ментальных) признаков концепта, которые репрезентируются сходными по семантике языковыми средствами [5, с. 17]. Когнитивные признаки позволяют представить содержание исследуемого художественного концепта ДОМ следующим образом:

– *чуждость, враждебность пространства ДОМА лирическому герою* (у лирического героя нет своего жилища; все описываемые автором дома являются чужими населяющим/посещающим его людям);

– *обезличенность обитателей* (за исключением лирического героя в «Пруфроке» и образа дамы в «Портрете дамы» в стихотворениях нет ни одной индивидуальности);

– *однообразие, рутинность, цикличность существования* (посуда / пища для чаепития – ритуала чаепития, повторяется изо дня в день, утрачивая свой традиционный смысл);

– *заполненность пространства ДОМА предметами быта* (главную позицию в элиотовском ДОМЕ занимают не люди, а вещи);

– *отрицательная оценочность*;

– *звуки музыки в пространстве ДОМА*;

– *ущербность, дефект, неспособность к творчеству* (сломанные вещи, расстроенные музыкальные инструменты);

– *особенность освещения* (лирический герой всегда находится в темноте, вне освещенного пространства);

– *музыкальные инструменты* (надтреснутые, сломанные, расстроенные);

– *отсутствие красоты/уютности* (увядшие, засохшие цветы);

– *неприятные запахи*.

Моделирование концепта

Первым этапом является описание макроструктуры концепта. Все выявленные когнитивные признаки распределяются по основным структурным компонентам концепта – образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю.

Образное содержание концепта

Образное содержание концепта включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей о пространстве (кодирующий образ УПК, по Н. И. Жинкину и И. Н. Горелову), а также когнитивный образ, отражающий смысловые связи (метафорические, метонимические) содержания концепта с другими концептами [5, с. 26].

Перцептивный образ концепта ДОМ может быть представлен следующим образом (указывается яркость соответствующих чувственных признаков в структуре концепта; яркость этих признаков не может быть велика; поскольку чувственный образ в сознании носителя языка индивидуален, можно лишь сопоставить образную «нагруженность» разных органов чувств в формировании перцептивного образа данного концепта):

Зрительный образ (156) – 74,28 %: (the concert/a thousand furnished/farther) room 9, bed 5, hands 5, table (cloth) 4, pillow (slip) 3, corridor 3, (Knots of/curled the papers from your) hair 3, floor 3, (jack)knives 2, bath 2, feet 2, eyes 2, face (faces) 2, tea cups 2, dark (room) 2, yellow soles (of feet), palms of both soiled (hands), withered (root of knots of hair), O cropped out with teeth,

thighs, skirts (that trail along the floor), razor, hall, towel, chair, blanket, coffee cup, coffee spoons, drawing-room, window(-sill/panes) 5, kitchen, (handle of the) door 4, chimney, soot, terrace, brown (light brown hair/mocha brown) 3, plate 2, platter, toast, tea 7, porcelain, magic lantern, (four wax/shifting the) candles 2, stair 2, lamp, lamplight, arms 3, shawl 2, head 2, pin, wall 2, (arms) braceleted/(arms) white and bare, (long) fingers 2, lilacs 2, bowl (of lilacs), glass (mirror), pen, dingy shades, thousand sordid images, ceiling 2, light (crept up between the shutters/in the light of the door) 3, (four rings of light), an atmosphere of Juliet's tomb, shutters (shuttered rooms) 2, (dead/sunless dry) geranium, hyacinths, garden, shoes, house 5, decayed (house), draughty (house), tenants (of the house), mirrors, corner, glass (of brandy), views of the Oxford Colleges, knitting, daguerreotypes and silhouettes, mantelpiece, cakes, ices, the cups, the marmalade.

Звуковой образ (21) – 10 %: attenuated tones of violins 3, remote/cracked cornets 2, the silent vertebrate/the silent man 2, windings (of the violins), ariettes, dull tom-tom, hammering a prelude, capricious monotone, false note, insistent out-of-tune (violin), street piano mechanical and tired, worn-out common song, voices (dying with a dying fall), music.

Обонятельный образ (4) – 1,9 %: female smells (feline/ of hyacinths) 3, cigarettes.

Некоторые признаки могут одновременно рассматриваться и как когнитивные образы в силу того, что соответствующие номинации имеют в языке и переносное значение.

Перцептивный образ составляет (181) 86,19 % от общего количества когнитивных признаков.

Когнитивный образ представляет собой уподобление качествам людей, проживающих в доме, т.е. некоторые признаки людей и предметов, находящихся в пространстве дома, переносятся на само пространство. В качестве когнитивных образов интерпретируются метафорические и метонимические характеристики денотата концепта:

– психические качества (3) 1,43 %: cunning passages, contrived corridors, sleepy corner;

– физические качества (7) 3,33 %: (in the light of the door) / Which opens on her like a grin, in a wilderness of mirrors, sunless, dry (geraniums), dead geranium, (street piano) mechanical and tired; And when all the world came back / And the light crept up between the shutters;

– вызываемые чувства (5) 2,38 %: the atmosphere of Juliet's tomb, like a patient etherized upon a table, butt-ends of my days and ways 2, smoky candle end of time.

Когнитивные образы составляют 7,14 % от всех КП. Образный компонент в целом объединяет 93,33 % КП.

Информационное содержание концепта

Информационное содержание концепта образуется когнитивными признаками, характеризующими сущность и дифференциальные составные элементы исследуемого концепта.

Информационное содержание концепта образуется следующими КП: составляющие «большого» ДОМА (3) 1,42 %: garden, terrace, pools; части «малого» ДОМА (28) 13,33 %: house 5, window 5, wall 2, door 4, room 9, ceiling 2, mantelpiece.

Информационное содержание концепта составляет 14,75% содержания концепта.

Интерпретационное поле концепта

Интерпретационное поле концепта объемно и включает многочисленные КП, характеризующие отношение автора и (или) лирического героя к пространству (дому), а также различные энциклопедические и выводные знания о его признаках и функционировании, полученные из опыта.

В интерпретационное поле концепта ПРОСТРАНСТВО входят следующие КП:

– *оценочная зона* – отрицательная оценка (23) 10,95 %: vertebrate in brown 2, withered (root of knots of hair), butt-ends of my days and ways 2, cracked cornets, dull tom-tom, capricious, monotone, false note, insistent, out-of-tune (violin), broken violin, street piano mechanical and tired, worn-out common song, an atmosphere of Juliet's tomb, sunless dry geraniums, decayed (house), draughty (house), rented (house); грязный (4) 1,9 %: yellow soles (of feet), soiled hands, dingy shades, (a thousand) sordid images;

– *мифологическая зона* – мифологическая характеристика (3) 1,43 %: thousand sordid images, thousand furnished rooms, measured out my life with coffee spoons, Nausicaa and Polypheme, (могучий, великий, свободный);

– *социально-культурная зона* – здания общественного назначения (18) 8,57 %: публичный дом, отели, ночлежки, концертная комната (it does the house no sort of good, rented house 5, a thousand furnished rooms, concert room 9, the ladies of the corridor 3, one-night cheap hotels); обитатели/посетители ДОМА обезличены (29) 13,8 %: hands 5, feet 2, hair 3, face(s) 2, eyes 2, teeth, thighs, skirts, palms, soles (of feet), vertebrate 2, arms 3, head 2, fingers 2, voices.

Интерпретационное поле составляет 36,66 % его содержания.

Вторым этапом моделирования концепта является описание его категориальной структуры, т.е. выявление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков.

Анализ КП показывает, что они организованы и обобщаются следующими классифицирующими признаками:

- 1) *чуждость, враждебность пространства ДОМА лирическому герою* (45);
- 2) *обезличенность обитателей* (31);
- 3) *однообразие, рутинность, цикличность существования* (26);
- 4) *заполненность пространства ДОМА предметами быта* (24);
- 5) *отрицательная оценочность* (24);
- 6) *музыкальные звуки в пространстве ДОМА* (15);
- 7) *ущербность, дефект, неспособность к творчеству* (13);
- 8) *особенность освещения* (10);
- 9) *музыкальные инструменты (надтреснутые, сломанные, расстроенные)* (7);
- 10) *отсутствие красоты/уютности (увядшие, засохшие цветы)* (5);
- 11) *неприятные запахи* (4).

Третьим этапом моделирования концепта является описание полевой организации выявленных когнитивных признаков – выявление признаков, со-

ставляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта, и представление содержания концепта в виде полевой структуры.

Полевая организация концепта отражает иерархию отдельных КП в структуре концепта, которая отражается в вычленении в структуре концепта ядра и различных зон периферии.

Членение содержания концепта на ядро и периферию осуществляется по критерию яркости КП. Яркость КП определяется количеством лексем, объективировавших этот признак.

В ядро концепта по признаку яркости могут войти как образные, эмоциональные, так и рациональные компоненты концепта, как компоненты его информационного содержания, так и компоненты интерпретационного поля концепта. По соотношению ядерности–периферийности тех или иных структурных элементов концепта (образа, информационного содержания, интерпретационного поля) концепты будут существенно различаться – в одних ядерными компонентами могут стать образы – перцептивный или когнитивный, в других – информационное содержание, в третьих – интерпретационные компоненты (например, оценка).

Полевое описание структуры концепта является результатом его моделирования. Оно может иметь словесную (описание в форме текста) либо графическую (изображение в виде рисунка) форму. В данном случае мы используем словесную форму представления результатов полевого описания структуры концепта.

Ядро:

– *чуждость, враждебность пространства ДОМА лирическому герою* (45);

– *обезличенность обитателей* (31);

– *однообразие, рутинность, цикличность существования* (26);

– *заполненность пространства ДОМА предметами быта* (24);

– *отрицательная оценочность* (24).

Ближняя периферия:

– *музыкальные звуки в пространстве ДОМА* (15);

– *ущербность, дефект, неспособность к творчеству* (13);

– *особенность освещения* (10).

Дальняя периферия:

– *музыкальные инструменты (надтреснутые, сломанные, расстроенные)* (7);

– *отсутствие красоты/уютта (увядшие, засохшие цветы)* (5);

– *неприятные запахи* (4).

В целом в концепте ПРОСТРАНСТВО в сознании автора ведущую роль играет зрительный образ – 74,28 %, и самую большую долю в содержании концепта составляет образный компонент – 93,33 %. В концепте преобладает отрицательная оценка – 10,95 % от всех КП; положительная оценка в структуре рассматриваемого концепта не встречается. Пространство дома заполняется в основном не людьми, а различными принадлежащими им предметами, что свидетельствует об их главенствующей позиции в функционировании дома. В характеристиках предметов интерьера наиболее частотной является отрицательная оценочная семема, появляющаяся также в прилагательных со значением цветообозначения.

Обитатели дома представлены метонимически – упоминаются лишь части тела – глаза, руки, ноги и т.д. Очевидно, что для автора эти люди не являются полноценными личностями, у них нет лиц: «Элиот не создает ни одного законченного портрета, фиксируя внимание на отдельных частях человеческого тела... что усиливает впечатление обезличенности людской массы» [7, с. 92].

Список литературы

1. **Беспалова, О. Е.** Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Беспалова О. Е. – СПб., 2002.
2. **Николова, А.** Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание / А. Николова. – Шумен, 2000. – URL: <http://www.balkan.russistics.ru>
3. **Попова, З. Д.** Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 252 с.
4. **Тарасова, И. А.** Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / И. А. Тарасова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 282 с.
5. **Тавдгиридзе, Л. А.** Русский язык. Антология концептов / Л. А. Тавдгиридзе, И. А. Стернин ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2006. – Т. 3. – 381 с.
6. **Кубрякова, Е. С.** Язык пространства и пространство языка / Е. С. Кубрякова // СЛЯ. – 1997. – Т. 56, № 3. – С. 22–31.
7. **Йонкис, Г. Э.** Английская поэзия XX века / Г. Э. Йонкис. – М. : Высшая школа, 1980. – 200 с.

Бутенко Анна Анатольевна
старший преподаватель, кафедра
английской филологии, Институт
филологии и журналистики,
Саратовский государственный
университет

E-mail: butenkoaan@yandex.ru

Butenko Anna Anatolyevna
Senior lecturer, sub-department
of English philology, Institute of philology
and journalism, Saratov State University

УДК 81'1

Бутенко, А. А.

Индивидуально-авторский концепт «пространство» в поэзии Т. С. Элиота 1910–1920 гг. / А. А. Бутенко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 106–113.

ЗООМЕТАФОРА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Исследуются семантические расхождения и совпадения в зоометафорах русского и английского языков в статической картине мира, что позволяет установить их коннотативную направленность и особенности выражения знаний о мире посредством языковых моделей.

Ключевые слова: зоометафора, метафорическая номинация, статическая и динамическая языковые картины мира, тематическая группа, межъязыковые эквиваленты, эндемичные зоометафоры.

Abstract. The article analyzes semantic differences and coincidences in zoometaphors of the Russian and English languages in the static view of the world, allowing to find out their connotative meaning and peculiarities of expression of knowledge of the world by means of language models.

Key words: zoometaphor, metaphor nomination, static and dynamic linguistic views of the world, subject group, interlinguistic equivalents, endemic zoometaphors.

Введение

Одной из самых известных моделей метафорической номинации является зооморфная метафора, когнитивным источником которой служит образ животного, перенесенный на человека. Такие метафоры хорошо отображают этнос того или иного народа, что, безусловно, обуславливает интерес к их изучению в сопоставительном анализе.

Метафора является сложным феноменом, заключающим в себе образный и когнитивный инструментальный потенциал для выражения знаний о мире при помощи языковых моделей. Сущность метафоры заключена в механизме ассоциативного отождествления, дающего возможность соотносить посредством номинативного акта явления разных предметных областей. «Образование ассоциации – это, по существу, процесс, в котором одно явление приобретает значение сигнала другого явления» [1, с. 136].

В филологии последних десятилетий уделяется большое внимание изучению образных вербальных средств характеристики человека, к которым относятся и зоометафоры.

Очевидно, существуют особенности национального осмысления внеязыковой реальности. Сравнения и переносы, осуществляемые между наименованиями животных и оценкой человека, занимают важное место в аксиологической антропологии, способствуя повышению образности речи и ее экспрессивности.

Зооимя (зооним, зоономинация) определяется как имя животного, употребленное в определенном метафорическом значении для характеристики человека.

Человек воспринимает многих животных сквозь призму зоометафор, приписывает им модели отношений между людьми, познает свой мир в сравнении с миром животных. Люди – разумная часть живых существ, а ассоциативные связи человека и животных – часть языковой картины мира.

Зоометафора играет важную роль в развитии языковой картины мира. Лексикографические данные показывают сформировавшуюся языковую картину, которая может отражать ментальные элементы, относящиеся как к ранним периодам развития языка, так и к его последним столетиям и даже десятилетиям.

1. Особенности национального осмысления внеязыковой реальности

В реальной действительности общие природные черты, повадки и типы поведения диких животных предопределены генетически, поэтому более-менее объективно и универсально научное описание животных, но формы их отражения в бытовом сознании людей национальны и субъективны. То, что является привлекательной чертой животного для одного носителя языка, может быть неприятным и даже отвратительным свойством для другого. Например, англ. *cobra* (кобра) – симпатичная женщина; рус. *кобра* – злобная, вредная женщина. Разница в восприятии животного и характере переноса его наименования показывает особенности национального осмысления внеязыковой реальности. Английская метафора *cobra*, отражающая, вероятно, грациозность движений змеи, ее цветовую гармонию, носителю русского языка, отмечающему в змее опасные для себя повадки, представляется не вполне мотивированной и логичной. Слово *гусь* в русском языке связывается с важным или жуликоватым человеком, а в английском *goose* (гусь) ассоциируется с богатством, глупостью и т.п. Наблюдается в сравниваемых языках и развитие совпадающих или близких метафорических значений. Например, англ. *bee* (пчела) – трудолюбивый, работающий человек, что соответствует русской метафоре.

Поскольку многие животные обладают чертами, о которых человек может только мечтать, то названия таких животных используются для характеристики людей, наделенных нетривиальными свойствами. Например, зоометафоры на основе сходства людей с животными по большой физической силе: англ. *horse* (лошадь) – сильный человек, *lion* (лев) – человек, напоминающий льва по смелости, свирепости и силе, *tiger* (тигр) – сильный спортсмен, серьезный, опасный противник; рус. *бык* – большой, сильный человек, *тигр* – сильный, храбрый, властный человек. Признаки, обычные для определенных животных и необычные для людей, являются основанием для переноса наименований с мира зверей на мир людей.

Зоометафора, безусловно, тонко выражает дополнительные оттенки свойств человека, обогащая их в понятийно-экспрессивном плане, обеспеченном ассоциативной связью с соответствующим животным.

Образы многих животных становятся в картине мира символами красоты или безобразия, ума или глупости и т.д.

2. Зоометафора, связанная с внешними проявлениями человека

Зооимена, характеризующие человека как красивого, могут совпадать или не совпадать по семантике и по их наличию в сравниваемых языках.

Красивую девушку в русском языке называют, используя зоометафору *лебедь* (*лебедушка*) – грациозная, стройная. В английском языке данная зоометафора также обозначает симпатичную девушку.

Англ. *butterfly* (бабочка) – физически привлекательная, красивая, легкомысленная и непостоянная женщина – не совсем совпадает по значению с

русской метафорой, в значении которой отсутствует сема красоты, а остается лишь ветреность, легкомыслие или пестрота в одежде. Красивый человек в русском языке не может быть назван *лисой* (хитрый, умный, льстивый человек), а в английском языке зоометафору *fox* используют, обращаясь к симпатичной девушке или молодому человеку.

В русском языке метафора *пава* связана с женщиной, имеющей красивую статью и величавую походку. В английском языке *peahen* (пава) не используется в качестве зоометафоры. Видимо, для англичан не так важны отраженные в русской метафоре свойства. А в русском языке нет соответствия английской метафоре *canary* (канарейка), обозначающей соблазнительную девушку. И даже если когда-нибудь такая метафора появится, то она скорее всего будет иметь иную семантику, использующую либо яркость оперенья птички (*одет, как канарейка*), либо ее способность издавать определенные звуки (*канарейка с голоса чужого*).

Зооимена, характеризующие человека как некрасивого, тоже могут совпадать или не совпадать по семантике и по их наличию в сравниваемых языках.

В качестве совпадения в обоих языках можно выделить зоометафору *корова* – толстая, неуклюжая женщина в русском языке и *sow* (корова) – толстая женщина в английском языке.

Английская метафора *crow* (ворона) – некрасивая женщина, физически непривлекательная девушка. В русском языке она используется со значением «рассеянный, невнимательный человек». Если в русском языке получит дальнейшее развитие сопоставление человека с вороной, то могут сформироваться другие метафоры, использующие яркие свойства птицы. Ее оперенье отличается черным цветом, что делает частотным сравнение (*одета во все черное, как ворона*), являющееся, как известно, первой ступенью формирования метафоры. Переносу может способствовать свойство птицы появляться в скорбных местах и издавать характерные звуки: *Лебедев. Знаешь что, брат... Бери свою шапку и езжай домой... Тут свадьба, все веселятся, а ты кра... кра... как ворона* (А. П. Чехов «Иванов»). Переносное значение слова *обезьяна* в русском языке характеризует очень некрасивого, уродливого человека; английское слово *monkey* (обезьяна) не употребляется для оценки внешности человека, его используют, говоря о глупом, несносном человеке.

Английское слово *bat* (летучая мышь) может быть использовано для характеристики непривлекательной молодой женщины. В русском языке зоономинация *летучая мышь* не имеет метафорического соответствия. В то же время в английском языке нет имеющей место в русской разговорной речи зоометафоры *амеба*, которая выступает в двух значениях. В одном из них внешние черты животного, не имеющего постоянной формы, при переносе переосмыслены во внутренние свойства человека. Амебой называют безвольного, бесхарактерного человека [2, с. 153]. В другом метафорическом значении непостоянство контуров тела амебы переносится на внешность человека, фигура которого отличается расплывчатостью и бесформенностью. Это значение пока не закодировано ни в одном из имеющихся словарей, но оно употребляется в разговорной речи, и у него есть все основания войти в словарь, предпосылкой чего является особое внимание человека к данной области знаний о себе.

3. Зоометафора, связанная с внутренними свойствами человека

К числу совпадающих по значению относятся следующие метафоры. Англ. *fox* (лиса) и рус. *лиса*, в обоих языках называющие хитрого, тонкого ума человека. Англ. *ass* (осел) – дурак, болван, глупец и русск. *осел* – глупый человек. Англ. *calf* (теленочек) – дурень, придурковатый парень и рус. *теленочек* – неопытный, наивный; слишком простодушный, глуповатый человек.

К не совпадающим по значению относятся следующие метафоры. Англ. *eagle* (орел) характеризует специалиста в каком-либо деле, знатока. В русском языке эта зоометафора имеет более широкую семантику. Орлом чаще называют гордого, смелого, сильного человека, реже – выдающегося, превосходящего в чем-то других человека. В русском языке зафиксировано лишь одно метафорическое значение слова в последних изданиях толковых словарей. Так, в многочисленных изданиях словаря С. И. Ожегова слово дается как однозначное. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой закодировано одно переносное значение слова: «Человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, чем утром» [3, с. 730]. При этом заметно и осмысление слова *сова* как символа человеческой мудрости, но в словарях эти изменения в объеме употребления слова пока не зафиксированы. В английском языке в словарях отражены все переносные значения слова. *Owl* (сова) – это полуночник; угрюмый человек; глупец, олух, чванливый дурак; пытающийся выглядеть умным. Англ. *goat* (коза, козел) – дурак, простофиля. В русском языке метафорические значения связаны с гендерной оппозицией слов: *коза* – резвая, бойкая, подвижная девушка, девочка; женщина, неприятная во всех отношениях; *козел* – человек, вызывающий раздражение своей упорствующей глупостью; грубое ругательство по отношению к мужчине; подлый, противный, с дурным поведением человек. *Козел* в русском менталитете, видимо, имеет более неприятные черты, чем в английском сознании, которое в процессе метафорического переноса эксплуатирует всем понятную черту большинства животных – их непослушание. Русская зоометафора *курица*, обозначающая недалекую, глупую женщину, в английском языке употребляется в значении, не соответствующем нашему переносу: болтушка, квочка; женщина, жена. Здесь тоже проявляется большая грубость в значении русской зоометафоры в сравнении с английским аналогом.

Русским зоометафорам *зубр* – опытный, ценный специалист, и *дятел* – человек, часто повторяющий одно и то же, нет соответствия в английском языке.

Очевидно, что в английском и русском языках зоометафорические фрагменты картин мира совпадают не полностью, что доказывает специфичность национальных статических и динамических языковых картин мира [4, с. 129].

Разница в интерпретации наименований животных особенно очевидна при рассмотрении тематической группы зоометафор, оцеляющих человека как жадного. К ней можно отнести 6 зоохарактеристик английского языка и 10 – русского. Англ. *caterpillar* (гусеница), *cormorant* (большой баклан) имеют значение «скряга, скупой, обжора». Англ. *glutton* (росомаха) – обжора; *locust* (саранча) – прожорливый; *pig* (поросенок) – эгоистичный; *wolf* (волк) – обжора. В русском языке: *акула* – ненасытный; *гиена*, *жаба*, *жук* – скупой, прижимистый; *крыса*, *паук* – ненасытный; *пиявка*, *саранча* – прожорливый; *стервятник*, *удава* – прожорливый. Внутри данной тематической группы сов-

падают по образному смыслу только два слова: англ. *locust* и рус. *саранча* – человек алчный, прожорливый.

В качестве примера тематической группы социальных зооимен показательна парадигма слов, характеризующих человека **по профессиональной принадлежности или роду занятий**.

Совпадают англ. *rat* и рус. *крыса* – шпион, доносчик. Иногда метафоры сравниваемых языков не совпадают по употреблению форм. В русском языке чаще употребляется форма множественного числа *легалы* – сыщики, представители правоохранительных органов. Может употребляться и форма *легалый* с тем же значением. В английском языке *setter* (легалая) – шпик, доносчик.

Англ. *swallow* (ласточка) – шпионка – абсолютно не совпадает со значением русской зоометафоры *ласточка* – ласкательное обращение к женщине, девочке, ребенку. В русском языке отсутствует аналог английской метафоры *lobster* (омар) – солдат британской армии, «красномундирник». Метафорические значения русского слова *щука* – опытный оперработник; крупный преступник, махинатор – не имеют соответствий в английском языке.

Различные толковые словари частично показывают динамизм картины мира, когда один из них не фиксирует определенного значения, а другой уже дает его. Но даже многообразие словарной кодификации отстает от естественного языка, которым пользуются все говорящие на нем, демонстрируя особый динамизм в развитии метафорических значений зооминаций. Например, англ. *bat* (летучая мышь) в словарях имеет значение *некрасивый человек*, тогда как носители языка чаще используют слово в сочетании с прилагательным *old bat* для обозначения *чудака*. (Ассоциативные разряды зооимен в лексикографических источниках и по данным информантам не совпадают приблизительно в 15 % случаев).

В отобранных 179 названиях животных английского языка 140 лексических единиц имеют метафорическое значение, используемое в качестве характеристики человека. В русском языке рассмотрено 201 наименование животных, из них 169 слов способны давать антропоцентрическую характеристику.

Динамизм в развитии метафорических значений зооимен в большой мере обусловлен индивидуально-авторским употреблением слов с названиями животных. Значение, которое читатель находит у мастера слова, становится особенно убедительным, так как оно мотивировано всем текстом произведения. Обычно это имена, характеризующие человека по каким-либо нравственным качествам. Например, в рассказе А. П. Чехова «Петров день» номинация *акула* употребляется для обращения к человеку просто как бранное слово, основанное на безобразии животного и его повадках хищника: «*Михей Егорыч ехидно улыбнулся. – А что, акула? – сказал он. – Чья взяла? Слышал? Нашлось место! Назло поеду! Поеду и буду мешать! Честное слово, буду мешать! Ни черта не убьешь! А вы, доктор, не езжайте. Пусть лопнет от ревности*». Авторское употребление не имеет никакого отношения к закодированной словарем метафоре, характеризующей человека, который наживается на ограблении других. Пасть акулы часто употребляется для сравнения с излишне открытым ртом человека, например: «*Дыбкин раскрывает рот, как акула, и стонет*» (А. П. Чехов «Ах, зубы!»). Сравнение не стало метафорой, как не стало метафорой и другое сравнение, использующее хватательный инстинкт животного: «*Я верил, ел этот суп по десяти раз в день, ел, как акула,*

до отращения и обморока» (А. П. Чехов «На пути»). В сравнениях акуле приписывается и жадность: «Будучи жадным, как акула, он расширил щиты *ad taxitum*, до того, что загородил двери магазинов» (А. П. Чехов «Осколки московской жизни»). Все эти сравнения дают основания для авторской метафоры, использующей все свойства животного: безобразную несоразмерность его тела, ярко выраженный хищнический инстинкт, огромную пасть, способность много проглотить, жадность к еде и т.п.

О механизме формирования окончательно закрепленных в языке метафорических значений пишет О. И. Глазунова: «В случае существования в сознании носителей языка нескольких коннотативных образов для выражения одного и того же признака при окончательном выборе учитываются многие факторы: <...> отрицательный или положительный статус образа, частотность его употребления, его потенциальное восприятие адресатом речи» [5, с. 84]. В связи с замечанием ученого следует обратить внимание на то, что метафоризация зоономинаций – это процесс, актуальный и не прекращающийся в обоих языках.

Заключение

Итак, сопоставительный анализ зоометафор двух языков позволяет сделать следующие выводы:

1. **Межъязыковые эквиваленты** обусловлены частичным совпадением картин мира двух языков, наличием общих закономерностей мышления и механизмов образного восприятия действительности их носителями (примерно 10 %).

2. **Зооимена с несовпадающими значениями** обусловлены тем, что животные, номинации которых используются для создания метафорического значения, имеют целый ряд свойств, из которых носитель того или иного языка при осуществлении переноса выбирает актуальные для себя (примерно 80 %).

3. **Эндемичные зоометафоры** (специфические, присутствующие только в одном из языков) составляют примерно 10 % всех анализируемых лексических единиц. Отсутствие определенных зоометафор в том или ином языке свидетельствует о том, что отдельные животные либо не вызывают особого интереса у носителя этого языка, либо плохо ему знакомы.

Список литературы

1. **Рубинштейн, С. Л.** Избранные философско-психологические труды (Основы онтологии, логики и психологии) / С. Л. Рубинштейн. – М. : Наука, 1997.
2. Словарь современного русского и литературного языка : в 20 т. – М. : Русский язык, 1991. – Т. 1.
3. Толковый словарь русского языка. – М. : АЗЪ, 1994.
4. **Чесноков, П. В.** Спорные проблемы курса «Общее языкознание» : учеб. пособие / П. В. Чесноков. – Таганрог, 2008.
5. **Глазунова, О. И.** Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб., 2000.

Мушникова Елена Николаевна
аспирант, Таганрогский государственный
педагогический институт

Mushnikova Elena Nikolaevna
Postgraduate student,
Taganrog State Pedagogical University

E-mail: helenmush@list.ru

УДК 81-26

Мушникова, Е. Н.

Зоометафора в языковой картине мира русского и английского языков / Е. Н. Мушникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 114–120.

КОНЦЕПТ «ТОРГОВЛЯ» В РУССКИХ АРГО

Аннотация. В статье анализируется концепт «Торговля» в русских арго с целью демонстрации научной ценности арготических данных, своеобразия языковой картины мира арготирующих и возможности изучения социальных диалектов в сопоставлении с литературным языком и территориальными диалектами. Были выявлены примеры формального и лексико-семантического варьирования арготизмов в пределах данной лексико-семантической группы.

Ключевые слова: концепт, арго, формальные варианты, лексико-семантические варианты.

Abstract. The article analyzes a concept “The Trade” in the Russian argot to demonstrate the scientific value of the argot data, the peculiarity of the linguistic picture of the world and the possibilities to study social dialects in comparison with the literary language and territorial dialects. The author has elicited the examples of formal and lexico-semantic variation of the argotic expressions in the scope of this lexico-semantic group.

Key words: concept, formal variants, lexico-semantic variants.

Человек стремится познать реальную действительность, которая находит свое отражение в языке. Как отмечает Ю. С. Апресян, «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира» [1, с. 350].

Одним из способов реконструкции языковой картины мира является исследование концептов [1]. По мнению Н. К. Рябцевой, значения одного слова связаны между собой, и все вместе формируют единый концепт [2, с. 75]. «Значение – концепт, связанный знаком. В силу этого, помимо содержательной стороны, ему свойственны соотносительные собственно языковые характеристики, которые мы объединяем общим понятием языкового статуса значений» [3, с. 48].

С этой точки зрения интересным представляется материал русских арго, научная ценность которого обусловлена его вторичностью по отношению к общенародному языку. Арго (условные языки) – «особый тип социального диалекта, располагающего более или менее значительным набором слов, не понятных для непосвященных, и служащего целям секретного общения между членами обособленных социальных групп» [4, с. 5].

Материал для этой статьи взят из арготическо-русской картотеки, работа над которой ведется на кафедре русского языка Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского под руководством профессора В. Д. Бондалетова с 60-х гг. XX в. Картотека включает в себя более 70 вариантов арго.

Кроме ремесленников-отходников, профессиональных нищих, носителями русских арго являются торговцы-разносчики (офени, прасолы, «маяки», «крестовики»), базарные торговцы, лошадиные барышники и др. В силу социально-экономических причин это была самая крупная группа, распространенность и социальная значимость которой способствовали появлению и развитию условных языков торговцев.

Среди торговых арго особое место занимает офенский язык, зафиксированный у торговцев-ходебщиков, коробейников Ковровского, Вязниковского уездов и частично Шуйского уезда Владимирской губернии. Кроме офенского языка, были найдены арго торговцев г. Галича (галивонские алеманы, аламанский, ламанский язык), г. Нерехты (елтонский язык), г. Углича (масовский язык), г. Бежецка (масовский язык), г. Кашина (мазовский язык), г. Калязина (мазовский язык), г. Одоева (масовский язык), г. Торопца (масовский язык), язык мещан г. Дорогобужа (кубрацкий), язык калужских прасолов (кантюжный).

Основу этих условных языков составляет торговая лексика, отражающая универсальность процесса купли-продажи и встречающаяся как в литературном языке, так и в большинстве диалектов русских арго.

Рассмотрим, какими лексемами представлен концепт «торговля» в русских арго, изначально предназначенных для конспиративного общения. Из-за того, что торговлей и отхожими промыслами занимались мужчины, арготическая картина будет гендерно ориентированна.

В русских арго зафиксированы лексемы, обозначающие обобщенное наименование «деятельности по обороту, купле, продаже товаров» [5]: «торговля» – *проу́ля* пен, *ерго́вля* мещ, *ширго́вля* Гол, Д, ков, Пр, *ширто́вля* Гол, *ширго́вля* Д, Срез.

Процесс торговли двусторонний: одна сторона что-то продает, а другая покупает, поэтому у арготирующих есть лексемы со значениями:

«отдать кому-нибудь за плату», «продажа» – *пранды́ла* пог, *промаку́лка* арз., *проу́лка* вяз, Гол, Д, *проу́ля* кар, мещ;

«приобрести в собственность», «покупка» – *поу́лка* Гол, *пу́лка* Лям;
«приобрести в достаточном количестве», «закупить» – *подтро́йка* Дб7;
«расходовать деньги» – *са́рить* Гол.

Лексема *проу́ля* имеет лексико-семантические варианты (ЛСВ) «деятельность по обороту, купле, продаже товаров» и «отдать кому-нибудь за плату». Изменение значения произошло от обобщенного наименования к обозначению одностороннего процесса.

Лексема *поу́лка* также имеет ЛСВ 1 «продажа» и ЛСВ 2 «покупка».

В концепт «торговля» входят следующие лексико-тематические группы арготизмов.

I. Процесс «купи-продажи» описывается в арго, как и в общенациональном языке, с помощью глаголов со значением «купить» и «продать», отражающих позиции непосредственных участников ситуации: продавца и покупателя. Глаголы с указанными значениями выступают доминантами двух лексико-грамматических групп.

1) Акция приобретения в русских арго представлена следующими рядами междиалектных синонимов:

«купить» – *дря́бать* С, *тыюси́ть* сыт, *куні́ть* пен, *купэ́сить* тер, *купле́мить* тор, *купле́шить* Дб1, НЯ, *опу́лить* Дбб, *пульні́ть* стд, *пульну́ть* ел, *пу́лить* Бод, Г, Гол, Д, ел, ков, Лям, Олс5,7, пуч, С, Св, Срез, тер, Тхн, *коса́ть* жг, жг2, *ско́сать* жг, жг2, юр, *сласа́ть* скр, *спу́лить* арз, *стихну́ть* од, *стя́хнуть* НЯ, *упу́лить* люд, мещ, *чапи́ть* кар, С, *шива́рить* скр.

Дря́бать, *коса́ть*, *ско́сать*, *сласа́ть*, *чапи́ть* образует ЛСВ 2 «брать». Арготизм *ско́сать* имеет еще сему «взять» (ЛСВ 3). В ЛСВ 2 и ЛСВ 3 ис-

пользуются для описания ситуации, когда важна не стоимость, а возможность приобретения товара.

2) ЛСГ глаголов с базовым смыслом «продать» оказывается представленной гораздо более значительным количеством номинаций, чем ЛСГ глаголов с исходным значением «купить»:

«продать» – *проюхтѣть* скр, сыт, *спулитъ* Св, *закосать* тор, *заначить* арз, *отдякнѣть* жг, *откаять* Дш, *припулить* Тхн, *проби́рить* стд, *продобнить* тор, *продобшить* тер, *продякнѣть* Дб2,4, *прозантиить* од, *прокосать* вал, *прокурго́нить* орл, *промаку́лить* арз, *проначить* арз, *пропу́лить* Бод, вяз, Гол, Д, Дбб, кар, ков, Лям, Олс5, пуч, рыз, С, Св, Срез, стд, *проту́лить* шем, *проты́рить* С, *прою́ситъ* шир, *сту́рить* жг2;

«продавать» – *ерговать* меш, *запулять* Г, *кухторить* Мр, *начить* арз, *отпуливать* жг, *перепуливать* пен, *прандо́шивать* пог, *проданить* тор, *продекать* абл, *продековать* рыз, *продобнить* пуч, *продо́шивать* тер, *прозанивать* С, *прокаивать* жг, юр, *промаку́ливать* арз, *пропу́ливать* вяз, пен, шем, *пропу́лять* Г, *протаривать* об, *проты́ривать* С, *пулять* Пр, шем, *пу́лить* ков, Срез, *спу́ливать* юр, *упу́ливать* меш, *шиварить* скр, *шурговать* шем, *шурбо́жить* шем.

Ситуация, когда продавец пытается избавиться от ненужного товара, закреплена в арго за лексемами *сту́рить* жг2, *спу́лить* лдв, Св – «сбыть с рук».

Торговля может быть невыгодной, когда по неким причинам продавец вынужден снизить цену. В этом случае используются глаголы, имеющие значения:

«отдавать» – *отбирать* Б, *отбирять* Д, Тхн, *отби́ривать* Гол, *отва́ндавать* стд, *отде́кать* юр, *отде́кивать* Дб3,5, *отдо́нивать* тор, шем, *отдо́шивать* тер, *отдя́кать* Д, Дш, *отдя́кивать* вяз, *отка́ивать* жг, юр, *отна́ривать* шем, *отпуливать* жг;

«отдать» – *отби́рить* Бод, Г, Д, НЯ, С, Срез, *отдекнѣть* юр, *отдо́нить* Д, тор, *отдо́шать* Д, *отдо́шить* Бод, Д, тер, *отдю́чить* Дбб, *отдя́кать* Д, Дш, *отдякнѣть* абл, арз, жг, пуч, тер, *отза́нить* Д, Олс5, С, Срез, *отзофить* Сад, *отзо́нить* Св, *откайнѣть* жг, *отна́рить* пен, сыт, *отпу́лить* жг, жг1, Срез, *отъюхтѣть* скр, *покло́шить* пен.

Наряду с семами «отдать», «отдавать», зафиксированы в арго глаголы со значением «уступить» – *унужтѣть* пог, *усты́чить* Гол, Тхн. В русском языке глагол *уступить* используется для описания ситуации продажи товара со скидкой, т.е. ниже ранее установленной цены.

Товар может быть не нужен покупателю или быть ненадлежащего качества, и продавец его навязывает покупателю. В арго есть глаголы с семой «навязать» – *набазлать* Д, *набатлать* Д.

II. Для обозначения лиц, задействованных в процессе торговли, используются арготизмы со следующими значениями:

«человек, который покупает что-нибудь, покупатель» – *кунятель* пен, *опулѣнчик* Дб7, *опуля́тель* Дбб, *опуля́тник* Дбб, *пуле́ц* вяз, Гол, Д, Лям, Олс7, Пр, Срез, Тхн, *пуля́тель* Г, *пу́льщик* Лям, Олс5, Срез, *чапѣль* С, *юхча́ла* кар;

«человек, который что-нибудь продает, продавец» – *пропу́льщик* Лям, *пуле́ц* Бор, *пуля́н* Д, *пу́льщик* Срез;

«лицо, занимающееся частной торговлей» – *матла́к* стд, *ма́з* С, *татлак* Мг, *ширгáвец* Дб1, НЯ, *ширгóван* С1, *шоргóвант* С, *шоргóвец* С, *шургóвец* гор;

«владелец частного торгового предприятия, купец» – *бары́га* пен, *перепульщик* пен, *пуле́ц* вяз, Гол, Д, Лям, Олс7, Срез, Тхн, У2, Ч, *пуля́н* Д, *пульщик* Лям, Олс5, Срез, *ранатка* кар, *сары́ч* шем, *саристый мас* лт, *татлак* Мг, *ту́з* жг, пен, *фила́с* пен, *чапе́ц* С, *чуба́й* пен, *шива́рник* скр, *ярга́ш* Дб11.

Купцами в аргю могли называть не мелких продавцов и владельцев небольших лавок и магазинов, а богатых торговцев: об этом свидетельствуют арготизмы *сары́ч* шем, *саристый мас* лт, которые соотносятся с прилагательными *сары́жный* шем, *саристый* лт – «богатый».

В картотеке находим наименования с уточнением, что находится в продаже у торговца и где он реализует товар: «торговец вином» – *кандрусный* Д; «торговец косами» – *кочник* скр; «торговец мануфактурой» – *шива́рник* скр; «торговец-коробейник, разносчик» – *ширговец* вяз, Г, Д, Доб, С, тер, *офе́ня* вяз, Пр, Срез, *кощобошник* Д, *ша́нник* Д; «лавочник» – *дудорошник* Д, *дудори́чик* Гол, Д, *краша́длен* тор; «торговец на базаре» – *оша́рник* кар.

В условных языках представлены арготизмы, называющие лица женского пола: «покупательница» – *пульщица* Лям, *чапли́ца* С; «торговка» – *татлачи́ха* Мг, *ширговка* Д, тер, *шорговка* С; «купчиха» – *пуле́чиха* Д, *пульчи́ха* Г, Д, Лям, *пуля́нчиха* Д, *тузи́ха* пен, *фила́ска* пен, *чапчи́ха* С. Данных слов в аргю мало, так как торговлей занимались чаще всего мужчины.

III. В аргю существует обозначение определенных мест торговли:

«лавка, небольшой магазин» – *бары́га* шем, *дуда́рка* вяз, Дв, К, *дудорка* Ч, *дудора* Бод, Г, Д, Срез, Тхн, *дудора* Бод, *дудыра* К, *дудырга* К, *крашо* тор, *кула́вка* Дб1, НЯ, *лавча́са* Д1, *мурлы́чка* меш, *осло́н* стд, *рехма* Май, *ряха* С1, *сидма́льница* Дв, *сидо́шница* тер, *сима́лка* кир, *скри́пка* Д, кар, Св, *тормаиш* тор2, *шива́рня* скр, *шмуле́йка* К, *шурговка* шем, *ялто́шница* пен;

«базар» – *базаре́й* меш, *бары́га* шем, бату́с Пр, Срез, *биржа́к* жг2, *бирже́вик* жг1, *биржовое* жг1, жг2, *биржовый* жг, жг2, юр, *бирзовый* жг, *би́ржа* жг, *веселый* Дш, жг, жг2, *возгра́н* арз, *забримжо́мка* пог, *замза́р* пуч, *ко́стрик* тер, *нокта́р* пуч, *окса́р* Г, *окта́р* пуч, *оша́р* вяз, Гол, Д, *оша́ра* Д, кар, ков, *промаку́лка* арз, *проше́чий* лт, *терма́ж* С, *торжа́к* Д, *торше́нье* Тхн, *физа́р* абл, рыз, *хирма́ш* кир, *шуша́р* Д, *яма́н* тер, *ярило* пен.

IV. В лексике носителей аргю встречаем наименование атрибутов, без которых торговое дело невозможно:

«весы» – *бры́сы* Дш, Лям, Тхн, *вага* тор, *вагы́рь* Дбб, *вехта́льник* об, *железы́* Д1, *кенто́ль* Дв, *кетросники* пен, *кочи* Май, С, *кочни* Д4, *меряшельник* жг, *меряшки* жг, *меряшники* жг1, *ме́рки* жг, *миражски* Дш, *стукáлки* арз, *телесы* Д, Олс4, Срез, *то́рсы* кар, *ю́сы* сыт;

«гири» – *стока́ны* С1, *стакáны* С, *бры́селка* Д1, *меряши́к* жг2, *гиря́са* Д1, *гиря́ус* тор, тор1, *меря́шка* жг2, *меря́га* жг2.

V. Наблюдается распространение наименований денежных единиц и единиц измерений веса: «копейка» – *баты́га* Д, Дб1, *бекрю́д* Д, *дрофела* Д, *зу́тка* пог, *икань* Св, *ика́ня* Дв, Май, Олс1,2,4,5, С, Св, Срез, *кант* гор, *канту́ха* гор, *мару́ха* абл, вал, *икон* Срез, *мару́шница* вал, *намарушница* вал, *сема́шка* стд, *тро́фил* Срез, Тхн, *тро́филь* Д;

«двадцать копеек» – *двугри́венный* тор, *двумáрный* скр, *двухмарочный* тор, *екима́рный* С, *здюма́р* Д, *икима́рный* С;

«двадцать пять рублей» – *берсоншина* скр, *верту́шка* ел, *парняга* од, *полдевы* лт, *столбя́нка* арз, *уго́л* жг1, *четвертня́я* шем, *гарня́га* С, *полконы* Сн;

«рубль» – *ба́кр* Д, *ба́рс* Д, *беля́к* Д, *бирс* Май, Олс2,3,4, С, Св, Срез, *бирсовик* Св, *гу́ндырь* стд, *кало* од;

«пуд» – *баслит* Срез, *батминь* Олс5, *батмін* Д, Олс5, *берко́вец* стд, *бу́стря* пен, *вико́н* арз, *висли́к* кир, *вихтон* арз, *де́кан* тор, *ка́нтырь* стд, *ке́трус* пен, *цели́к* Св и т.д;

«полпуда» – *полбры́са* шем, *полкула* Срез, *полтягона* кар, *полфу́ра* тор, *поли́за* жг и т.д.

Для русских арго характерна гипертрофированная вариативность, и в пределах этой лексико-семантической группы можно вычлени́ть арготизмы, которые подверглись формальному варьированию, т.е. внешней модификации при сохранении семантического единства. В результате возникли фонетические, словообразовательные и морфологические варианты.

Среди фонетических вариантов выделяются фонематические (в области гласных: *стоканы́* – *стаканы́*, *екима́рный* – *икима́рный*; в области согласных: *вико́н* – *вихтон*) и акцентные (*про́пуля* – *пропу́ля*) разновидности.

Изменение родовой принадлежности арготизмов и типа склонения привело к морфологическому варьированию: *оша́р* – *оша́ра*, *ика́нь* – *ика́ня*.

Арготизмы, различающиеся аффиксами и сохраняющие грамматическое и лексическое значение, относим к словообразовательным вариантам: *би́рс* – *би́рсовик*, *мару́ха* – *мару́шница* – *намарушница*. Этот тип формального варьирования является распространенным в русских арго.

Зачастую возникновение фонетических отличий или изменение суффикса приводит к морфологическим модификациям арготизма. Это варианты смешанного типа: фонетико-морфологические (*тро́фил* – *тро́филь*, *батмін* – *батминь*), морфолого-словообразовательные (*меря́шик* – *меря́шка*, *гиря́ус* – *гиря́са*).

Кроме формальной вариантности, в лексике, которая входит в концепт «торговля», нашла свое отражение лексико-семантическая вариантность. Определяя понятие лексико-семантического варианта в связи с проблемой тождества слова, А. И. Смирницкий подчеркивал, что лингвистическая суть вопроса заключается в том, чтобы выяснить, «каковы возможные различия между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) одного и того же слова» [6, с. 6].

ЛСВ в русских арго, как и в литературном языке и территориальных диалектах, возникают с помощью переносов метафорического, метонимического, функционального и на основе синекдохи.

Несмотря на то, что «перенос названий по сходству функций предметов в наших арго применяется нечасто и касается исключительно арготических (не общенародных) слов» [7, с. 55], ЛСВ арготизмов, входящих в концепт «торговля», большей частью возникли на базе этой разновидности переноса.

В русских арго наблюдаем перенос названия одного предмета на другой вследствие общности их функций: *меря́хи* – ЛСВ 1. «часы» жг, ЛСВ 2. «измерительные приборы» жг2; *меря́шельник* – ЛСВ 1. «часы» жг, ЛСВ 2. «весы» жг, *пропу́льщик* – ЛСВ 1. «продавец» Лям, ЛСВ 2. «приказчик» кар.

Также встречаем перенос на основе сближения функции в следующих действиях: *обмира́шить* – ЛСВ 1. «обвесить» Дш, жг, жг2; ЛСВ 2. «обмерить» жг2; *опу́лить* – ЛСВ 1. «обмануть» Лям, ЛСВ 2. «купить» Дбб; ЛСВ 3. «обвесить» С; *отдя́кнуть* – ЛСВ 1. «отдать» абд, арз, жг, пуч, тер; ЛСВ 2. «заплатить» гор, ерм; ЛСВ 3. «продать» жг; *шива́рить* – ЛСВ 1. «купить» скр,

ЛСВ 2. «продавать» скр; *перепуливать* – ЛСВ 1. «продавать», ЛСВ 2. «менять» пен; *пулить* – ЛСВ 1. «купить» Г, Гол, Д, ков, Лям, Май, Олс5,7, С, Св, Срез, тер, Тхн, ЛСВ 2. «продавать» ков, Срез, ЛСВ 3. «давать» юр, ЛСВ 4. «весить» Май.

Менее регулярными в концепте «торговля» являются ЛСВ, возникшие на основе метонимического переноса и на базе синекдохи: 1) метонимический ренос: с названия помещения на содержимое: *веселый* – ЛСВ 1. «город», ЛСВ 2. «базар» Дш, жг, жг2, ЛСВ 3. «трактир» Дш; 2) перенос названия целого предмета на его часть или, наоборот, – с части на весь предмет: *брыс* – ЛСВ 1. «вес» Пр, ЛСВ 2. «пуд» Д, вяз, Гол, шем, ЛСВ 3. «фунт» Бод, Д, Срез; *брысовик* – ЛСВ 1. «фунтовик», ЛСВ 2. «гиря» Д1.

От семантических вариантов следует отличать арготизмы, которые при совпадении в звучании имеют по «диалектам» арго различные значения: *бекрэнъ*¹ – «алтын, три копейки» Сн, *бекрэнъ*² – «бок» вяз, Д, кар; *беляк*¹ – «рубль, целковый» Д, *беляк*² – «сахар» жг, *беляк*³ – «молоко» ерм, *беляк*⁴ – «снег» ерм, *беляк*⁵ – «стекольник» лдв и т.д. «Такие случаи сходны с межъязыковой и междиалектной омонимией, возникшей на базе генетически тождественных слов» [4, с. 11].

Подобные арготизмы-«омонимы» часто восходят к одному и тому же источнику, т.е. диахронически являются одним и тем же словом с разными значениями. Например: *бáрс*¹ – «рубль» Д и *бáрс*² – «фунт» Срез тюркского происхождения; *бирс*¹ – «рубль» Май, Олс2,3,4, С, Св, Срез и *бирс*² – «фунт» Пр, *бирс*³ – «целковый» Мс3 (из тюркск); *декуник*¹ – «десять копеек, гривенник» Дб10 и *декуник*² – «десятник» Дб3 (от греч); *еперить*¹ – 1. «брат» Д, Дб7, ерм, С, тер, 2. «красть» Дб1, и *еперить*² – «чистить» жг (от греч); *масовский*¹ – 1. «мой» абл, вяз, Д, ерм, пуч, Срез, std, тер, шем, 2. «наш» абл, Д, тер, 3. «знакомый, близкий» НЯ, 4. «товарищ, друг» шир, 5. «мужской» жг2 и *масовский*² – «одно из названий условного языка торговцев и ремесленников-отходников» абл, вяз, лдв, Мг (от греч. *мас* – я), *ямán*¹ – «плохой, худо, дрянь» Д1, Май, НЯ, од, С, Срез и *ямán*² – «язык» ков, *ямán*³ – «базар» тер (от тюркск).

От слов этого типа нужно отличать арготизмы-«омонимы», образовавшиеся в силу случайных фонетических совпадений, причины возникновения которых могут быть различными. Арготизмы могут относиться к разным языкам-источникам: из греческого и русского языков (*пула*¹ – «цена» Гол, Д, НЯ, Сад (из греческого; ср. *пулить* – купить) и *пула*² – «полушка» Олс3, Срез. (из русского)); из финно-угорских и тюркских языков (*рака*¹ – «деньги» Д, Олс2, Срез (из финского; ср. *рага* – «деньги» Олс4, 5) и *рака*² – «вино, водка, пиво» жг, жг1 (тюркского происхождения)).

В русских арго, как и в территориальных диалектах, имеется большое количество семантических обозначений одного и того же явления действительности в пределах микро- и макросистемы. Название одного и того же понятия, отмеченное в разных «диалектах» арго, относим к междиалектным синонимам (см. перечень лексико-тематических групп), появление которых связано с разным восприятием объектов реального мира.

Представленный материал позволяет сделать вывод, что в лексико-понятийной системе арго содержатся большей частью наименования, которые необходимы в повседневном общении. Об этом свидетельствует лексика, которая входит в концепт «Торговля». Лексемы, обозначающие процесс

«купли-продажи» встречаются не только в торговых аргю, но и в условных языках ремесленников. Это связано с тем, что торговля – явление социально значимое.

Лексический материал этого концепта позволил рассмотреть такое явление, как вариантность, и выделить основные типы вариантов: формальные (фонетические, морфологические, словообразовательные) и лексико-семантические. Среди формальных вариантов самой разнообразной и многочисленной является словообразовательная их разновидность.

Список литературы

1. **Апресян, Ю. Д.** Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. **Рябцева, Н. К.** «Вопрос»: прототипическое значение концепта / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 72–77.
3. **Никитин, М. Н.** Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) / М. Н. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983. – 127 с.
4. **Бондалетов, В. Д.** Типология и генезис русских аргю / В. Д. Бондалетов – Рязань : РГПИ, 1987. – 84 с.
5. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов – М. : Советская энциклопедия, 1973.
6. **Смирницкий, А. И.** К вопросу о слове (проблема тождества слова) / А. И. Смирницкий // Труды Института языкознания АН СССР. – 1954. – Т. 4.
7. **Бондалетов, В. Д.** Условные языки русских ремесленников и торговцев (словопроизводство) : учеб. пособие к спецкурсу / В. Д. Бондалетов. – Рязань, 1980.

Список принятых сокращений

абл. – условный язык аблязовских портных (с. Нижнее Аблязово Кузнецкого района Пензенской области): записи 1956–1967 гг.

арз. – условный язык арзамасских ремесленников: записи 1961 г.

Бод. – Бодров Н. Офенская речь. Рукопись 1853 г. Архив АН СССР (г. Ленинград). Ф. 216. О. 4. № 201.

вал. – аргю валовайских портных (Пензенская обл.): записи 1956–1978 гг.

вяз. – аргю вязниковских офеней Владимирской области: записи 1961 г. и последующих лет.

Г. – Гарелин Я. П. Суздала, офени, или ходебщики // Вестник Императорского географического общества за 1857 г. – СПб., 1857. – Кн. 2.

Гол. – Гольшев И. А. Офени, торгаши Владимирской губернии и их искусственный язык // Труды Владимирского губернского статистического комитета. – М., 1874. – Вып. 10.

Д, Д1, Д2 – Даль В. И. Офенско-русский словарь: рукопись // Рукописный отдел Публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд: Оленинская система; Шифр К.П. 731/141 и шифр К.П. 732/141. Д – слова офеней Владимирской и других губерний; Д1 – слова галичских торговцев; Д2 – слова буйских торговцев.

Дб1 – Добровольский В. Н. О дорогобужских мещанах и их шубрейском или кубрацком языке // Известия Отделения русского языка и словесности (в дальнейшем – ОРЯС). – М., 1897. – Т. 2.

Дб2–5 – Добровольский В.Н. Некоторые данные условного языка калужских рабочих // Известия ОРЯС. – М., 1899. – Кн. 4; Дб2 – Перемышльский уезд (запись от ямщика); Дб3 – запись от глинотопов; Дб4 – запись в г. Мещовске от портного; Дб5 – запись в Мосальском уезде от портного.

Дбб, 7, 9 – Добровольский В.Н. Некоторые данные условного языка дорогобужских мещан, калик переходных, портных и коновалов, странствующих по Смоленской земле // Смоленская старина. – Смоленск, 1916. – Ч. 2. Дбб – запись «кубрацкого» языка дорогобужских мещан; Дб7 – язык калик переходных (Жиздринский уезд); Дб9 – язык коновалов Тверской губернии.

Дш. – Даль В. И. Словарь языка шерстобитов (костромских и нижегородских): Рукопись // Рукописный отдел Публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд: Оленинская система; Шифр К.П. 731/141, К.П. 732/141.

ел. – арго с. Елизарово и других селений Орехово-Зуевского района Московской области: записи 1964 г.

жг – условный язык шерстобитов (жгонов) Костромской и Горьковской областей: записи 1957–1968 гг.

жг1 – условный язык шерстобитов (жгонов) Костромской и Горьковской областей. Бондалетов В. Д. Новые материалы по лексике жгонского языка // Лексика и лексикография : сб. науч. тр. – Вып. 10. – М. : Институт языкознания РАН, 1999.

жг2 – условный язык шерстобитов (жгонов) Костромской и Горьковской областей. Громов А. В. Жгонский язык. Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. – М. : Энциклопедия российских деревень, 2000.

кар. – офенский язык в Карсунском районе Ульяновской области: записи 1960–1962 гг.

ков. – арго ковровских офеней (Владимирская обл.): записи 1963 г. и последующих лет.

Лям. – Материалы для географии и статистики России: Калужская губерния. – СПб., 1864. – Ч. 2; «кантоужный» язык прасолов – запись Ляметри.

НЯ – Н.Я. – Материалы для словаря условного языка // Этнографическое обозрение. – 1897. – № 2.

од. – арго одоевских торговцев Тульской области: записи 1963 г.

Олс1–7 – Труды общества любителей российской словесности. – М., 1820. – Ч. 20; Олс1 – слова из Углича; Олс2 – из Нерехты; Олс3 – из Галича; Олс4 – из Кашина; Олс5 – из Бежецка; Олс6 – из Вязниковского уезда; Олс7 – слова офенского наречия.

пен. – язык пензенских шерстобитов (с. Чемодановка, Леонидовка и другие села Пензенского района Пензенской области): материалы 1953–1987 гг.

пог. – язык погарских портных Трубчевского района Брянской области: записи 1964 г.

Пр. – Преображенский М. Собрание нескольких слов офенского языка. 1854 г.: рукопись // Архив АН СССР (г. Ленинград). Ф. 216. О. 4. № 200.

пуч. – арго пучежских ремесленников Ивановской области: записи 1961–1965 гг.

С. – Смирнов И. Мелкие торговцы г. Кашина Тверской губернии и их условный язык // Известия ОРЯС. – СПб., 1902. – Т. 7. – Кн. 3.

Св. – Свешников Н. Слова торговцев г. Углича: рукопись // Исторический музей (г. Москва). Ф. 37. Ед. хр. 322.

скр. – условный «сузьянский» язык коновалов, торговцев и нищих в селах Скрыпино, Ратманово и др. Пильнеского района Горьковской области: записи 1963–1964 гг.

Срез. – Срезневский И. И. Русско-офенский словарь: рукопись // Архив АН СССР (г. Ленинград). Ф. 216. О. 4. № 211.

стд. – офенский язык в Стародубском районе Брянской области: записи 1962 г.

сыт. – словарики «сатовского» языка портных с. Сытинка Лунинского района Пензенской области: записи 1962–1977 гг.

тер. – арго тереньгульских ремесленников Ульяновской области: записи Дубровина В. С. и др. 1959–1963 гг.

тор. – Семевский М. И. Торопец – уездный город Псковской губернии. – СПб., 1864.

Тхн. – Тихонравов К. Офени Владимирской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. – СПб., 1854. – Ч. 9.

шем1 – арг Шемышейского района Пензенской области: записи 1961–1964 гг. Бондалетов В. Д. Словарь арг Шемышейского района Пензенской области // Лексика и лексикография : сб. науч. тр. – Вып. 12. – М. : Институт языкознания РАН, 2001.

юр. – арг Юрьевского района Ивановской области: записи 1961–1968 гг.

Алешина Ирина Александровна

ассистент, кафедра русского языка,
Пензенский государственный
педагогический университет
имени В. Г. Белинского

E-mail: irinaaleshina@mail.ru

Aleshina Irina Aleksandrovna

Assistant, sub-department of Russian
language, Penza State Pedagogical
University named after V. G. Belinsky

УДК 409.3

Алешина, И. А.

Концепт «торговля» в русских арг / И. А. Алешина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 121–129.

КОНТРОЛЬ И ОЦЕНКА ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются формы контроля и оценки знаний при изучении экономической теории. Автор обосновывает четыре уровня экономической подготовки студентов. В статье приводится сравнительная характеристика различных форм контроля знаний. Автор отмечает, что вопросы множественного выбора могут использоваться для оценки некоторых уровней экономической подготовки. Наибольшие возможности для оценки высоких уровней представляют вопросы со свободно конструированными ответами. В работе приведены примеры построения тестовых и эссе-заданий с учетом выделенных уровней.

Ключевые слова: уровни экономической подготовки, оценка знаний, вопросы множественного выбора, эссе-задания.

Abstract. The article considers knowledge assessment measures in the course of economics. The author describes four levels of economics understanding. The article introduces the advantages and disadvantages of different test formats. The author concludes that multiple-choice questions can be used to measure some but not all levels of economics understanding. The essay questions have a potential to assess the higher levels of economics understanding. The article also gives examples of multiple-choice and essay questions.

Key words: levels of economics understanding, assessment of learning, multiple-choice questions, essay testing.

Важными вопросами организации процесса обучения являются проведение текущего контроля знаний и проставление финальной оценки обучающимся. Остановимся на основных формах оценки знаний, которые могут успешно применяться при преподавании экономической теории.

В настоящее время наиболее известной является таксономия целей обучения Б. Блума, которая включает в себя шесть уровней усвоения учебного материала: знание, понимание, применение, анализ, синтез и оценивание [1]. Рассмотрим их применительно к изучению экономической теории. Первый уровень определяется наличием у студента знания экономических понятий, определений, законов, классификаций; вопросы данного уровня заключаются в выборе более точного определения предложенного экономического термина. Уровень понимания предполагает объяснение экономического закона, принципа либо определение различия между тесно связанными терминами. Уровень применения выражается в умении делать выводы по различным социально-экономическим ситуациям, строить причинно-следственные связи между экономическими процессами, просчитывать результаты возможных действий. Синтез подразумевает умение предлагать оригинальные решения экономических задач, возможно основываясь на собственном опыте. Оцени-

вание предполагает предложение собственных рекомендаций по какой-либо проблеме.

В 90-е гг. XX в. таксономия Б. С. Блума подвергалась значительной критике в связи с неполным отражением современных достижений в области психологии обучения и отсутствием связи с классификацией видов познавательной деятельности учащихся. В нашей стране таксономия Б. С. Блума неоднократно критиковалась, в основном в связи с тем, что в ней произошло методологически недопустимое смешение конкретных результатов обучения (знание, понимание и т.д.) с операциями, представляющими необходимое условие их достижения (анализ, синтез, оценка).

Поэтому в основу планирования содержания контрольных материалов может быть положен уровневый подход описания достижений обучающихся, разработанный учеными отечественной педагогической школы и позволяющий сгруппировать результаты обучения в зависимости от уровней учебной деятельности. Использование уровневого подхода будет более эффективно, если связать уровни усвоения учебного материала с характеристиками внешней деятельности обучающегося, задав требования к ее проявлению.

Для реализации данной цели в наших исследованиях мы выделяем четыре уровня экономической подготовки студентов: элементарный, средний, системный, творческий. Рассмотрим их с опорой на когнитивный и деятельностный критерии.

Элементарный уровень экономических знаний определяется наличием у студента знания экономических понятий, определений, фактов, законов и классификаций. Данный объем экономических знаний проявляется в умении студента воспроизводить экономические понятия, определения, факты, законы и классификации. Средний уровень экономических знаний требует знания формул, правил, функциональных зависимостей. Этот объем экономических знаний отражается в наличии у студента умения применять на практике формулы, строить графики, таблицы, схемы и диаграммы. Системный уровень экономических знаний свидетельствует о понимании студентом причинно-следственных связей между экономическими явлениями и процессами, знание альтернативных позиций по решению экономических проблем, знание практических примеров реальных экономических процессов. Данный объем экономических знаний выражается в реализации аналитических умений студентов посредством построения причинно-следственных связей между экономическими явлениями и процессами, умения делать выводы по различным социально-экономическим ситуациям, а также в грамотном построении ответов. Творческий уровень экономических знаний доступен в основном студентам, свободно владеющим учебным материалом и имеющим дополнительные знания по изучаемой дисциплине. Данный уровень экономических знаний предполагает формирование у студента своего мнения по наиболее актуальным и дискуссионным экономическим вопросам. Имеющийся объем экономических знаний позволяет студенту приобрести умения давать оригинальные решения нестандартных экономических задач, предлагать варианты решения проблемных ситуаций и прогнозы развития экономических явлений и процессов.

Преподавание экономической теории требует от педагога принятия решений, связанных с выбором формы заданий, которая наилучшим образом оценивает уровень экономической подготовки. Сравним различные формы

заданий, применяемых при оценке знаний по экономической теории. Данные представим в виде табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика различных форм контрольных заданий

Форма задания	Достоинства	Недостатки
Задания с выбором ответа из двух предложенных вариантов	Позволяют охватить большой объем материала, легки в разработке (поскольку имеется только один дистрактор), результаты выполнения обрабатываются быстро, с высокой объективностью	Стимулируют механическое запоминание, поощряют угадывание, требуют увеличения количества заданий и, следовательно, времени тестирования для компенсации эффекта угадывания
Вопросы множественного выбора	В силу краткости формулировки в тесте можно охватить большой объем содержания; обеспечивают объективность оценок обучающихся; позволяют провести статистический анализ характеристик	Требуют больших затрат времени и работы авторов при подборе дистракторов, сложно проверить высокий уровень подготовки (т.е. исходя из таксономии Блума нельзя проверить уровень синтеза и оценивания; применительно к разработанным нами уровням экономической подготовки нельзя оценить творческий уровень)
Задания на соответствие	Достаточно просты в разработке, подходят для оценивания ассоциативных знаний, уменьшают эффект угадывания	В основном применяются для проверки репродуктивного уровня (элементарного) уровня деятельности
Задания с конструируемыми регламентированными ответами	Просты в разработке, исключают угадывание	В основном проверяют знание фактологического материала или понятийного аппарата
Задания со свободно конструируемыми ответами (экономическое эссе)	Позволяют оценивать высокие уровни учебных достижений (творческий уровень), исключают угадывание	Требуют более длительной процедуры проверки, значительного времени выполнения, затруднена объективность оценки обучающегося

Таким образом, данные табл. 1 позволяют утверждать, что выбор автором конкретного задания должен определяться спецификой содержания учебной дисциплины, целями создания и применения теста.

У. Вальстад (William B. Walstad) сравнил различные формы заданий на основе следующих критериев: простота разработки, легкость подсчета результата, возможность охвата большого объема содержания, свобода в конструировании ответа, вероятность угадать вариант ответа, возможность оценить высокий уровень учебных достижений. Автор исследования отмечает, что наиболее часто используемой формой контроля являются вопросы множественного выбора [2]. Эти результаты подтверждаются и другими исследованиями (Siegfried, Stiner, Zhan) [3].

К очевидным достоинствам данного метода можно отнести сравнительно низкие издержки организации контроля при широком охвате обучающихся, объективность и возможность сравнительного анализа полученных данных. Однако ключевой недостаток данного метода следующий: задания множественного выбора не способны оценить возможности студентов применять и использовать экономический анализ в различных ситуациях и предполагают лишь пассивное запоминание изучаемого материала. Соглашаясь с данным недостатком, мы полагаем, что вопросы множественного выбора успешно могут применяться для оценки некоторых уровней понимания экономической теории. Как же серия вопросов может помочь оценить уровень понимания отдельной темы? Приведем пример из раздела «Взаимодействие спроса и предложения. Эластичность». Каждый вопрос соответствует разработанному нами уровню экономической подготовки (элементарному, среднему, системному).

1. Если рыночная цена продукта возрастет, то совокупная выручка:

- а) увеличится;
- б) уменьшится;
- в) не изменится;
- г) может как увеличиться, так и уменьшиться.

Данный вопрос теста показывает, что обучающийся понимает, что обычно связь между ценой и доходом прямо пропорциональная, иногда обратно пропорциональная. В данном случае возможно попросить обучающегося указать условия, при которых приводимое утверждение будет верным, и условия (или ситуации), когда оно оказывается неверным. Такие вопросы активизируют аналитическое мышление. Ответ на данный вопрос предполагает знание законов спроса и предложения, поэтому его можно отнести к вопросам элементарного уровня.

2. При данном уровне цен покупатель быстро реагирует на изменение цены туристических путевок. Для того чтобы увеличить выручку, продавец должен:

- а) оставить цену неизменной;
- б) незначительно увеличить цену;
- в) сильно увеличить цену;
- г) незначительно снизить цену.

Данный вопрос требует от обучающегося проследить связь между спросом, эластичностью и выручкой.

3. При данном уровне цен покупатель не сильно реагирует на изменение цены соли. Чтобы максимизировать прибыль, производитель соли должен:

- а) увеличить цену до уровня, когда покупатель будет быстро реагировать на изменение цены;
- б) увеличивать цену до тех пор, пока выручка не начнет снижаться;
- в) увеличивать цену до отметки, за которой выручка начнет уменьшаться;
- г) снижать цену до тех пор, пока выручка не перестанет увеличиваться.

Данный вопрос требует от обучающегося понимания того, что прибыльность зависит не только от взаимосвязи цены и предельного дохода, но и от связи между ценой и количеством, количеством и предельными издержками. Для ответа на этот вопрос необходимо сделать несколько логических шагов. Поэтому данный вопрос требует глубокого понимания изученного материала и может являться примером вопроса, относящегося к системному уровню.

Подобные задания были разработаны нами по разделам курса экономической теории. Мы провели математико-статистический анализ качества тестов, оценку надежности теста проводили методом расщепления теста [4].

Мы разделяем точку зрения С. Баклса, Дж. Сигфрида, У. Вальстада (S. Buckles, J. J. Siegfried, W. B. Walstad) о том, что вопросы множественного выбора сложно применять для оценки высоких уровней подготовки [5, 6]. Более эффективной формой контроля в данном случае является экономическое эссе. Главное преимущество экономического эссе состоит в возможности свободного конструирования ответа. Именно это позволяет педагогу видеть, как обучающийся формулирует свой ответ, какую логическую цепочку решения проблемы выстраивает, а не просто выбирает наилучший вариант из четырех или пяти предложенных.

Покажем различия между вопросами множественного выбора и экономическим эссе на примере одной темы.

Вопрос множественного выбора может быть следующим.

Защита национальной экономики протекционизмом предполагает издержки:

- а) из-за отсутствия внешней конкуренции, замедления роста производительности факторов производства, консервации структуры потребления;
- б) из-за сокращения потребления, замедления роста ВВП, отсутствия товарных альтернатив;
- в) из-за отставания военно-промышленного комплекса, снижения мотивации к труду, замедления темпов роста заработной платы;
- г) из-за роста товарных запасов, сокращения золотых резервов, отсутствия депозитов правительства, замедления информационных факторов развития.

Задание для написания эссе по данной теме можно сформулировать следующим образом. «Поясните, какие группы получают выгоду или понесут убыток в случае введения протекционистских мер правительством национальной экономики. Оцените, как повлияют данные меры на различные группы как внутри национальной экономики, так и за ее пределами. Объясните, какой эффект на национальную экономику произведет введение подобных мер?». Ответ на данное задание дает педагогу более четкое представление о том, какие знания обучающийся усвоил.

На наш взгляд, вопросы со свободно конструируемым ответом имеют очень важное преимущество. Отвечая на предложенные в эссе задания, студенты приводят знакомые им примеры, ситуации, что показывает связь теории с текущими актуальными проблемами. Следовательно, знания, полученные в ходе изучения экономической теории, могут быть действительно применены к анализу процессов, происходящих в современных условиях. Это делает обучение частью повседневной жизни и повышает заинтересованность студентов.

Возьмем в качестве примера раздел из курса «Микроэкономика», посвященный проблемам олигополии. Олигопольные взаимодействия весьма широко распространены в современной деловой среде. Особенность олигополистических рынков состоит в том, что фирмы, работающие на таких рынках, вынуждены вести себя стратегически, т.е. при принятии собственных решений относительно установления цены или выбора объема выпуска руководители фирм должны учитывать реакцию конкурентов. Для написания эко-

номического эссе студентам целесообразно предложить ряд вопросов. «Будучи потребителем, Вы бы предпочли простое снижение цены на продукт или чтобы снижение цены было связано с каким-нибудь специальным предложением? Почему? Приведите примеры специальных предложений, которыми Вам приходилось воспользоваться в своей потребительской практике. Приведите пример товара, который Вы постоянно покупаете на олигополистическом рынке. Существует ли на этом рынке ценовая конкуренция, или реальные цены остаются стабильными на протяжении длительных периодов времени?».

Данная форма работы позволяет сделать обучение более индивидуализированным, что даст возможность перейти от традиционного пассивного метода обучения к более активным способам взаимодействия обучающихся с преподавателем.

Однако, на наш взгляд, не существует твердой уверенности в том, что студент, выполняя задание-эссе, использует комплексные знания и умения. Поэтому, формулируя темы эссе, необходимо помнить, что студент в процессе его написания должен использовать сравнения, противопоставления, выявлять преимущества и «узкие места», объяснять или прогнозировать возможные результаты, выдвигать предложения по решению изучаемого вопроса, оценивать последствия экономических решений, делать выводы, используя для этого графическое или табличное представление материала.

Разработка заданий со свободно конструируемым ответом может показаться достаточно легкой. Действительно, сформулировать задание несложно, а предложить вариант оптимального ответа вместе с правилами оценки результата его выполнения достаточно нелегко. Оценивание эссе-задания требует неоднократного прочтения и времени для отражения замечаний и комментариев.

Необходимо затронуть еще один аспект, касающийся заданий со свободно конструируемым ответом. Считается, что задания-эссе, выполняемые в письменной форме, формируют навыки письменной речи. С этим можно как согласиться, так и поспорить. Дело в том, что время написания эссе ограничено и регламентировано. В этих условиях обучающемуся сложно развивать навыки письменной речи, поэтому их лучше развивать в процессе доработки эссе, исправления ошибок вне учебных занятий.

Таким образом, вопросы множественного выбора имеют преимущества над вопросами со свободно конструируемыми ответами, но могут измерять лишь некоторые уровни понимания экономической теории. Мы полагаем, что данную форму заданий сложно применять для оценки более высоких уровней подготовки. Более эффективной формой контроля в данном случае являются задания со свободно конструируемыми ответами. При выборе конкретной формы задания необходимо принимать во внимание различные критерии: возможность охвата большого объема материала, простота разработки и оценки результатов, объективность оценки, возможность оценить высокие уровни учебных достижений, вероятность угадывания варианта ответа.

Список литературы

1. **Bloom, B. S.** Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals. Handbook 1: Cognitive domain / B. S. Bloom. – N. Y. : David Mc Kay Co, 1956.
2. **Walstad, W. B.** Improving assessment in university economics / W. B. Walstad // Journal of Economic Education. – 2001. – V. 32, № 3. – P. 281–294.

3. **Siegfried, J. J.** How is introductory economics taught in America? / J. J. Siegfried, E. Stinar, H. Zhang // *Economic Inquiry*. – 1996. – V. 34, № 1. – P. 1182–1192.
4. **Звонников, В. И.** Современные средства оценивания результатов обучения : учеб. пособие / В. И. Звонников, М. Б. Чельшкова. – М. : Академия, 2007. – 224 с.
5. **Buckles, S.** Using multiple-choice questions to evaluate in-depth learning of economics / S. Buckles, J. J. Siegfried // *Journal of Economic Education*. – 2006. – V. 37, № 1. – P. 48–57.
6. **Walstad, W. B.** Testing for depth of understanding in economics using essay questions / W. B. Walstad // *Journal of Economic Education*. – 2006. – V. 37, № 1. – P. 38–47.

Влазнева Светлана Алексеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра профессиональной педагогики
и психологии, Пензенский
государственный университет

E-mail: vlaznevas@mail.ru

Vlazneva Svetlana Alekseevna

Candidate of pedagogic sciences, associate
professor, sub-department of professional
pedagogy and psychology,
Penza State University

УДК 378.146

Влазнева, С. А.

Контроль и оценка знаний студентов в процессе изучения экономической теории / С. А. Влазнева // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2011. – № 4 (20). – С. 130–136.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ УСПЕШНОСТИ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ В ВУЗЕ

Аннотация. Уровень адаптированности первокурсников в вузе к новому процессу обучения и новому социальному окружению, которым является педагогический вуз, определяет эффективность системы адаптационных мероприятий. Несмотря на кажущееся сходство, критерии оценки эффективности адаптации и адаптированности необходимо разграничивать, критерии адаптации относятся к самому процессу, а критерии адаптированности к результату. Авторские критерии оценки результативности эффективности функционирования системы адаптационных мероприятий выглядят следующим образом: удовлетворенность вузовским обучением; результативность обучения в вузе; активность в учебной и общественной жизни вуза; удовлетворенность собой как личностью.

Ключевые слова: адаптация, адаптированность, критерии оценки, адаптационные мероприятия.

Abstract. The level of adaptability of the first-year students school to the new learning and social environment, which is the pedagogical university, determines the effectiveness of adaptation measures. Despite the apparent similarities, the criteria for evaluating the effectiveness of adaptation and complete adaptation it is necessary to distinguish between the criteria of adaptation relating to the process and criteria for complete adaptation as related to the result. The authors' criteria for evaluating the impact of system performance of adaptation activities are as follows: satisfaction with the training at the university, performance results, active character of participation in academic and social life of the university; personal self-satisfaction

Key words: adaptation, complete adaptation, evaluation criteria, adaptation measures.

Уровень адаптированности первокурсников в вузе к новому процессу обучения и новому социальному окружению, которым является педагогический вуз, определяет эффективность системы адаптационных мероприятий.

Оценивать эффективность функционирования различных систем принято с помощью критериев. Критериями называют те признаки, на основании которых производятся оценки, определения, классификации состояний различных процессов.

В педагогике используются разнообразные критерии, их выбор зависит от направления исследования, от аспекта его содержания, выделяемого в качестве основного. Например, для определения сформированности воспитательных систем различных учебных заведений некоторыми авторами (З. Н. Калинина, Н. Л. Селиванова и др.) используются *критерии факта* и *критерии качества*. В группу критериев факта включены такие показатели, как упорядоченность жизнедеятельности учебного заведения в соответствии с разработанной и внедряемой концепцией, наличие коллектива единомышленников, создание психолого-педагогических условий для развития системы. К группе критериев качества относятся следующие: степень соответствия воспитательной системы поставленным целям; реализация педагогической концепции на основе принципов сотрудничества и сотворчества; благоприят-

ный психолого-педагогический климат, гуманистические отношения, демократический стиль общения, социальная защищенность преподавателей и учащихся, профессионализм преподавателей.

Критерии оптимальности результатов обучения выглядят таким образом:

– достижение каждым студентом максимально возможного для него в данный период уровня успеваемости, воспитанности и развитости (но не ниже удовлетворительного) по определенным признакам их оценки. Для оценки воспитанности нет четких критериев, как в успеваемости, но условно можно выделить три уровня: высокий, средний, низкий;

– отсутствие фактов систематического превышения студентами и преподавателями норм времени.

Система адаптационных мероприятий призвана устранить и (или) исключить проблемы дезадаптации у поступающих в университет абитуриентов, способствовать плавному течению процесса адаптации.

Несмотря на кажущееся сходство, критерии оценки эффективности адаптации и адаптированности необходимо разграничивать.

По *критериям устойчивости и степени выраженности* выявлено два типа адаптации – стабильный и меняющийся типы, причем устойчивый тип адаптации по степени выраженности представлен тремя уровнями (высоким, средним и низким), а меняющийся тип – двумя разновидностями (с повышающейся и понижающейся степенью адаптированности, т.е. с положительной и отрицательной динамикой процесса адаптации).

Показателем успешности психической адаптации является прежде всего достижение возможности выполнения основных задач деятельности. В качестве критериев адаптации студентов к учебной деятельности чаще всего использовались две их группы: *объективные* (успеваемость, показатели общественной и научной активности, показатели общей и профессиональной направленности, стабилизация свойств внимания, памяти, мышления) и *субъективные* (отношение к учебным предметам, выбранной профессии, получаемым знаниям). На основании предложенных В. Г. Асеевым критериев оценки успешности адаптации можно сформулировать также следующие показатели эффективности адаптации студентов к процессу обучения в вузе:

1. Группа объективных критериев: успешность собственно учебной деятельности (текущая и сессионная успеваемость); стабильность в процессе учебы функционального состояния организма учащихся (отсутствие резких сдвигов в состоянии психофизиологических функций); отсутствие ярко выраженных признаков утомления при выполнении учебной деятельности.

2. Группа субъективных критериев: удовлетворенность процессом обучения; удовлетворенность коллективом и сложившимися в нем отношениями (психологическим климатом); проявление учащимся активности в учебной и общественной деятельности. Такой подход, по мнению авторов теории, позволяет более объективно судить о качестве адаптационного процесса, так как эффективность психической адаптации оценивается с учетом ее психофизиологической и социально-психологической стоимости, которая определяется, по мнению Р. М. Баевского, энергетическими и информационными затратами. Под ценой или платой адаптационного процесса обычно понимается степень напряжения регуляторных систем, которая необходима для обеспечения адаптационной деятельности человека.

В. А. Якунин и С. Ю. Добряк указывают, что в качестве основного *внутреннего и прямого критерия* успешности адаптации курсантов к обучению в военном вузе выступала степень их адаптированности (высокая, средняя, низкая), определяемая с помощью методики Н. Н. Мельниковой. *Внешними и косвенными критериями* успешности адаптации выступали учебная успеваемость курсантов, их интеллектуальный и личностный потенциал, социально-психологический статус и их динамика в процессе обучения.

В. Б. Орлов делит критерии адаптации на три группы.

Первая характеризует степень выраженности компонентов адаптации (адаптивной ситуации, адаптивной потребности, адаптивных возможностей).

Вторая группа связана с динамизмом процесса (движение вперед, позитивные изменения, отсутствие дезадаптивных моментов), последовательностью стадий адаптации (начальная, средняя, завершающая), его полнотой и глубиной (многосторонность изменений и достижение высоких показателей в деятельности).

Третья группа критериев связана непосредственно с результатом процесса социальной адаптации, т.е. с адаптированностью (количество адаптированных к общему количеству участников исследования).

Таким образом, критерии адаптации относятся к самому процессу, а критерии адаптированности к результату. Ведь вся деятельность системы адаптационных мероприятий в конечном итоге направлена на достижение положительного результата адаптации бывшего выпускника сельской школы. Отметим также, что термин «адаптация» адекватен для обозначения самого процесса взаимодействия личности и среды, а термин «адаптированность» отражает определенное качественное состояние личности как результат процесса адаптации.

Под адаптированностью мы понимаем уровень фактического приспособления человека к жизни, взаимосоответствия его социального статуса и удовлетворенности или неудовлетворенности собой.

Критерии адаптированности разрабатываются в педагогике, социологии, психологии. Большинство ученых (О. И. Зотова, В. И. Каконин, Л. Л. Кирильцева, И. К. Кряжева, Н. А. Свиридов и др.) так же, как и при оценке непосредственно процесса адаптации, подразделяют критерии на объективные и субъективные.

К объективным большинство отечественных авторов относят:

- 1) продуктивность деятельности;
- 2) реальное положение студента в коллективе;
- 3) стаж обучения;
- 4) авторитет личности.

Основными субъективными критериями адаптации являются:

- 1) оценка отношения новичка к коллективу;
- 2) степень и характер удовлетворенности обучением, взаимоотношениями в коллективе;
- 3) самооценка своей позиции в системе официальных и неофициальных отношений.

В основе и субъективных, и объективных критериев лежит оценка характера деятельности. При этом мерой эффективности, успешности адаптации выступает социальная значимость результата деятельности, общественная активность личности.

Существует также внешний и внутренний критерии адаптированности. Результатом внешнего критерия является достижение социально желаемого поведения в среде – соответствие требованиям среды. Внутренний критерий предполагает общее психологическое благополучие – субъективную удовлетворенность, чувство комфорта, связан с возможностью удовлетворения индивидуальных потребностей, с проблемой самовыражения. Оптимальным вариантом является согласованность адаптивности по этим двум критериям.

В. М. Дугинец выделяет следующие критерии адаптированности:

- относящиеся к субъекту (самооценка «удовлетворенность»);
- относящиеся к субъекту и существующие вне его (работоспособность, поведение, ...);
- не принадлежащие субъекту, опосредованно отражающие результаты адаптации (профессиональный рост, оценка коллективом).

М. В. Яковлева в своем исследовании выделяет следующие критерии:

- положительная динамика роста обученности;
- адекватность самооценки;
- пониженный уровень беспокойства;
- качественные изменения в мотивационной структуре деятельности.

В. Г. Хорошко к критериям адаптированности относит показатели учебы, общественной работы, отношений в коллективе и профессиональной направленности.

Анализ работ А. А. Налчаджян, И. К. Кряжевой, А. В. Сиомичева позволяет нам выделить следующие критерии адаптированности:

- соответствие психологических возможностей личности требованиям социальной среды (А. В. Сиомичев, А. А. Налчаджян);
- отсутствие длительных внутренних или внешних конфликтов (А. А. Налчаджян);
- наличие таких условий, при которых личность реализует свои творческие потребности, внутренний потенциал (А. А. Налчаджян);
- удовлетворение личностью своих социогенных потребностей (А. А. Налчаджян);
- эффективное выполнение личностью социально значимой (И. К. Кряжева), ведущей (А. А. Налчаджян) деятельности.

С. Л. Арефьева считает, что критериями для оценки адаптированности к новым условиям жизнедеятельности (обучения, работы и т. п.) могут выступить:

- 1) отношение к выполняемой деятельности;
- 2) самооценка степени освоения специфики работы;
- 3) установка на работу по специальности в будущем;
- 4) оценка руководителем: качества работы, соблюдения сроков выполнения работы, уровня сложности работы, уровня самостоятельности;
- 5) структура деловых качеств;
- 6) оценка руководителем перспективности молодого специалиста;
- 7) наличие поощрений.

Критериями для оценки уровня социально-психологической адаптированности, по мнению С. А. Дружилова, являются:

- удовлетворенность местом в системе взаимоотношений;
- эмоциональное отношение к коллективу;
- установка на продолжение работы в том же коллективе;

- оценка руководителем успешности адаптации в коллективе молодого специалиста;
- активность участия в коллективных мероприятиях, в общественной работе;
- авторитет в коллективе.

В качестве критериев адаптированности при выяснении социально-психологических аспектов становления субъектности личности старшеклассников Н. А. Нестеренко рассматривались:

- 1) интеграция со средой: принятие положительного эмоционального образа основной организации, группы членства, своего «Я»;
- 2) самочувствие личности в группе;
- 3) соответствие ценностных ориентаций личности ценностям группы;
- 4) адекватность самооценки личности;
- 5) адекватность осознания индивидуального статуса членами группы;
- 6) включенность личности в деятельность.

Ею же разработаны следующие критерии уровней адаптированности старшеклассников в университетской среде: мотивационно-ценностный, практико-деятельностный, когнитивный, коммуникативный, критерий саморегуляции.

Интересной представляется классификация критериев адаптированности С. Ю. Родонова, основанной на подготовленности иностранных студентов к социальной адаптации: когнитивный, эмоционально-волевой, действенно-практический.

Эмоционально-волевой критерий предполагает наличие у студентов: личностного отношения к характеру и результату обучения, умения строить межличностные отношения; выработанный определенных коммуникативных навыков; умения выявлять и преодолевать трудности; положительных ценностных ориентаций и нравственных качеств. С помощью данного критерия выявляется состояние студента, попавшего из одной социальной среды в другую. Успешность обучения зависит от его взаимоотношений с однокурсниками, особенно внутри студенческой группы, с одной стороны, и от его отношения к учебному процессу в целом – с другой.

Действенно-практический критерий предполагает определение степени интенсивности участия студента в самостоятельной деятельности по социальной адаптации. Данный критерий позволяет исследовать наличие у студента самостоятельности мышления, желания достигнуть цели при использовании индивидуальных возможностей и способностей, выявить формы их проявления.

Когнитивный критерий предполагает осознание студентами цели своего обучения в вузе, а также овладение системой знаний о том, каким образом эта цель может быть достигнута.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что в своем исследовании за основу при определении критериев оценки адаптированности студентов мы взяли положения, описанные В. Н. Грибовым.

В итоге критерии оценки результативности эффективности функционирования системы адаптационных мероприятий выглядят следующим образом:

1. *Удовлетворенность вузовским обучением*: содержанием, условиями, отношениями в группах, ориентацией на продолжение образования, пред-

ставлениями о привлекательности выбранного вуза, уровнем беспокойства – тревоги и пр.

II. *Результативность обучения в вузе*: перспективы по профилю, успеваемость, оценка сокурсниками и преподавателями.

III. *Активность в учебной и общественной жизни вуза*: посещаемость занятий, интерес к НИР, активность во внеучебной жизни вуза, усвоении норм и правил.

IV. *Удовлетворенность собой как личностью*: уровень беспокойства – тревоги, адекватность в самооценке и пр.

Список литературы

1. **Бенедиктова, Л. Ф.** Проблемы адаптации студентов в психологической литературе / Л. Ф. Бенедиктова. // Психология профильной подготовки в вузе. – Минск, 1982. – Вып. 2. – С. 24–33.
2. **Грибов, В. Н.** Адаптация молодежи малого сибирского города к условиям обучения в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Грибов В. Н. – Тюмень, 1999. – 23 с.
3. **Калинина, З. Н.** Создание, функционирование и развитие воспитательной системы педагогического вуза : дис. ... канд. пед. наук / Калинина З. Н. – Тула, 2004. – 245 с.
4. **Лебедева, Е. А.** Педагогические условия социальной адаптации студентов технического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Лебедева Е. А. – Липецк, 2001. – 21 с.
5. **Налчаджаян, А. А.** Социально-психологическая адаптация личности / А. А. Налчаджаян. – Ереван : АН Арм. ССР, 1988. – 262 с.
6. **Сухоруков, А. А.** Социальная адаптация выпускников сельских школ в условиях воспитательной системы педагогического вуза : дис. ... канд. пед. наук / Сухоруков А. А. – Тула, 2006.
7. **Яковлева, М. В.** Педагогические основы адаптации первокурсников к обучению в вузе : дис. ... канд. пед. наук / Яковлева М. В. – Улан-Уде, 2000. – 147 с.

Толстых Юлия Игоревна
аспирант, Тульский государственный
педагогический университет
имени Л. Н. Толстого

E-mail: rector@tspu.tula.ru

Tolstykh Yuliya Igorevna
Postgraduate student,
Tula State Pedagogical University
named after L. N. Tolstoy

УДК 378.17

Толстых, Ю. И.

Критерии оценки успешности адаптации студентов-первокурсников в вузе / Ю. И. Толстых // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 137–142.

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО- ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА УРОВНЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается современное представление, актуальное значение исследований условий развития государственно-общественного управления в образовательном учреждении. Проведен анализ теоретического обоснования и методологической основы изучаемой проблемы. Сформулированы типы участия общественности в управлении образовательным учреждением.

Ключевые слова: государственно-общественное управление, школьная образовательная система, система управления, принципы управления, образовательное учреждение, типы участия общественности.

Abstract. The article considers the contemporary conception and the actual value of the research conditions of the state social administration development in an educational institution. The author has analyzed a theoretical justification and methodological basics of the problem. The article defines the types of community's participation in the educational institution administration.

Key words: state social administration, school educational system, administration system, administration principles, educational institution, types of the community's participation.

Базовой идеей процесса модернизации системы школьного образования является идея превращения ее в ресурс социально-экономического развития города. При этом на уровне потребителя она определяется как удовлетворение индивидуальных потребностей гражданина, обеспечивающих успешную реализацию его жизненной стратегии. Таким образом, гражданин должен связывать результативность обучения со своими будущими профессиональными и жизненными достижениями. Поэтому наряду с модернизацией очень важным аспектом деятельности является создание условий открытости и прозрачности функционирования системы образования на уровне школы, построение диалога между органами управления образованием и гражданами.

Новые организационно-экономические механизмы управления системой школьного образования, повышение экономической самостоятельности образовательных учреждений, изменение системы их финансирования, создание государственно-общественных институтов участия в управлении системой образования в совокупности с изменениями запроса на образовательные услуги неизбежно приводят к необходимости пересмотра принципов взаимодействия общества и системы образования на уровне образовательного учреждения.

Реализация задачи модернизации образования отличается тем, что данная сфера выполняет специфическую функцию в обществе – она обслуживает и удовлетворяет потребности других общественных сфер и одновременно является фактором общества, создавая феномен развития кадрового потенциала. Опыт реализации программы модернизации обнаружил некоторые серьезные проблемы в исходной концепции и практике ее реализации. В процессе

модернизации системы образования одними из центральных оказываются вопросы формирования инновационных механизмов развития образования и управления процессами.

В последнее пятилетие идея государственно-общественного управления образованием уже начала практически воплощаться в российских школах, где при поддержке федерального Министерства образования и науки и региональных органов управления образованием начата работа по апробации моделей общественного участия.

Особое значение на данном этапе приобретает задача обеспечения институциональной взаимосвязи между развитием системы государственно-общественного управления, введением новой системы оплаты труда в школе и развитием новой системы оценки качества образования. Актуальным становится придание органам государственно-общественного управления реальных управленческих полномочий, таких как распределение средств стимулирующей части фонда оплаты труда общеобразовательного учреждения, участие в определении содержания образования и др.

В ряде регионов страны в последние годы сложился позитивный опыт становления и развития государственно-общественного характера управления, созданы вариативные модели государственно-общественного управления образовательным учреждением. Анализ существующих теоретических подходов, имеющейся правовой базы и наработанной организационно-управленческой практики позволяет сделать вывод, что наиболее эффективное управление школой дают модели, предусматривающие разделение полномочий и ответственности между общественными и государственными органами управления образовательными учреждениями. При этом опыт демонстрирует невозможность использования одних и тех же управленческих «легал» для всех образовательных учреждений, равно как и одновременный переход образовательных учреждений к внедрению каких-либо показавших свою эффективность (в ряде конкретных примеров) управленческих решений.

Актуальное значение исследования условий и особенностей процесса развития государственно-общественного управления школьных образовательных систем и учреждений образования обусловлено:

– расширяющейся в российском общем образовании практикой формирования разнообразных структурных элементов систем управления на школьном уровне, которые призваны организационно сформировать государственно-общественный характер управления образованием, декларированный ст. 2 Федерального закона «Об образовании»;

– отсутствием научно обоснованной концепции модели и разработанной методологии практического создания систем государственно-общественного управления на уровне образовательного учреждения.

Растущий интерес к реализации идеи общественного участия в управлении образовательными учреждениями образования объективно обусловлен:

1) развивающейся несбалансированностью реальных основных параметров существующей системы управления образованием на школьном уровне и ожиданий и запросов, предъявляемых к системе образования сегодня обществом в целом и работодателями на российском рынке труда в частности;

2) отсутствием реальных механизмов преодоления указанного выше дисбаланса, т.е. механизмов реального участия и влияния со стороны обще-

ства на формирование государственной образовательной политики, образовательной политики регионов, образовательной деятельности муниципальных систем образования и образовательных учреждений.

Востребованность и актуальность практики выстраивания и внедрения механизмов государственно-общественного управления образованием происходит из осознания и обществом, и работниками системы образования следующих оснований:

1) реальные тенденции развития государственной власти и управления в России не открывают в ближайшей и среднесрочной перспективе возможностей выстраивания действенных механизмов согласования с общественными потребностями и ожиданиями реализуемой государством образовательной политики;

2) модернизация образования и изменения систем управления образованием от федерального уровня до уровня образовательных учреждений, осуществляемые в логике государственно-ведомственных интересов и приоритетов, принципиально не могут служить адекватными ответами на современные вызовы системе российского образования, как в вопросах национальной безопасности, так и в вопросах социально-культурного и экономического развития страны, не способствуют развитию системы образования в сторону реализации общественных ожиданий и потребностей;

3) сохраняющаяся, во многом благодаря государственно-ведомственному устройству управления, низкая социальная эффективность системы образования объективно работает на расширенное воспроизводство противоречия между поставляемым системой образования человеческим, кадровым ресурсом и становящейся рыночной экономикой, демократически выстраиваемой системой государственного управления и объективно необходимым социальным балансом в таком образом выстраиваемом общественном устройстве – гражданским обществом;

4) низкая социальная эффективность системы образования и государственно-ведомственный, закрытый характер управления ресурсами образования позволяет государству постоянно снижать уровень бюджетных инвестиций и не способствует развитию инвестиционной активности общества по отношению к системе образования.

5) отсутствие механизмов непосредственного включения в управление образовательными учреждениями представителей общества закрывает возможность безвозмездного использования системой образования готового кадрового ресурса квалифицированных менеджеров и управляющих из сферы экономики и других сфер общественной жизнедеятельности, тогда как подготовка и повышение квалификации квалифицированных ведомственных управленцев требуют достаточно длительного времени, дополнительных инвестиций и, выстроенные в привычном государственно-ведомственном подходе, не гарантируют объективно востребованного квалификационного качества готового кадрового продукта.

В складывающейся практике создания механизмов государственно-общественного управления образовательными учреждениями обнаруживаются следующие устойчивые негативные тенденции:

1. Редукция общественной составляющей в управлении образовательным учреждением к общественному контролю исключительно за собственной деятельностью общественности в образовательном учреждении. Наибо-

лее наглядно это проявляется, например, в предоставлении органам школьного самоуправления права контролировать только внебюджетные доходы и расходы учреждения.

2. Ограничение полномочий, делегированных общественным органам управления, «рекомендательным характером» в вопросах планирования развития и функционирования учреждения или муниципальной системы образования в целом, управления ресурсами и кадрами.

3. Вовлечение общественности в планирование тех сфер деятельности образовательного учреждения, в которых этим представителям явно не хватает профессиональной компетентности, например, вовлечение представителей родительской общественности и попечителей образования в разработку образовательных программ и образовательной политики.

4. Подмена общественного участия в управлении общественным участием в ресурсном обеспечении образовательного учреждения, муниципальной системы образования.

5. Дисбаланс между легитимностью формирования и гражданскими и профессиональными качествами состава органа общественного участия в управлении образованием.

Все это не способствует созданию действительных и дееспособных систем государственно-общественного управления образованием в учреждениях образования.

Вышеперечисленные тенденции, будучи достаточно распространенными, являются следствием не только того, что под видом формирования государственно-общественного управления образованием зачастую осуществляются попытки совершить с представителями общества обмен минимального набора управленческих полномочий и функций на максимальное количество дополнительных, так называемых «внебюджетных», ресурсов. Эти тенденции проявляются также и потому, что государственно-общественное управление проектируется и внедряется, исходя из ведомственного подхода, и осуществляется именно как ведомственно-общественное, под интересы и цели ведомства образования, сложившейся системы управления образованием на уровне школ и на уровне местного самоуправления.

Весьма существенной составляющей причин реализации выше отмеченных тенденций является недостаточная еще на сегодня научная разработанность концепции модели, методологии и методик создания и развития систем государственно-общественного управления на уровне образовательного учреждения. Вместе с тем в научной литературе, посвященной вопросам теории управления и управления образованием, проблемам соотношения управления и образования, государственно-общественного в управлении образовательными системами поставлены и ведутся исследования, количество которых в последние годы заметно увеличилось. Это свидетельствует о возрастающем интересе к данной теме специалистов в области теории управления образованием и о ее растущей актуальности именно в качестве темы научного исследования.

В работах, посвященных вопросам исследования теории менеджмента, социального управления таких зарубежных авторов, как М. Мескон, М. Альберт и Ф. Хедоури, а также П. Друкер, указано на сильную взаимную зависимость и взаимовлияние сфер управления и образования.

Нельзя в этой связи не обратить внимания на глубокую проработанность в законодательстве таких стран Западной Европы, как, например, Великобритания и Германия, вопросов нормативного правового регулирования организационных форм государственно-общественного управления образованием.

В работах отечественных авторов по инновационному менеджменту и теории управления развитием образования (А. М. Моисеев, М. М. Поташник, К. М. Ушаков, Т. И. Шамова, П. И. Третьяков) созданы важные предпосылки углубленных исследований в интересующей нас области, а в диссертационном исследовании и других работах В. И. Бочкарева вопросы государственно-общественного управления образованием стали предметом специального научного исследования.

Благодаря участию некоторых региональных систем образования, начиная с 2003 г., накоплен потенциал идей, выполнены теоретические исследования и разработаны методические и практические рекомендации в вопросах создания механизмов и систем государственно-общественного управления образованием, которые создают условия и позволяют сегодня подойти к разработке модели и технологий создания на ее основе вариативных систем государственно-общественного управления образованием на уровне образовательного учреждения.

Исследование данного вопроса также продуктивно будет опираться на теоретические разработки, посвященные соотношению государственного и общественного в системах управления некоммерческими социальными организациями (таких авторов, как А. Р. Севортьян, В. Г. Хорос, А. М. Щиглик, В. Н. Якимец) и в системах местного самоуправления (например, работы И. В. Мерсияновой, Н. Н. Малахова, И. Д. Черник).

В то же время во всех названных работах не рассматривается и не решается проблема условий развития государственно-общественного управления образованием на школьном уровне. Практическая важность и научная неразработанность данной проблемы позволяют сделать вывод об актуальности исследования именно вопроса условий развития вариативных систем государственно-общественного управления образованием на школьном уровне на основе их интегральной модели.

Общим методологическим подходом таких исследований, а также практического воплощения их результатов будет следующая позиция. Образование – не сфера социального потребления (не важно – бюджетно оплаченные или купленные непосредственно потребителем образовательные услуги), а сфера социального производства наиважнейшего для общества (и в культурном, и в цивилизационном – научно-технологическом смысле) ресурса его жизнедеятельности и развития практически во всех сферах – человеческого ресурса, как со стороны профессионально-деятельностной, так и со стороны духовно-культурной позиции.

Методологическим инструментом данного исследования выступает единство используемых *системного, личностно ориентированного, среднего подходов* к управлению образовательным учреждением и к организации учебно-воспитательного процесса.

Системный подход (Н. В. Кузьмина, Б. Г. Юдин, В. П. Беспалько и др.). Образовательное учреждение рассматривается как целостная система, способная к самоорганизации. Являясь органичной частью общества, школа от-

ражает происходящие в нем перемены. Сущность функционирования любой образовательной системы раскрывается в концептуальном единстве ее элементов: социальных позиций учащегося и учителя в образовательном процессе, целей образования, содержания образования, форм и способов педагогического взаимодействия.

Личностно ориентированный подход (О. С. Газман, В. В. Рубцов, Е. В. Бондаревская, В. П. Бедерханова и др.). Предполагает отношение ко всем участникам образовательного процесса и к внешней общественности как к субъектам управленческой деятельности; организацию совместного управления как формы гражданского общества; создание условий для самореализации всех участников образовательного процесса в осознании себя как творческой личности, в выявлении и реализации своих возможностей.

Средовый подход (Н. Б. Крылова, А. Н. Тубельский, И. Д. Фрумин и др.). Рассматривает процесс развития человека в зависимости от окружающей его среды. Предполагает целенаправленную организацию воспитательных, обучающих и развивающих сред, которые способствуют достижению образовательных результатов через влияние уклада школы как специально моделируемого пространства отношений, ценностей, символов, вещей, предметов. Учитывает наличие фоновых источников информации в обществе и культуре.

Управление понимается как целенаправленный перевод управляемой системы из одного состояния в другое, более желательное для субъекта управленческой деятельности. При этом успешно управлять могут субъекты, которые знают исходное состояние системы и цель управления, прогнозируют ее развитие и владеют средствами и способами управленческой деятельности.

Идея государственно-общественного управления образовательным учреждением на основе демократии и сотворчества уже долгое время находится в поле исследований ученых. Известны работы А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, С. Т. Шацкого, посвященные вопросам организации внутришкольного управления на демократических началах. Однако эти идеи до сих пор остались практически нереализованными.

В последние годы актуальность проблемы оптимизации управления школой на основе идеи государственно-общественного управления возрастает в связи с динамикой общественно-политической жизни в стране, с появлением новой субъектной позиции участников образовательного процесса, со становлением отдельных институтов гражданского общества, с утверждением личностно ориентированного подхода в педагогической науке. Возникает серьезная необходимость в разработке теоретической модели государственно-общественного управления школой, которая отражала бы отмеченные тенденции в социокультурном развитии, выявляла бы объективные показатели эффективности управленческой деятельности, способствовала бы формированию демократического уклада жизни школы.

Идея системности в управлении ОУ раскрывается в исследованиях В. П. Беспалько, Н. В. Кузьминой, В. А. Слостенина, И. Ф. Харламова и других. Личностно ориентированный подход в управлении ОУ разрабатывается Е. В. Бондаревской, В. В. Сериковым, В. И. Слободчиковым и другими. Идея саморазвития и самоорганизации школы как инновационной системы изучается Ю. В. Громыко, А. Н. Тубельским, Б. И. Хасаном, И. Д. Фруминым и другими.

Особое внимание в последнее время уделяется проблеме участия внешних социальных партнеров в управлении ОУ, обсуждаются идеи гражданского заказа школе, общественной экспертизы, социально-образовательных проектов и т.д. Здесь особенно следует выделить исследовательские труды А. И. Адамского, Ф. Т. Михайлова, О. М. Леонтьевой, А. Н. Тубельского. В настоящее время можно выделить несколько типов участия общественности в управлении ОУ по способам их организации:

1. *Административно-принудительный тип* – взаимодействие осуществляется по решению главы местной администрации в составе руководителей предприятий, которые находятся на данной территории, назначаются председателями попечительских советов. Влияние на образовательную программу школы в этом случае минимально, так как «попечители» осуществляют свою миссию добровольно-принудительно. Плюс такой системы в том, что школы получают финансовую поддержку; минус данной модели – взаимодействие школы и социального партнера формально, оно не оказывает влияния на образовательный процесс и уклад школы.

2. *Шефский тип* – взаимодействие осуществляется на базе предприятия, которое когда-то шефствовало над данной школой. Плюс этой модели в том, что школа имеет дополнительные возможности по ремонту, оснащению, организации отдыха учеников и учителей, финансированию медицинских программ для сотрудников школы; финансируется высшее образование выпускников школы, которые потом получают рабочие места на предприятии. Минус этой модели – образовательная политика школы формируется вокруг нужд отдельного предприятия.

3. *Родительский тип* – взаимодействие осуществляется через заинтересованных родителей. Такой орган государственно-общественного управления организуется на основе сильного родительского комитета или в результате активной деятельности родительского совета школы. Плюс этой модели – в высокой степени включенности родителей и их неформальной заинтересованности в развитии школы. Минус – в субъективности и личных пристрастиях в формировании образовательной политики, временная ограниченность родительского интереса в работе попечительского совета (пока учится ребенок).

4. *«Пиаровский» тип* – взаимодействие осуществляется с влиятельными политиками или состоятельными бизнесменами. Плюс этой модели – школа получает финансовый ресурс для развития, повышения квалификации, организует инновационные проекты, работает на «развитие имиджа» своего попечителя. Минус – образовательная политика школы формируется вокруг нужд отдельного лица.

Все четыре вышеописанных типа объединяются по следующим основаниям:

- взаимодействие не имеет юридических прав и полномочий, не является составной частью управления школы;
- финансирование и помощь школе оказываются на нелегальной или полунелегальной основе;
- общественность практически не оказывает влияния на содержание образования и тип педагогических технологий, реализуемых в школе.

5. *Государственно-общественный тип* – взаимодействие осуществляют государственные органы, местная власть, бизнес-сообщество, заинтересованные граждане и родители, озабоченные состоянием дел в образовании, со-

здают организационные, финансовые и правовые условия для деятельности управляющих советов. При этом типе социального партнерства школа не только решает финансовые проблемы, но и имеет заинтересованного в развитии образовательного процесса и демократического уклада школы партнера, стремящегося влиять на содержание образования, осуществлять внешнюю экспертизу образовательной деятельности ОУ.

Опыт формирования демократического уклада жизни школы описан в работах А. Н. Тубельского, И. Д. Фрумина, В. В. Башева и др. Демократический уклад представляет собой систему, все звенья которой связаны между собой и работают друг на друга, это – живая система отношений, которая не имеет завершенного состояния. Рассматривая проблему организации демократического уклада школы, А. Н. Тубельский отмечает следующие функциональные особенности:

- опыт выбора;
- опыт создания правовых норм;
- опыт разрешения конфликтов и защиты прав человека;
- совместное проектирование школы как действующей модели гражданского общества.

Несмотря на относительную изученность проблемы общественного самоуправления ОУ и формирования демократического уклада при развитии государственно-общественного управления, отдельные стороны и закономерности оставались без внимания исследователей. Недостаточно разработана практика организации модели государственно-общественного управления ОУ на основе участия некоммерческой общественной организации, ориентированной на формирование демократического уклада.

При формировании демократического уклада нами используется **принцип единства социализации и индивидуализации**, разработанный в рамках отечественной психологической науки (А. Н. Леонтьев, В. А. и А. В. Петровские, К. А. Абульханова-Славская, О. С. Газман и др.). Социализация рассматривается как процесс включения индивида в систему общественных отношений и формирование у него социальных качеств. Индивидуализация – это процесс развития и самореализации человека в качестве субъекта собственной жизнедеятельности. В гражданском образовании социализация и индивидуализация – равноценные и одинаково необходимые процессы целостного развития человека. О. С. Газман рассматривает единство социализации и индивидуализации как способ активного включения детей и подростков в жизнь на демократических принципах совместной деятельности в новом типе государственно-общественном управлении школой.

Тип социальных отношений между субъектами образования при демократическом укладе определяет:

- высшую ценность человека в обществе и системе образования;
- ориентацию образовательного процесса на индивидуальные мотивы к образованию;
- учет требований гражданского заказа к содержанию образования и типу педагогических технологий, применяемых в ОУ;
- построение индивидуальных образовательных траекторий на основе признания активности субъекта образования;
- учет социальных мотивов и ролей, выбираемых субъектами образования при проектировании с ними конкретных учебных и воспитательных действий.

Список литературы

1. **Моисеев, А.** Национальный проект стимулирует государственно-общественное управление образованием / А. Моисеев, С. Косарецкий // Народное образование. – 2007. – № 4. – С. 25–29.
2. **Моисеев, А.** Школьные управляющие советы: первые итоги эксперимента / А. Моисеев // Народное образование. – 2006. – № 1. – С. 98–105.
3. Развитие государственно-общественной системы управления образованием: ответственность муниципального и школьного уровней : материалы научно-практ. конф. (29 апреля 2008 г.). – Липецк : Департамент образования администрации г. Липецка, 2008. – 134 с.
4. **Седелников, А. А.** Государственно-общественное управление образованием – объективное условие его модернизации / А. А. Седелников // Народное образование. – 2006. – № 7. – С. 67–70.
5. **Харитонов, В.** Реальное общественное управление – ресурс развития образования и общества. Организация родительской общественности стала заявителем школы на участие в конкурсе в рамках национального проекта / В. Харитонов, Г. Климова // Народное образование. – 2006. – № 4. – С. 119–124.

Шкуров Алексей Юрьевич
директор гимназии № 42 (г. Пенза)

Shkurov Aleksey Yuryevich
Director of gymnasium № 42 (Penza)

E-mail: achkurov@list.ru

УДК 371:351:851

Шкуров, А. Ю.

Развитие государственно-общественного управления на уровне образовательного учреждения / А. Ю. Шкуров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 143–151.

МОДЕЛЬ МНОГОПРОФИЛЬНОЙ ГИМНАЗИИ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК И КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. На материалах, используемых в организации образовательного процесса многопрофильной гимназии, рассмотрен вопрос внедрения инновационных педагогических практик и обеспечения качества образования. Сделан вывод, что модель многопрофильного образования является наиболее эффективной для решения ключевых проблем в области качества образования.

Ключевые слова: качество образования, инновационные практики, управление качеством образования.

Abstract. The author considers the implementation of innovative techniques and assurance of the education quality on the basis of the materials used for organizing teaching-learning process at a multi-subject gymnasium. It has been concluded that the model of multi-subject education is the most effective in solving the key problems in the field of education quality.

Key words: the quality of education, innovative education, education quality control.

Большинство фундаментальных «прорывных» инновационных идей в образовании в нашей стране разрабатывались на протяжении 60–80-х гг. XX в. В 80–90-х гг. они воплощались в более широком масштабе. Именно в это время инновационное движение коснулось и Пензенского региона. Практика создания гимназий и лицеев стала повсеместной. За четверть века был накоплен огромный опыт освоения инновационных идей, стали очевидными его возможные результаты.

Отечественные разработки были дополнены и значительным кругом европейских инновационных педагогических практик, прошедших определенный процесс адаптации на российской почве. Практика работы многих педагогов на основе инновационных подходов показала, как при разных моделях образования могут быть решены ключевые проблемы в области качественного и доступного для всех детей образования.

К 1993 г., когда школе № 13 был официально присвоен статус многопрофильной гимназии, в образовательном учреждении сформировался крепкий, молодой коллектив учителей-новаторов, который остается стабильным и сейчас.

На протяжении почти двух десятков лет в гимназии, в сфере педагогических исследований, постепенно складывалось в общем пространстве сотрудничество исследователей и учителей разных направлений, нарабатывались традиции содержательного научно-педагогического поиска, организовывались различные формы сотрудничества школы и социума.

Модель гимназии включила в себя многопрофильное образование, в котором предметы классического, гимназического компонента, такие как риторика, немецкий язык (как второй язык), театральное искусство, хореография, этикет, успешно сочетаются с четырьмя профилями (физико-математическим, химико-биологическим, гуманитарным, лингвистическим), остаю-

щимися востребованными на протяжении всего времени, а также с шестью школами дополнительного образования (художественная, музыкальная, хореографическая, шахматная, цирковая, спортивная), расположенными на базе гимназии.

Организация учебно-воспитательного процесса в гимназии осуществляется на основе идеи целостности. Воспитание, обучение и развитие учащегося осуществляется в единой воспитательной системе, в основе которой лежит приоритет воспитания, понимаемого как целенаправленное воздействие на процесс развития личности. Именно такой подход является основным в концепции и программе развития гимназии, являющихся базовыми документами образовательного учреждения.

С 2006–2011 гг. в образовательном учреждении работает Программа развития гимназии как Школы достоинства, которая включает в себя три составляющие:

- развитие гимназии как воспитательной системы через реализацию единой программы воспитания;
- развитие гимназии как профильной школы через реализацию многопрофильной гимназии;
- развитие гимназии как школы полного дня через реализацию программы «Одаренные дети» в рамках работы школ дополнительного образования, работы научного общества учащихся, работы социокультурного центра.

Логическим продолжением ныне существующей Программы развития стала разработка нового документа, рассчитанного на 2011–2015 гг., где миссия гимназии определена не только в соответствии с традиционными формами и направлениями в ее работе, но и с концептуально новыми подходами, отраженными в документах, определяющих стратегию в области образования на современном этапе, такими как национальная доктрина «Наша новая школа», ФГОСы, Послание президента к Федеральному собранию и т.д.

Содержание этих документов ориентировано на решение задач инновационного характера, в них прослеживается главный вопрос стратегии развития образования – достижения нового качества образования.

Переход от знаниевого подхода к компетентностному – одна из главных задач образовательного учреждения нового типа.

Модель многопрофильной гимназии как механизм обеспечения качества образования и конкретных инновационных педагогических практик на федеральном, региональном и муниципальном уровнях предусматривает взаимодействие не только педагогов, причастных к данной практике, но и ученых, управленцев, практиков, высших учебных заведений, учреждений исследовательского типа, производств с передовым уровнем технологий и т.д.

Модель многопрофильного образования на современном этапе требует использования новых форм, методов, подходов, таких как: проектно-исследовательский, начиная с 1-го класса, метапредметный, решающий проблему разобщенности разных научных дисциплин, разработку и внедрение новых курсов – «Живая инновация» и «Основы предпринимательства».

А самое главное требование – это создание системы грамотного управления качеством образовательного процесса.

В современном мире увеличивается значение образования как важнейшего фактора формирования нового качества не только экономики, но и общества в целом. Как утверждается в национальной образовательной страте-

гии «Наша новая школа», «школа – в широком смысле этого слова – должна стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых жизненных установок личности».

Основной задачей образовательной политики на современном этапе становится достижение современного качества образования, его соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

Одновременно в новой модели устойчивого развития общества ведущим законом становится закон опережающего развития качества человека, качества образовательных систем и качества общественного интеллекта. «...Качество становится символом тех изменений, которые дают ориентиры к стратегии выживания человечества» (А. И. Субетто).

Проблема качества начинает пониматься и решаться на путях идеологии «всеобщего управления качеством», охватывающей все виды деятельности в образовательной системе, начиная от качества воспитания, качества образовательных программ, качества содержания, качества образовательного процесса и кончая качеством самого управления.

Таким образом, актуальность создания системы управления качеством образования обусловлена и основана на противоречиях между:

- необходимостью разработки принципиально нового механизма управления качеством образования в инновационном учреждении и консерватизмом существующей системы управления школой;
- запросами современного рынка образовательных услуг и способностью образовательного учреждения адекватно и качественно на них реагировать;
- наличием эффективного практического опыта образовательной деятельности инновационных образовательных учреждений и отсутствием его теоретического обоснования;
- потребностью педагогического и управленческого персонала гимназий в разработке системы управления качеством образования, адекватной целям и специфическим условиям деятельности гимназии, и отсутствием соответствующих исследований в научной литературе.

Именно вышеперечисленные факторы стали основой для разработки новой Программы развития многопрофильной гимназии на 2011–2015 гг. как документа, формирующего стратегию ее деятельности на последующие годы.

Название Программы развития гимназии – «Управление качеством образования в инновационном образовательном учреждении».

Цель: разработка и апробация модели системы управления качеством образования в современной гимназии, отражающей ее специфику, как инновационного образовательного учреждения.

Задачи:

- разработать и теоретически обосновать основные концептуальные подходы к качеству в инновационном образовательном учреждении;
- выявить особенности управления качеством образования в гимназии, вытекающие из ее миссии, а также нормативных и маркетинговых целей деятельности;
- раскрыть сущностные характеристики и охарактеризовать объекты качества современного гимназического образования;

- определить организационно-педагогические условия управления качеством образования в современной гимназии;
- проанализировать эффективность существующих моделей управления качеством образования и показать зависимость качества образования от качества управленческой деятельности;
- внедрить в образовательный процесс гимназии инновационные педагогические практики.

Этапы реализации

I подготовительный этап (январь–сентябрь 2011 г.):

- создание необходимых условий для обеспечения разработки и освоения новшеств;
- изучение литературы по оценке и управлению качеством образования, разработка нормативных документов по выстраиванию системы качества и проведению мониторинга качества образования в гимназии;
- разработка и утверждение Программы развития гимназии на 2011–2015 гг.;
- разработка модели системы качества образования в гимназии.

II организационно-внедренческий этап (сентябрь 2011 г. – август 2014 г.):

- проведение самообследования по качеству обеспечиваемого образования в гимназии;
- разработка программы мониторинга качества образования в гимназии (выстраивание индикаторов качества, определение рисков проекта, механизмов контроля и корректировки программ, разработка процедур деятельности и т.д.);
- анализ промежуточных результатов мониторинга (реализация новых методик, отслеживание процессов и результатов, контрольные срезы);
- внедрение инновационных педагогических практик.

III практико-обобщающий этап (сентябрь 2014 г. – август 2015 г.):

- подробный анализ и оформление результатов мониторинга качества образования;
- соотнесение результатов эксперимента, выявление несоответствий в системе качества образования;
- корректировка выявленных затруднений с целью повышения эффективности деятельности по обеспечению качества образования в гимназии и внедрению инновационных педагогических практик.

Научная новизна и теоретическая значимость Программы развития гимназии:

1. Определение и теоретическое обоснование основных концептуальных подходов к качеству гимназического образования:

- нормативно-дидактический – направлен на достижение высокого уровня обученности учащихся в соответствии с требованиями государственного стандарта;
- социально-маркетинговый – рассматривает качество образования как широкую социально-педагогическую категорию, которая отражает общий уровень социальной зрелости выпускника, и учитывает маркетинговые цели образования;
- средово-компетентностный – определяет качество образования как синтез качества образовательной среды и образовательного результата, которым является совокупность компетентностей выпускника.

2. Разработка и теоретическое обоснование модели управления качеством образования в гимназии, которая отражает особенности инновационного образовательного учреждения, конструирующего специфическую образовательную среду и реализующего самостоятельно разработанную концепцию образовательной деятельности.

3. Определение функций, принципов управления качеством образования в гимназии, позволяющих реализовать нормативные и маркетинговые цели образовательного учреждения в партнерском взаимодействии всех субъектов образовательной деятельности.

4. Выявление организационно-педагогических условий эффективного управления качеством образования в современной гимназии: научно-методическое сопровождение персонала, социальное партнерство.

Теоретическая значимость Программы развития гимназии заключается в разработке и обосновании целостной концепции управления качеством образования в современной гимназии, исходящей из единства ее нормативных и маркетинговых целей, миссий и особенностей как инновационного образовательного учреждения.

Практическая значимость Программы развития гимназии: результаты внедрения и реализации Программы развития могут быть использованы в инновационных образовательных учреждениях для стратегического планирования их деятельности, определения целей, миссии, перспектив развития школы, создания систем качества образования, отражающих специфику образовательного учреждения.

В нашем случае Программа развития гимназии рассматривается лишь как один из методических инструментариев, способных обеспечить эффективное функционирование модели многопрофильного образования с учетом сложившегося опыта и определения новых инновационных подходов к выбору вектора развития образовательного учреждения.

К моменту, когда был дан старт данной программе, гимназия уже достигла определенных результатов в области качества образования и внедрения инновационных педагогических практик:

- стабильно высокий рейтинг по результатам ЕГЭ;
- 100 % поступление выпускников гимназии в вузы;
- гимназия – победитель Всероссийского конкурса «Лучшая школа России» (2008);
- гимназия – дважды победитель в рамках ПНПО (2006, 2008);
- гимназия – победитель Всероссийского конкурса «Лига школ Роснано» (2010);
- гимназия – победитель Всероссийского конкурса «Элита российского образования» (2010);
- гимназия – экспериментальная площадка по внедрению нанотехнологий и т.д.

Но предполагается, что разработка и реализация данной Программы будут в большей степени способствовать повышению качества предоставляемых услуг, удовлетворенности всех участников образовательного процесса, более высокому уровню раскрытия интеллектуального и творческого потенциала обучаемых, ведь идея качества образования сегодня становится не просто актуальной, а приобретает значение системообразующего фактора среди других факторов и направлений деятельности, призванных обеспечить един-

ство российского образования и уровень, отвечающий требованиям современной экономики и вызовам общества.

Инновационные педагогические практики и процессы, интегрируя традиции и новаторство, выступают механизмом разработки новых целей, содержаний, форм, методов, технологий и эффективной организации системы работы в области качества образования. Среди инновационных школ модель многопрофильного гимназического образования призвана формировать социально зрелую личность выпускника и создавать ему условия для непрерывного образования с учетом профильной дифференциации и профессиональных интересов. Выпускник гимназии должен быть готов к осознанному выбору социальной позиции, профессионально-личностному самоопределению, гибкому реагированию на имеющиеся импульсы внешней среды.

Таким образом, мы предполагаем, что модель многопрофильного образования способна наиболее эффективно обеспечивать внедрение инновационных педагогических практик, особых подходов, нестандартных решений, которые в полной мере могли бы учесть особенности образовательной среды инновационного учреждения с целью достижения качественного и доступного образования.

Список литературы

1. **Лесков, С. Л.** Живая инновация. Мышление XXI века / С. Л. Лесков. – М. : Просвещение, 2009. – 239 с.
2. «Наша новая школа» национальная образовательная стратегия (проекты документов, мнения специалистов) // Вестник образования России. – М. : ПРО-ПРЕСС, 2009. – 62 с.
3. **Панасюк, В. П.** Школа и качество: Выбор будущего / В. П. Панасюк. – СПб. : КАРО, 2003. – 384 с.
4. Управление развитием школы : пособие для руководителей образовательных учреждений / под ред. М. М. Поташника и В. С. Лазарева. – М. : Новая школа, 1995. – 464 с.
5. **Церюльников, А.** Инновационные комплексы в сфере образования: рекомендации по созданию и управлению / А. Церюльников, А. Русаков, М. Эпштейн. – СПб. ; М., 2009. – 223 с.
6. **Шишов, С. Е.** Школа: мониторинг качества образования / С. Е. Шишов, В. А. Кальней. – М. : Педагогическое общество России, 2000. – 320 с.

Тымченко Елена Юрьевна
директор многопрофильной гимназии
№ 13 г. Пензы

Tymchenko Elena Yuryevna
Director of multi-subject
gymnasium № 13 (Penza)

E-mail: gimn13@inbox.ru

УДК 373.1

Тымченко, Е. Ю.

Модель многопрофильной гимназии как механизм обеспечения инновационных педагогических практик и качества образования учащихся / Е. Ю. Тымченко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 152–157.

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КУРС «СОВРЕМЕННАЯ ФИЗИКА И ЭКОНОМИКА» КАК СРЕДСТВО ЕДИНСТВА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ¹

Аннотация. В статье рассматривается интегрированный курс по выбору «Современная физика и экономика», который систематизирует и обобщает знания учащихся по физике, вырабатывает навыки интегрированного подхода к изучению явлений природы и общества, стимулирует умение приобретать знания из различных источников. Разработанный учебный материал, используемый на уроках, отличается от обычного предельной четкостью, компактностью, сжатостью, логической взаимообусловленностью на каждом этапе урока, а также большой информативной емкостью. Оригинальная методика преподавания предлагаемого курса способствует формированию положительной мотивации девятиклассников к изучению физики.

Ключевые слова: интегрированный курс по выбору, современная физика, экономика, мотивация изучения физики.

Abstract. The article considers an integrated course of choice «Modern physics and economics», which systematizes and generalizes pupil's knowledge of physics, develops skills of an integrated approach to research of phenomena of Nature and society, stimulates ability to obtain knowledge from different sources. The author has elaborated the educational material to be used on lessons, which is distinguished from a usual one by the maximum clarity, compactness, conciseness, logical interdependence at every stage of lesson as well as by the large informative capacity. The original teaching methodology of the proposed course facilitates the development of positive motivation for the ninth-year pupils to study physics.

Key words: integrated course of choice, modern physics, economics, motivation to study physics.

Введение

В современном мире очевидным является тот факт, что качественная система образования вместе с мощной системой обороны и современной конкурентоспособной экономикой является основой безопасности страны и катализатором развития общества и государства. Как и всякая система, она периодически нуждается в модернизации. Сейчас важно смоделировать образовательную систему, которая была бы нацелена на решение задач опережающего развития и являлась бы базой для развития экономики страны. Россия более 10 лет имеет рыночную экономику, хотя характерно, что проблемы образования до сих пор решаются социалистическими методами, но не дают желаемых результатов. Мощным механизмом смягчения последствий безработицы во время кризиса является устойчивая система образования. Она же является эффективным механизмом сохранения и накопления интеллектуального потенциала для выхода из кризиса и послекризисного развития страны. Ведущие страны мира всегда в кризис рассматривали потенциал образования

¹ Автор выражает благодарность д.ф.-м.н., проф. В. Д. Кревчику и д.ф.-м.н., проф. М. Б. Семенову за ценные замечания, интерес и подготовку материалов для разработанного курса по выбору.

через модернизацию к инновационному обновлению. В модернизации нуждаются все ступени образования, в том числе и школьная.

Новое образование при сохранении фундаментального характера должно включать новые формы и технологии. Это будет обеспечивать не только устойчивость знания, но и его синхронизацию с темпами развития общества и науки. Основная задача образования должна заключаться в формировании у учащихся единой картины мира, включающей в себя не только естественно-научное, но и гуманитарное знание. Важно также получение школьниками навыков самостоятельной работы, овладение умением размышлять и применять свои знания, т.е. речь идет об инновационном сопровождении получения профессиональных знаний. Необходимо формировать у учащихся общие подходы к анализу природных и социальных явлений. Ученик должен понимать, что мир един в своем многообразии, а человек неотделим от природы и социума.

В реальной жизни усилилась динамика социокультурных процессов, усложнилась социальная структура общества, происходит дифференциация общественных отношений и автономизация личности. Общество испытывает потребность в экономически грамотном человеке, который способен сочетать личные интересы с общественными, деловые качества с нравственными. Сегодня необходимым условием любой целесообразной деятельности является экономическая подготовка. Раньше экономические проблемы искусственно отодвигались от человека вплоть до момента создания им своей семьи. Теперь жизнь диктует, чтобы уже младшие школьники осознавали ценность вещей, человеческого труда; умели делать осознанный выбор; знали о назначении денег, о потребностях и ограниченности возможностей их удовлетворения; представляли, как складывается семейный бюджет; ориентировались в ценах на товары и понимали, от чего они зависят. В современном обществе каждый человек сталкивается с необходимостью решения различных экономических проблем: как правильно распорядиться заработанными деньгами, какой выбрать тариф сотовой связи или безлимитного интернета, как воспользоваться материнским капиталом и т.д. От того, насколько грамотно каждый человек решает свою экономическую задачу, зависит качество жизни людей в обществе. Уровень экономических знаний у населения невысок, потому что в школьном курсе нет экономики.

Поскольку все социокультурные процессы стали не просто более динамичными и взаимозависимыми, а характеризуются быстротой изменения обстановки и интенсивностью воздействия на среду, новые модели образования должны основываться на создании единого учебно-научного пространства. Опора на нелинейную динамику (синергетику) как науку о сложных, самоорганизующихся системах позволит новому образованию соответствовать темпам развития науки и самой жизни. Синергетика опирается на сходство математических моделей, игнорируя различную природу описываемых ими систем. Одним из разделов синергетики является физика автоматизированных сред и протекающих в них автоволновых процессов. Эти процессы происходят в любых открытых системах (биологических, физических, социальных), то есть в системах, далеких от термодинамического равновесия. Будучи интегрированной наукой, синергетика глубоко изменяет мировоззрение. Возникает качественно иная, отличная от классической науки картина. На первый план выходит целостность мироздания, общность законов естественных

(физика) и гуманитарных (экономика) наук. Синергетика придает новый импульс обсуждению проблем случайности и детерминизма, хаоса и порядка, потенциального (непроявленного) и актуального (проявленного), части и целого.

Интегрированное обучение призвано отразить интеграцию научного знания, объективно происходящую в обществе. Фундаментальные школьные курсы интегрировать не представляется возможным. Но в рамках учебного плана существует возможность апробации нового знания – это введение новых элективных курсов. Элективные курсы – это новейший механизм актуализации и индивидуализации процесса обучения.

Насущным является введение в учебный процесс образовательных учреждений интегрированного элективного курса «Современная физика и экономика». Демонстрация общности законов физики и экономики также работает на познавательный интерес, так как учащимся, которым интересна экономика, будет интересно узнать, что физика может дать экономистам, а учащимся, увлекающимся физикой, будет интересно посмотреть, как законы природы проявляют себя в экономической сфере.

Современное развитие наук характеризуется тем, что физическая наука не только развивает традиционные системные взаимосвязи с естественными науками, но и формирует перспективное сотрудничество с науками гуманитарными, например экономикой. Все это позволяет по-новому взглянуть на мотивацию преподавания физики не только в университетском курсе, но и в школьном; выстраивает систему инновационного образования всех уровней.

Под «экономической физикой», или «эконофизикой», начиная с первой научной конференции 1997 г. («Workshop on econophysics», Будапешт) и с первой опубликованной книги на эту тему (Mantegna, R. N. An Introduction to Econophysics / R. N. Mantegna, H. E. Stanley. – Cambridge, 2000), понимается применение законов и идеологии физической науки в экономике [1]. При этом речь, безусловно, не идет о сведении законов экономики к законам физики, а лишь подчеркивается их общий природный фундамент, который на уровне аксиом присутствует в экономике. Роль существующих общеприродных универсальных принципов легче всего продемонстрировать, пользуясь именно физическими методами. Так, в 2007 г. в экономико-аналитическом институте при МИФИ в качестве учебного пособия был издан сборник трудов «Эконофизика», в котором отражена важная роль взаимодействия современной физики и экономики. Академиком РАН В. П. Масловым (МГУ им. М. В. Ломоносова) подчеркивается: «...Оказалось, что при выполнении нескольких естественных аксиом для доходов существует единственное семейство нелинейных сложений и, кроме того, денежные купюры подчиняются квантовой статистике Бозе–Эйнштейна, поэтому целый ряд законов квантовой жидкости оказался близок к законам «финансовым». С другой стороны, математическое объяснение известных эффектов в экономике (дефолт, пробой курса акций) проливает свет на эффекты в квантовой теории жидкости (например, эффект фонтанирования) и на неизвестный физикам до настоящего времени эффект фазового перехода нулевого рода» [2].

Курс экономической физики пробивает себе дорогу в ряде ведущих российских университетов (МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, МИФИ, РУДН, КазГУ, ОмГУ, СГУ, УлГТУ, Нижегородский филиал ВШЭ ГУ и др.), но практически не затрагивает школьное физическое образование. Исключе-

нием является ряд элективных курсов при МПГУ (В. А. Ильин, Н. С. Пурышева, А. Н. Мансуров) и разработки уроков по нелинейной физике в колледже прикладных наук при Саратовском государственном университете.

Одним из направлений модернизации российского образования является введение профильного обучения на старшей школьной ступени, поэтому важно помочь учащимся средней школы сделать осознанный выбор дальнейшей образовательной траектории. Целью данной статьи является показать, как через разработанный интегрированный курс по выбору «Современная физика и экономика» можно увидеть общность законов естественно-научного и гуманитарного знания, следствием чего будет повышение мотивации девятиклассников к изучению физики. Предлагаемый курс по выбору позволяет также исправить существующую диспропорцию в образовании и помогает по-новому взглянуть на уникальные возможности современной физики.

Методика преподавания интегрированного курса по выбору «Современная физика и экономика»

Данный курс предназначен для учащихся 9-х классов общеобразовательных школ, лицеев и гимназий, желающих научиться самостоятельно применять знания по современной физике. Небольшой объем курса (16 часов) позволяет встраивать его как модуль в систему предпрофильной подготовки образовательных учреждений.

Интегративность курса позволяет показать учащимся универсальный характер естественно-научной деятельности, способствует устранению психологических барьеров, мешающих школьникам видеть общее в разных областях знания и осваивать новые сферы деятельности.

Курс построен с опорой на знания и умения учащихся, приобретенные при изучении физики в 7–9-х классах. Школьники знакомятся с особенностями использования достижений современной физики для моделирования сложных социально-экономических систем с помощью компьютерных демонстраций и на материале достаточно простых и увлекательных аналогий междисциплинарного содержания (обществознание, биология, геометрия, алгебра). В курсе даются сведения о достижениях и методах современной физики (физики мезоскопической, нелинейной, с элементами теории хаоса и теории сложности и т.д.), которые полезны не только будущим физикам, конструкторам, но и тем людям, которые планируют заниматься экономической деятельностью. На занятиях учащиеся узнают о роли физики в гуманитарном образовании, о едином природном фундаменте как естественных, так и гуманитарных наук. Это окажет влияние на формирование у школьников мотивации к изучению физики и поможет им в осознанном выборе профиля дальнейшего обучения.

На занятиях по курсу учащиеся знакомятся с такими принципами и понятиями, как «принцип наименьшего действия», «принцип наименьшего необходимого принуждения», «принцип природного подобия и самоподобия», «масштабная инвариантность», «принцип максимального промедления потери устойчивости», «универсальная фликкер-шумовая динамика», связанная с механизмом явления самоорганизованной критичности. Учителю необходимо показать девятикласснику, что физика, являясь естественно-научной дисциплиной, имеет огромное влияние на общественное развитие и тесно связана с социально-экономическими науками.

Место курса: первая и вторая четверти 9-го класса, 16 часов (сдвоенный урок один раз в две недели).

Цели курса:

- 1) формирование у учащихся положительной мотивации к изучению физики;
- 2) расширение кругозора учащихся в областях применения современной физики;
- 3) выявление взаимосвязи физики с различными сферами человеческой деятельности (в частности, экономической);
- 4) развитие научного мировоззрения и мышления;
- 5) создание ориентационной и мотивационной основы для осознанного выбора дальнейшего профиля обучения.

Задачи курса:

- 1) повысить уровень учебной мотивации и улучшить отношение к обычным школьным урокам физики;
- 2) сформировать творческое системное отношение к будущей профессии через стратегию сотрудничества фундаментальных естественных и гуманитарных наук, в том числе современных физики и экономики;
- 3) продемонстрировать необходимость использования достижений современной физики для экономистов и управленцев.

Особенности курса

1. *Межпредметный характер.* Интегрированный курс поддерживает изучение базового учебного курса «Физика» и отчасти курсов «Обществознание», «Биология», «Геометрия», «Алгебра». Способствует развитию общеучебных, интеллектуальных и профессиональных навыков учащихся, формирует целостную картину мира.

2. *Сочетание разных методов обучения.* В курсе рассматриваются различные междисциплинарные связи, расширяющие рамки действующих программ и учебников для общеобразовательных школ, поэтому при таком подходе гармонично сочетаются разнообразные методы обучения, используемые на стыке предметов: лекция и беседа, объяснение и управление самостоятельной работой учащихся, наблюдение и опыт, использование проблемного изложения материала урока.

3. *Использование в содержании курса материалов и достижений современной физики.* Проблема включения в содержание курса материала о последних достижениях современной физики сама по себе не нова. Основной вопрос, который возникает перед методистами и педагогами: как обеспечить доступность этого сложного материала для девятиклассников? Широкое использование аналогий междисциплинарного характера и применение метода моделирования является решением этого вопроса. Помимо аналогий, учащимся предлагаются для изучения модели физических явлений и процессов в готовом виде.

4. *Использование инновационных средств обучения.* Инновационным в предлагаемом курсе является применение в учебном процессе натуральных и компьютерных моделей физических и экономических процессов и явлений; использование электронных демонстраций и презентаций к каждому уроку; работа с электронным приложением, которое записано на отдельных компакт-дисках и раздается каждому ученику.

5. *Применение структурно-логических блок-схем, систематизирующих учебное содержание курса.* Разработанные к каждому занятию курса структурно-логические блок-схемы являются материалом сопровождающего характера. Они могут использоваться учителем при обобщении изученного материала и учащимися для систематизации полученных знаний или как краткие опорные конспекты.

Критерии отбора содержания курса

1. *Соответствие дидактическим принципам. Сочетание научности и доступности.* Излагается материал о новейших достижениях современной физики на простых и доступных аналогиях, примерах, моделях и демонстрациях. Содержание курса отвечает принципу – от простого к сложному: от приобретения новых умений и навыков в физике к их творческому применению в нефизических областях.

2. *Наглядность.* Используются лабораторные работы, демонстрации (компьютерные и натурные модели), позволяющие представить процессы, которые изучают современные физика и экономика.

3. *Опора на содержание основного курса физики.* Материал уроков построен с опорой на знания и умения учащихся, приобретенные при изучении физики в 7–9-х классах, дает возможность научиться проводить аналогии, строить модели, что дополняет школьный курс физики и создает условия для его дальнейшего успешного изучения.

4. *Отражение актуальных проблем науки, техники и прогресса человечества в целом.* В содержании курса по выбору изложен материал о таких достижениях современной физики, как квантовый хаос, механизм спонтанного нарушения симметрии, предел стохастичности, которые применяются и в современной экономике.

5. *Увлекательность, эмоциональность воздействия на учащихся.* Материал уроков сам по себе необычен, это вызывает эмоциональное восприятие подаваемого материала и стойкий познавательный интерес у учащихся.

6. *Мотивирование учащихся к дальнейшему самостоятельному изучению некоторых вопросов курса.* Для более глубокой проработки некоторых разделов курса по выбору учащимся предлагается список тем рефератов, которые они должны подготовить к окончанию изучения курса.

Используемые лабораторные работы:

- машина катастроф К. Зимана (натурная и компьютерная модели);
- явление самоорганизованной критичности (кучи песка с хаотическим сигналом) (натурная и компьютерная модели);
- фрактальный рост (натурная и компьютерная модели);
- бифуркация в модели «капли», подтекающий кран (натурная и компьютерная модели);
- бильярд Я. Г. Синая (натурная и компьютерная модели).

Основными *методами обучения*, применяемыми в проведении курса по выбору, являются объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, эвристический и проблемное изложение. В качестве средств обучения учитель использует устное слово, натурные и компьютерные модели, компьютер, проектор, электронное приложение к курсу, дидактический материал в формате html, в котором есть гиперссылки, электронные демонстрации, презентации курса и уроков в формате ppt, структурно-логические блок-схемы к урокам.

Рекомендуемые формы организации учебного процесса – смешанный урок (сочетание урока-лекции и урока – эвристической беседы), работа с литературой, демонстрационный и домашний эксперимент, урок – лабораторная работа, натурный и компьютерный эксперимент, которые нацелены на формирование мотивации учащихся к изучению физики и их подготовку к выбору профиля обучения.

Таблица 1

Учебно-тематическое планирование курса по выбору
«Современная физика и экономика»

Тема	Кол-во часов
1. Введение. Универсальные природные закономерности. Их роль в современной физике и современной экономике	2
2. Принцип наименьшего действия в физике и экономике. Модель потенциальной функции рынка. Универсальность гексагональной геометрии природных структур как следствие принципа наименьшего действия	2
3. Принцип наименьшего (необходимого) принуждения. Симметричный анализ в физике и экономике. Механизм спонтанного нарушения симметрии. Перспективы его применимости для экономических моделей	2
4. Элементы теории катастроф. Применимость к экономическим моделям. Математическая теория перестроек	2
5. Устойчивость в природе и экономике. Геометрия и динамика хаоса. Фликкер-шум. Модель подтекающего крана, бильярд Я. Г. Синая, газ Лоренца	2
6. Фракталы в природе и экономике. Фрактальный рост. Перколяция	2
7. Предел стохастичности. «Золотое сечение». Принцип природного подобия и самоподобия, инвариантность в природе и экономике. Явление самоорганизованной критичности. Положительные и отрицательные обратные связи в физике и экономике	2
8. Заключение. Перспективы развития и сотрудничества современной физики и современной экономики	2

Одной из важнейших составляющих методической системы формирования положительной мотивации девятиклассников к изучению физики является организация их *самостоятельной работы*. Она призвана достичь развития у школьников не только теоретического мышления, но и умений целеполагания и целедостижения, что является главным при осознанном выборе дальнейшей образовательной траектории (профиля обучения), помогает проявить свои интересы и способности, а также осознанно подойти к выбору желаемого профиля дальнейшего обучения.

Основными видами самостоятельной деятельности учащихся являются подготовка и защита рефератов по предложенным темам и нахождение ответов на проблемные вопросы, заданные учителем на уроке, выполнение домашнего эксперимента.

После изучения данного курса учащиеся должны *знать*:

– сведения о достижениях и методах современной физики (физики мезоскопической, нелинейной, с элементами теории хаоса и теории сложности и т.д.);

– что такое экономфизика и почему важно иметь представление об этом предмете современному школьнику.

Учащиеся должны *уметь*:

– творчески, системно подходить к решению проблем различного уровня сложности;

– использовать универсальные природные закономерности в образовательном и самообразовательном процессах по различным предметам как естественно-научного, так и гуманитарного циклов.

Контроль эффективности реализации предлагаемой методики преподавания проводится на уроках, где учитель фиксирует уровень активности и интереса учащихся, количество и качество творческих работ, вид сформированной мотивации учащихся. Данный контроль проводится в виде анкет, бесед, дискуссий и наблюдения.

Заключение

В декабре 2010 г. после успешной апробации курса было издано учебно-методическое пособие «Современная физика и экономика: курс по выбору», предназначенное для учителей физики общеобразовательных школ, гимназий, лицеев и студентов педагогических вузов. Издание является частью учебно-методического комплекта интегрированного курса по выбору, который состоит из программы, учебно-методического пособия для учителя и электронного приложения. В пособии обсуждаются теоретические вопросы, непосредственно связанные с материалом учебного курса. Основное внимание уделяется методическим рекомендациям для педагогов по проведению занятий, выполнению лабораторных работ и домашних экспериментов.

Разработанные материалы могут быть использованы не только учителями для включения выборочных разделов в обычные уроки физики, но и школьниками для закрепления изученных тем и более глубокого изучения предмета.

Успешное внедрение в учебный процесс образовательных учреждений г. Пензы разработанного интегрированного курса «Современная физика и экономика» позволяет сделать вывод о том, что учебно-методический комплект к курсу и оригинальная методика его преподавания способствуют формированию положительной мотивации девятиклассников к изучению физики. Через преподавание этого курса на примере рассмотрения физических процессов и явлений мы показываем учащимся идеи, как можно решить экономические проблемы, помогаем им осознать связь физики как естественной науки и экономики как гуманитарной области знания. Получаемые образовательные результаты очень важны, и они же способствуют осознанному самоопределению учащихся при выборе дальнейшей образовательной траектории (профиля обучения).

Список литературы

1. **Afanasyev, V.** Anomalous fluctuations in the dynamics of complex systems: from DNA and physiology to econophysics. Proceedings of 1995 Calcutta Conference on Dynamics of Complex Systems / V. Afanasyev, H. E. Stanley // Physica. – 1996. – V. 224. – P. 302–321.
2. **Маслов, В. П.** Квантовая экономика / В. П. Маслов. – М. : Наука, 2005.

Лобачева Екатерина Юрьевна

соискатель, Московский педагогический
государственный университет
им. В. И. Ленина

E-mail: daizy_cool@mail.ru

Lobachova Ekaterina Yuryevna

applicant, Moscow Pedagogical
State University named after V. I. Lenin

УДК 371.124:53

Лобачева, Е. Ю.

Интегрированный курс «Современная физика и экономика» как средство единства естественно-научного и гуманитарного знания / Е. Ю. Лобачева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 158–166.

ПРИНЦИПЫ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы реализации принципов этнонационального воспитания в процессе преподавания истории и обществознания в современной российской общеобразовательной школе.

Ключевые слова: принципы воспитания, этнонациональное воспитание, принципы этнонационального воспитания, реализация принципов этнонационального воспитания в процессе преподавания истории и обществознания.

Abstract. The article is devoted to the research of a problem of ethnonational education principles realization in the course of teaching history and social science in a modern Russian comprehensive school.

Key words: education principles, ethnonational education, principles of ethnonational education, ethnonational education principles realization in the course of history and social science teaching.

Как показывают современная педагогическая наука и практика образовательно-воспитательной деятельности, и воспитательный процесс в целом, и этнонациональная его составляющая невозможны без выработки, а также последовательной реализации принципов воспитания. Мы понимаем смысл *современного этнонационального воспитания как сложный и многоуровневый перманентный процесс овладения учащимися знаниями, чувствами и мировоззренческими установками, формирование у них соответствующей компетентности применительно к «своей» и «другим» этнокультурам, конфессиям и расам; это процесс системного усвоения созданных человеческой цивилизацией ценностей и правовых норм позитивного межэтнического и межкультурного взаимодействия, формирование прочных установок согласия, толерантности и мира.*

В отечественной педагогической науке существует определенная разногласия как в определении их сущности, так и – особенно – в количественном и качественном описании принципов воспитания. Как, например, хорошо показало исследование принципов воспитания, проведенное в одной из новейших работ по педагогике начального образования В. С. Кукушиным и А. В. Болдыревой-Вараксиной, только за 1980-е – первую половину 1990-х гг. в отечественной науке было сформулировано около десяти вариантов выделения принципов воспитания, предлагающих от четырех их составляющих по Ф. Савину (1991) до двенадцати по Ю. К. Бабанскому (1983) [1, с. 203–204]. Анализ специальной и учебной литературы, изданной на сегодняшний день с середины 1990-х гг., показывает, что диверсификация в определении смысла и основных направлений принципов воспитания за последнее десятилетие не только не уменьшилась, но и возросла. Нам представляется наиболее удачной дефиниция, предлагаемая Н. М. Борытко, И. А. Соловцовой и А. М. Байбаковой, которые считают, что «принципы воспитания логически вытекают из законов воспитания. Педагогический принцип – это своеобразный мостик из педагогической науки в педагогическую практику. С одной стороны, прин-

ципы обусловлены законами воспитания, проистекают из целей и природы воспитания, с другой – зависят от профессиональной позиции педагога. Ведь принцип выступает как внутреннее, добровольно принятое убеждение педагога, та идея, которую он свободно избрал как руководящую для своей деятельности» [2, с. 23]. В отдельных дефинициях специально акцентируется внимание на том, что педагогические принципы имеют существенное субъективное содержание, так как зависят от профессиональной позиции педагога, избравшего эти принципы в качестве основополагающих. В этом смысле мы принципиально согласны с позицией В. В. Воронова, который утверждает, что «принципы, будучи системой ведущих идей, требований к процессу воспитания, не только отражают законы и формулируются на их основе, но могут быть результатом педагогической воли, выбора тех, а не других принципов. Анализ и отбор принципов обучения и воспитания, акцент на каких-то определенных из них, переосмысление их содержания – это живой научно-педагогический и практический, социокультурный процесс, выражение той или иной концепции, парадигмы воспитания» [3, с. 92].

Если анализировать работы современных российских авторов в области этнонационального воспитания с точки зрения выделяемых ими принципов, то здесь на имеющуюся уже диверсификацию смысла и содержания понятия «воспитание» на общепедагогическом уровне накладываются особенности восприятия этими авторами сущности этнонационального воспитания. Одновременно очень большую роль в данной группе подходов играет авторская позиция специалистов, разрабатывающих тот или иной аспект педагогики этничности. Так, например, Ф. Ф. Харисов предлагает двухуровневое распределение педагогических принципов этнонационального воспитания, относя к первому уровню пять воспитательных императивов, а ко второму – восемь, в основном имеющих отношение к процессу интеграции национальной культуры и учебно-воспитательного процесса [4, с. 31–35]. Специалист в области педагогики культуры межнационального общения З. Т. Гасанов, разработавший авторскую концептуальную модель применительно к этой проблеме, выдвинул в качестве принципов ее реализации двадцать два положения на трех страницах текста, предложив модель, которая отличается, наряду с громоздкостью, наличием в ней самых разноуровневых и разнозначимых принципов [5, с. 154–155].

Как показывает сравнительный анализ специальных работ по проблеме этнонационального воспитания, перед данным направлением педагогической теории и практики стоит не задача формулировки большого количества принципов, а необходимость их систематизации и структурализации, т.е. тех научно-теоретических действий, которые уже довольно успешно проводятся в отечественной науке применительно к проблеме принципов воспитания в целом. Как мы отмечали выше, в различных отечественных изданиях предлагаются оригинальные способы систематизации воспитательных принципов, в том числе – распределение их по отдельным группам и выделение различных уровней. Причем в качестве критериев выделения в отдельные группы входят различные функциональные характеристики. Например, критериями выделения тех или иных групп воспитательных принципов избираются требования к различным элементам воспитательного процесса: у В. А. Сластенина – это организационные основы педагогической деятельности, т.е. в значительной степени ее субъективные аспекты, связанные с ответной характери-

стикой, и управленческий фактор воздействия на воспитуемых [6, с. 174–185]; у А. А. Леонтьева группа принципов воспитания структурируется в зависимости от направленности на те или иные объекты воспитания – на саму личность, на культурную среду и на деятельностные показатели [7, с. 20–25]. Наконец, у В. В. Воронова в качестве основных ориентиров группировки предлагается отношение к самому педагогическому процессу, к технологиям воспитательной работы и к социально-психологическим условиям наиболее эффективного ее осуществления [3, с. 96–97].

На наш взгляд, применительно к системе этнонационального воспитания целесообразно выделение, с одной стороны, уровневой организации воспитательных принципов, а с другой, уже на втором, более низком уровне, – двух основных групп. Педагогические принципы первого уровня, применительно к этнонациональному воспитанию, во многом сочетаются с общими, классическими принципами педагогической деятельности, но с акцентом лишь на избранный в данном случае предмет – гармоничное этнонациональное сознание личности. Этот уровень, к которому мы относим тринадцать следующих принципов, может постоянно добираться и дополняться, в зависимости от эволюции этнонационального процесса в целом: принцип гуманизма, научности, культуросообразности, природосообразности, дифференциации, незавершенности, дополнительности; принцип этнокультурной и поликультурной комплексности, связи с жизнью; принцип опоры на положительное, диалогичности; принцип учета половозрастных и индивидуальных особенностей; принцип поведенческой реализации полученных знаний, умений, навыков.

В связи с тем что большинство воспитательных принципов, отнесенных нами к первому уровню этнонациональной педагогики, хорошо описаны и подробно рассмотрены в многочисленных публикациях, мы не останавливаемся на их специальной характеристике. Подчеркнем лишь то, что эти принципы, обладающие классическим содержанием, т.е. характерные в основном для большинства видов воспитательной деятельности, в условиях этнонационального воспитания приобретают некоторые специфические формы проявления. Например, если говорить о *принципе научности*, который является ведущим ориентиром при приведении содержания образования и воспитания в соответствие с уровнем развития науки и техники, с опытом, накопленным мировой цивилизацией, с точки зрения этнонационального воспитания обязательно должен основываться на новейших достижениях современной науки в области осмысления этничности, на достаточно проверенных и устоявшихся концепциях этногенеза, этнической истории и межэтнического взаимодействия народов.

По-видимому, специфическим и очень важным для этнонационального воспитания выступает выделенный нами на первом уровне *принцип этнокультурной и поликультурной компетентности*. Исходя в значительной степени из хорошо известного в науке принципа культуросообразности, принцип этнокультурной и поликультурной компетентности основывается на требовании к воспитательному процессу отразить и усвоить многообразие различных этнокультурных компонентов в современном обществе, создать условия для формирования межкультурной и межэтнической толерантности воспитанника. При этом обязательным уровнем реализации данного принципа выступает не только организация этнокультурного воспитательно-образо-

вательного процесса, но и высокий уровень соответствующей компетентности, профессионализма педагога.

Наибольшую теоретическую трудность проблемы выделения второго уровня принципов этнонационального воспитания представляет собой задача их групповой систематизации. Наиболее продуктивным выступает в этом смысле выделение двух групп принципов, одна из которых сосредоточена на формулировке требований к организации учебно-воспитательного процесса, методов и технологий воспитательного воздействия, а другая – формирует императивы по отношению к личности воспитуемого, предполагающие комплексное и системное гармоничное этнонациональное воспитание непосредственно самого учащегося, в том числе с точки зрения формирования эмоционально-психологической, информационно-интеллектуальной и поведенческой составляющих личности. К этой второй группе относятся также принципы, обеспечивающие позитивное этнонациональное воспитание в различных сферах педагогической жизнедеятельности (учебная, внеурочная, семейная) и с различных дисциплинарных направлений (точные, естественно-научные, биологические, гуманитарные, обществоведческие и т.д.) дисциплины.

К первой группе второго уровня выделенных нами принципов этнонационального воспитания мы относим: необходимость комплексного взаимодействия средств воспитательного воздействия на эмоционально-психическую, информационно-познавательную и мировоззренческо-поведенческую компоненты этнонационального самосознания личности; обязательный и постоянный учет этнонационального фактора воспитания личности во всех сферах (учебной, внеклассной, производственной и общественной) жизнедеятельности обучающегося и с позиции различных учебных дисциплин; принцип обязательного единства в воспитании национального самосознания и межнациональной толерантности; принцип учета конкретных историко-региональных и местных особенностей взаимодействия народов; принцип преемственности в воспитательной деятельности на основе четкой последовательности уровня и направлений выраженности этнонационального самосознания обучаемого; принцип сохранения единства в этнонациональном воспитании федерального, макрорегионального (Поволжье, Северный Кавказ и т.д.) и регионального (республики, области, края и т.д.) образовательно-воспитательного пространства; принцип единства и тесного взаимодействия этнонационального, гражданского, патриотического и нравственного воспитания в ходе осуществления педагогической деятельности; принцип равноправия и ненасилия в реализации языкового аспекта этнонационального воспитания; принцип формирования компетентности обучаемых в области этнонационального развития; принцип разрушения негативных представлений и оценок своей и других национальностей (авто- и гетеростереотипов).

Ко второй условно выделенной нами группе принципов этнонациональной педагогики, на наш взгляд, относятся: принцип учета конкретного уровня развития и выраженности национального самосознания каждого учащегося; принцип противодействия и аргументированной критики (с показом их негативных проявлений) – ксенофобии, сепаратизма, расизма и агрессивного национализма; принцип формирования в сознании обучающегося приоритета права (закона), а не политической целесообразности при решении проблем этнонационального развития; принцип формирования в сознании школьников способов предотвращения и методов ненасильственного, мирно-

го разрешения межэтнических противоречий и конфликтов; принцип формирования в сознании обучающихся навыков и умений по прогнозированию и проектированию возможных направлений этнонационального развития и межэтнического взаимодействия; принцип мультикультурализма и формирования культуры мира в сознании учащихся.

Исходя из того, что воспитательные принципы первого уровня в нашем случае распространяют свое влияние на реализацию принципов второго уровня и в этом смысле формируют педагогическое воздействие «сетевое» характера, необходимо кратко описать содержание выделенных нами принципов этнонационального воспитания второго уровня. Тем более, что, как мы отмечали выше, содержательная часть выделяемых принципов первого уровня довольно хорошо и подробно описана в имеющихся по этой проблеме публикациях.

В качестве первого принципа соответствующей группы воспитательных положений второго уровня предлагается *необходимость комплексного взаимодействия средств воспитательного воздействия на эмоционально-психологическую, информационно-познавательную и мировоззренческо-поведенческую компоненты этнонационального самосознания личности*. Смысл этого принципа заключается в том, что для осуществления гармоничного этнонационального воспитания необходимо последовательное и постоянное воздействие на все элементы этнонациональной идентичности, имеющей, по данным современной науки, три составляющие: эмоциональную, информационную и мировоззренческую. При этом гипертрофированное развитие одного из элементов этнонационального самосознания в ущерб другим приводит, с одной стороны, к соответствующей дисгармонии в этническом самоопределении обучающегося, с другой стороны – может полностью ликвидировать достижения в развитии целостности самосознания личности, делая усилия, предпринятые в той или иной сфере, бесполезными. Так, например, это подтверждают и результаты наших экспериментальных исследований. Преобладание в воспитании эмоционально-оценочных суждений о «своем» и «других» народах при осуществлении учебно-воспитательной деятельности, недостаток информационно-познавательных положений, конкретных исторических и обществоведческих знаний приводят в конце концов к формированию на уровне мировоззрения, и тем более поведения, различных, ксенофобских, агрессивно-националистических и других интолерантных императивов.

Рассматриваемый принцип проявляется также в необходимости поэтапного педагогического воздействия на соответствующие сферы этнонационального самосознания учащихся, в зависимости от доминирования в различные периоды взросления, от соответствующей социализации [8, с. 74–81].

Второй принцип первой группы мы предлагаем в виде *обязательного и постоянного учета этнонационального фактора воспитания личности во всех сферах (учебной, внеклассной, производственной и общественной) жизнедеятельности обучающегося и с позиций различных учебных дисциплин*. В этом смысле выделяемый нами второй принцип этнонационального воспитания выступает как своего рода логическое продолжение первого принципа. Действительно, эффективное этнонациональное воспитание возможно только в случае воздействия на все составляющие этнонационального самосознания личности и с позиции изучения всех основных научных дисциплин. Несмотря на то, что основную смысловую нагрузку в этом смысле несут предметы гу-

манитарного, и прежде всего обществоведческого, цикла, значительный потенциал этнонациональной педагогики заложен и в ходе изучения естественнонаучных дисциплин. Весьма продуктивным в этом смысле выступает, например, подход, когда школьники при изучении математики узнают о том, что целый исторический период (на протяжении нескольких столетий) в развитии этой науки, открытие многочисленных теорем, закономерностей непосредственно связаны с арабским Востоком, который, к сожалению, представляется часто во многих сочинениях отсталой окраиной человеческой цивилизации. Доказательством этому служит хотя бы то, что весь мир до сих пор пользуется именно арабскими цифрами. При изучении химии, физики и других точных наук необходимо совершать экскурсии, доказывающие, что, например, изобретение пороха, бумаги, фаянса и фарфора, т.е. того, без чего мы не мыслим современную жизнь, было произведено еще в историческом прошлом в Древнем Китае. Естественно, что в ходе изучения литературы, географии и особенно истории влияние самых разнообразных этнокультур на современные достижения человеческой цивилизации должно быть представлено наиболее наглядно, в том числе – выдающихся литературных, художественных и архитектурных памятников, особых стилей и классических произведений.

Третьим важным принципом эффективной этнонациональной педагогики является *принцип обязательного единства в воспитании национального самосознания и межэтнической толерантности*, который выражается, в том числе в неразрывном единстве, при подаче информационных материалов, национального и общечеловеческого в современной цивилизации. Наш концептуальный подход, как известно, исходит из того, что межэтническая толерантность выступает как своеобразное логическое продолжение, имманентное составляющее позитивного, гармонично развитого этнонационального самосознания. Именно поэтому на всех этапах воспитательного воздействия и во всех его предметных формах этнической идентичности необходимо осуществлять генерирование идей толерантного, терпимого отношения к иноэтническим, инокультурным и иноконфессиональным явлениям.

Четвертый выдвигаемый нами *принцип учета конкретных историко-региональных и местных особенностей взаимодействия народов* выражается в том, что и на широком историческом отрезке, и в современных условиях процесс взаимодействия народов, даже при наличии некоторых подобных элементов, не может иметь полностью прецедентного характера. Именно поэтому изучение истории и современного состояния взаимодействия народов должно обязательно исходить из осмысления конкретных социально значимых условий, происходящих иногда и в форме симбиоза, и в форме конфронтации, и в форме взаимопоглощения. В целом с точки зрения преобладающего направления взаимодействия народов, существующих на сегодняшний день, оно имело позитивный характер (иначе мы могли бы говорить об их существовании), но применительно к отдельным народам, а также к отдельным региональным сообществам история демонстрирует нам различное соотношение позитивного и негативного, толерантного и интолерантного, взаимопроникновения и взаимоуничтожения. Довольно существенно различается в этом смысле, например, история вхождения Урало-Поволжских народов в состав России и противоречивый процесс покорения Кавказа, освоение Сибири и продвижение русского многонационального государства на Запад [9, с. 48].

Принцип преемственности в воспитательной деятельности на основе четкой последовательности учета уровня и направлений выраженности этнонационального самосознания обучаемого подразумевает необходимость выбора методов и средств педагогического воздействия, учитывающего, с одной стороны, так сказать, степень «зрелости» этнической идентичности, с другой – ее преобладающих тенденций, т.е. того, что в данных конкретных условиях преобладает в ней (чувственная, информационно-количественная или поведенческая составляющие) и какие формы ее проявления доминируют. Например, воспитывающее воздействие на сложившегося уже агрессивного националиста совершенно неприменимо в основном к толерантно мыслящему учащемуся. И наоборот: методики, эффективные по отношению к этнонигилисту, этническому маргиналу, абсолютно бесполезны и даже вредны по отношению к человеку с ярко выраженной этноцентричной ориентацией.

Следующий *принцип сохранения единства в этнонациональном воспитании федерального, макрорегионального и регионального образовательно-воспитательного пространства* должен обеспечиваться прежде всего тем, что этнонациональная педагогика не может ограничиваться какой-то конкретной, иногда очень небольшой территорией, тем более – рамками современных административных образований. Большинство этнических общностей нашей страны расселены экстерриториально в рамках особых макрорегионов, которые этнографы называют историко-этнографическими областями. Так, только 25 % российских татар проживает в республике, где они являются титульным народом в Татарстане. Остальная часть этого народа проживает в основном в рамках Волго-Уральского макрорегиона и в крупнейших российских городах. Поэтому попытка при осмыслении этногенеза и этнической истории татар выделить их в отдельные «областные» (пензенские, уфимские и т.д.), субэтнические (тептяри, мишари и т.д.) и этноконфессиональные (кряшены, нагайбаки и т.д.) группы приводит к искажению гармоничного этнонационального воспитания. То есть создается ситуация, когда учащийся, акцентирующий свое внимание на «отдельных деревьях», не видит «всего леса» этногенеза народов. Вместе с тем в нашей стране имеются макрорегионы, которые, несмотря на чрезвычайно полиэтничный состав населения, обладают во многом общими характеристиками этнопространственного развития. Эти тенденции, наиболее ярко проявляющиеся, например, на Северном Кавказе, нельзя не учитывать в ходе этнонационального воспитания. В данном случае повторяется ситуация, когда увлечение этногенезом отдельных народов приводит учащегося к недооценке этнического взаимовлияния в очень сходных природно-ареальных условиях.

Принцип единства и тесного взаимодействия этнонационального, гражданского, патриотического и нравственного воспитания в ходе осуществления педагогической деятельности основан на том, что во многом современное, соответствующее духу эпохи этнонациональное воспитание по своим целям и задачам в значительной степени сочетается с гражданским и патриотическим. Во-первых, воспитание истинного патриота невозможно без воспитания любви к своему народу, культуре, традициям и обычаям, к малой Родине, т.е. к тому, что составляет в значительной степени сущность этнонационального сознания. Во-вторых, современная педагогика этнонационального сознания невозможна без формирования гражданственности, ощущения общей судьбы жителей страны. Не случайно во многих современных передо-

вых странах национальная идентичность рассматривается прежде всего как гражданская, несмотря на сохранение этнических характеристик личности. Наконец, гармоничное этнонациональное воспитание трудно представить без нравственной составляющей, без провозглашения приоритета общечеловеческих ценностей и моральных принципов. Кстати, именно такой подход, предполагающий симбиоз этнических, патриотических, гражданских и нравственных ценностей предлагается в общегосударственных целевых программах по соответствующему воспитанию.

Принцип равноправия и ненасилия в реализации языкового аспекта этнонационального воспитания на сегодня в нашей стране является наиболее актуальным и одновременно дискуссионным, в силу наличия различных подходов к осуществлению этнической языковой политики. С одной стороны, значительная группа специалистов, и особенно госчиновников из регионов, настаивает на обязательном изучении языков титульных народов, считая это обязательным условием эффективного этнонационального воспитания. С другой стороны, в силу полиэтничности этих этнонациональных регионов у значительных групп населения, составляющих часто более его половины, возникает естественный протест в ответ на навязывание какого-либо языка вместо изучения родного. Особое противоречие создается между носителями русского языка (русскими и полностью русскоязычными жителями) и требованиями региональных чиновников об обязательном изучении титульного для данного региона языка, в связи с тем, что русский язык признается государственным на всей территории России, а поэтому другая (не русская) языковая компетентность рассматривается как необязательная, и, следовательно, его обязательное, насильственное внедрение в учебный процесс рассматривается как нарушение гражданских прав.

Принцип формирования компетентности обучаемых в области этнонационального воспитания относится к одному из самых «новых», но в то же время востребованных этнопедагогических принципов. Действительно, общая тенденция применения деятельностного подхода в мировой и отечественной педагогике, проявляющаяся к началу XXI в., становится чрезвычайно актуальной для этнонационального воспитания в связи с тем, что на первый план на современном этапе выходит не оптимальный набор знаний, навыков и умений, а уровень компетентности обучаемого, т.е. «...готовности человека к мобилизации знаний, умений и внешних ресурсов для эффективной деятельности в конкретной жизненной ситуации... готовности действовать в ситуации неопределенности» [10, с. 23]. Как показывает педагогическая практика и многочисленные исследования, обширные знания об этнонациональном не всегда создают соответствующие способности обучающегося вести себя адекватно в случае попадания в неординарное для него положение разнообразных межэтнических коллизий, особенно – в аналогичной ситуации в будущем. В этом случае важнейшее значение приобретает умение учащегося, на основе имеющихся уже знаний, сформулировать оригинальный подход, решить не встречавшуюся ранее задачу.

Принцип разрушения негативных представлений и оценок своей и других национальностей (авто- и гетеростереотипы). Основой этого разрушения, по нашему мнению, является расширение теоретико-информационной базы знаний о национальном. Пока же данная проблема, не оцененная в отечественной педагогике должным образом, выступает одним из основных пре-

пятствий для формирования у учащихся межнациональной толерантности. Например, результаты нашего исследования городских школ Башкортостана показали, что 24,8 % старшеклассников испытывают неприязнь к представителям некоторых национальностей, и только 61,3 % опрошенных неприязни не испытывают. То есть потенциал негативного отношения к другим этническим группам у городских старшеклассников Башкортостана достаточно высок.

Ко второй группе принципов этнонационального воспитания, как мы отметили выше, относятся такие, как *принцип учета конкретного уровня развития и выраженности национального самосознания каждого учащегося*. Дело в том, что тот или иной учащийся, в том числе различной национальности, не поступает в школьную педагогическую лабораторию с так сказать «нулевым» этническим самосознанием, и работа по национальному воспитанию не начинается «с чистого листа». Поэтому формирование гармонично развитого комплекса этнической идентичности и толерантности должно обязательно опираться на изучение информационно-поведенческой основы национального самосознания, имеющейся на конкретный момент. В этом смысле, например, результаты наших исследований, подтвержденные некоторыми другими опросами, показывают, что у старшеклассников разных национальностей существенно различается уровень выраженности этнической самоидентификации: например, у башкир он значительно выше, чем у других этнических групп. В то же время результаты нашего исследования демонстрируют, что этнонациональное самосознание учащихся Башкортостана ориентировано на различные детерминирующие факторы. Естественно, что подобное своеобразие в этнической самоидентификации учащихся требует соответствующей педагогической оптимизации этого процесса, формирования самосознания, неизбежно существующие различные этнические компоненты которого не противоречили бы друг другу [8, с. 68–69].

Принцип противодействия и аргументированной критики (с показом их негативных проявлений) ксенофобии, сепаратизма, расизма и агрессивного национализма необходим потому, что, наряду с осуществлением позитивного этнонационального воспитания, обязательна характеристика деструктивных и разрушительных по своим последствиям проявлений гипертрофированной этничности. В этом смысле необходима постоянная демонстрация негативных, разрушительных последствий этнической дискриминации и религиозной нетерпимости, сепаратизма, экстремизма и ксенофобии, расизма и чувства превосходства над другими народами. Наиболее действенен в этом смысле показ, на основе исторических примеров, человеконенавистнического, бесперспективного характера агрессивных форм этнонационального сознания.

Принцип формирования в сознании обучающегося приоритета права (закона), а не политической целесообразности при решении проблем этнонационального развития основывается на необходимости формирования высокого уровня правосознания в целом на основе изучения международных правовых документов и нормативно-правовых материалов Российской Федерации, обязательного культивирования в сознании учащихся императивов правового государства, выдвигающих доминирование правовых способов регулирования межэтнических проблем над политическими. Особенно важен иллюстрированный показ того, к каким плачевным, непредсказуемым послед-

ствиям приводили в новейшей истории человечества подходы, при которых, в ущерб международным правовым нормам, реализовалась политическая целесообразность.

Принцип формирования в сознании школьников способов предотвращения и методов ненасильственного, мирного разрешения межэтнических противоречий и конфликтов основывается на воспитании в поведенческой составляющей этнонационального сознания предупреждения и выбора исключительно мирных методов выхода из межэтнических противостояний, по способу «худой мир всегда лучше доброй войны». В случае, когда межэтническое столкновение неизбежно или оно уже началось, позитивная этнонациональная педагогика призвана пропагандировать способы выхода из конфликта без агрессии и взаимного нанесения потерь. Умение увидеть в конфликте вполне управляемый процесс, а не хаотичный кризис, умение найти из него наиболее безболезненный для всех сторон выход должно стать одной из главных воспитательных задач целостной этнонациональной педагогики.

Принцип формирования в сознании обучающихся навыков и умений по прогнозированию и проектированию возможных направлений этнонационального развития и межэтнического взаимодействия заключается в том, что каждому учащемуся необходимо прививать навыки предвидения развития различных направлений этнонационального процесса: и на уровне страны, и в регионе, и в межличностных отношениях. Учащийся должен понимать, что национальный вопрос во всех своих проявлениях – это очень «тонкая материя», неумелое воздействие на которую (иногда даже отдельная фраза, слово-обзывание) может привести к очень сложным и противоречивым последствиям. Именно поэтому реализация данного принципа предполагает необходимость воспитания очень осторожного, максимально бережного отношения к национальной проблеме, в том числе – на уровне обсуждения, очень внимательное отношение к лексике и риторике по этому поводу.

Принцип мультикультурализма и формирования культуры мира, глобального мышления в сознании учащихся – относительно новый для отечественной педагогики, выступает прежде всего как «...принцип, способствующий, во-первых, сохранению и умножению всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов поведения и форм деятельности в образовательных системах; во-вторых, помогающий становлению как культурной идентичности детей, так и пониманию ими культурного разнообразия современных сообществ, неизбежности культурных различий» [11, с. 87]. В западной традиции к основным способам реализации мультикультурной педагогики относят: воспитание эмпатии – способности проникнуться другой культурой, проблемами других людей; воспитание солидарности – защита тех, кто преследуется в обществе и чьи права нарушаются; воспитание уважения к другим культурам – признание многообразия культур и ценности «другого»; воспитание универсализма (в положительном смысле) – преодоление этноцентрических представлений и установок; воспитание гуманистического познания и поведения как высшей ценности человечества, обеспечивающей его выживание [12, с. 105]. Таким образом, мультикультурализм как принцип воспитания получает свое логическое завершение в формировании культуры мира и глобального мышления, исходя из признания равноценности всех этнических и национальных культур и их позитивного воздействия друг на друга.

Список литературы

1. **Кукушин, В. С.** Педагогика начального образования / В. С. Кукушин, А. В. Болдырева-Вараксина. – М. ; Ростов н/Д : МАРТ, 2005. – 592 с.
2. **Борытко, Н. М.** Теория и методика воспитания : учеб. для студентов педагогических вузов / Н. М. Борытко, И. А. Соловцова, А. М. Байбаков. – Волгоград : ВГУ, 2006. – 116 с.
3. **Воронов, В. В.** Воспитание как педагогический процесс / В. В. Воронов // Педагогика : учеб. / под ред. Л. П. Крившенко. – М. : Проспект, 2004. – С. 82–102.
4. **Харисов, Ф. Ф.** Национальная культура и образование / Ф. Ф. Харисов. – М. : Педагогика, 2000. – 272 с.
5. **Гасанов, З. Т.** Педагогика межнационального общения : учеб. пособие для вузов / З. Т. Гасанов. – М. : Б. и., 1999. – 390 с.
6. **Сластенин, В. А.** Педагогика : учеб. пособие для студентов педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – М. : Школа-Пресс, 1998. – 512 с.
7. «Школа-2100». Приоритетные направления развития образовательной программы / под науч. ред. А. А. Леонтьева. – М. : Баласс, 2000. – Вып. 4. – 312 с.
8. **Мубинова, З. Ф.** Педагогика этничности и толерантности: теория, практика, проблемы / З. Ф. Мубинова. – Уфа : БГУ, 2000. – 136 с.
9. **Мубинова, З. Ф.** Поликультурный подход к преподаванию отечественной и этнической истории в российском регионе: проблемы реализации / З. Ф. Мубинова // Преподавание истории в школе. – 2008. – № 8. – С. 47–51.
10. **Сергеев, И. С.** Как реализовать компетентностный подход на уроке и во внеурочной деятельности : практ. пособие / И. С. Сергеев, В. И. Блинов. – М. : Аркти, 2007. – 132 с.
11. **Крылова, Н. Б.** Культурология образования / Н. Б. Крылова. – М. : Народное образование, 2000. – 272 с.
12. **Рахкошкин, А. А.** Открытость образовательного процесса (на примере западноевропейской педагогики) / А. А. Рахкошкин. – Великий Новгород : Изд-во Новгородск. гос. ун-та им. Я. Мудрого, 2005. – 256 с.

Мубинова Зульфия Фаритовна

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра теории и методики начального
образования, Институт педагогики
Башкирского государственного
педагогического университета
имени М. Акмуллы (г. Уфа)

E-mail: mubinovaz@mail.ru

Mubinova Zulfya Faritovna

Candidate of pedagogic sciences,
associate professor, sub-department
of Theory and methodology of elementary
education, Institute of Pedagogy,
Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmully

УДК 373.1.02:372.8

Мубинова, З. Ф.

Принципы этнонационального воспитания в процессе преподавания истории и обществознания в общеобразовательной школе / З. Ф. Мубинова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 167–177.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАДЕЖНОСТИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы организации самостоятельной работы будущих юристов как фактор профессиональной надежности.

Ключевые слова: самостоятельная работа, профессиональная деятельность, профессиональная надежность, инновационный подход.

Abstract. The article considers the organization of unsupervised work of law students as a factor of professional reliability of future lawyers.

Key words: unsupervised work, professional activity, professional reliability, innovation approach.

Система образования – это уникальный социальный институт, призванный не только развивать и приумножать человеческий капитал, но и формировать будущее государства, общества, личности. Особая задача возложена на высшее образование, которое рассматривается сегодня как важнейший элемент развития человеческих ресурсов. Система высшего образования призвана обеспечивать формирование личностного потенциала и развитие разнообразных навыков. На сегодняшнем этапе приоритетным направлением в политике нашего государства является накопление и достойное применение знаний, что обеспечивает нашей стране конкурентоспособность на мировом рынке труда.

Студенту вуза предстоит решать нелегкие задачи в изменяющихся условиях современной действительности. Для этого будущему специалисту в области юриспруденции необходимо обладать не только широким диапазоном фундаментальных знаний, но и умением применять их на практике, используя свой творческий потенциал, осваивать новые технологии и методы и, конечно, обладать навыками самообразования. В быстро изменяющихся условиях современного рынка изменяются и требования, предъявляемые к специалисту высшей школы. Для овладения новыми практическими навыками не всегда требуется длительное обучение. На первый план здесь выходит умение быстро овладевать навыками, которые бы обеспечивали эффективность профессиональной деятельности в изменяющихся условиях. Мы считаем, что, когда студента только наполняют готовыми знаниями, не оставляя времени для обдумывания и освоения, настоящего самостоятельного изучения предмета, это зачастую приносит немного педагогической пользы. И задача вуза не в том, чтобы максимально наполнить голову выпускника готовыми рецептами на все случаи профессиональной жизни, а в том, чтобы заложить фундамент необходимого и достаточного образования, сформировать выпускника как творческую личность, привить ему уважение к знаниям и научить самостоятельно добывать их, что является не единственным, но важным условием формирования профессиональной надежности будущего юриста.

Эти требования становятся своеобразным ориентиром для совершенствования современной системы высшего образования. Наиболее актуальны

ми являются вопросы сообразности развития высшего образования и тех актуальных задач, которые выдвигает перед нами сегодняшний день. Этого невозможно добиться без изменения традиционных подходов к подготовке будущих специалистов, без использования новых моделей и подходов в обучении, тем более лично ориентированного подхода.

Обучение в вузах рассматривается не только как один из этапов профессионального образования, но и как закладывание фундамента профессиональных основ, целью которого является научить обучающихся непрерывно учиться, а значит и саморазвиваться. Все чаще можно наблюдать переход к активным формам обучения через постановку проблемных задач в процессе обучения, поиск разнообразных форм самостоятельной работы студентов.

В отечественной высшей школе, наряду с традиционной, существует и инновационная модель обучения. При использовании традиционной модели преподавателю отводится ведущая роль, а роль обучающихся чаще сводится к впитыванию знаний. При таком способе знания подаются в готовом, «переваренном» виде и используются традиционные формы учебной деятельности, такие как лекции, семинары, а также индивидуальная работа студентов. Такой подход не отвечает в полной мере требованиям современности, ведь становится важным не только объем полученных знаний, но и готовность и умение действовать творчески, находить самостоятельные творческие нестандартные решения, постоянно повышая свой профессиональный и образовательный уровень.

Инновационная модель обучения не отрицает традиционные основы, но она адаптирована под современные требования и базируется на лично ориентированном подходе. При такой модели акцент делается на активную позицию самого обучающегося, использование активных методов и форм обучения (таких как проблемная, игровая и др.), кроме того, особая роль отводится самостоятельной работе студента в период обучения, что находит свое отражение в обоснованном увеличении количества часов, отводимых учебными планами вузов на самостоятельную работу.

Согласно концепции лично ориентированного подхода к исследованию проблем профессиональной подготовки будущих юристов необходимость изучения условий самообразования студентов определяется особенностями личности как будущего специалиста. Существует прямая зависимость между формированием умений самообразования и формированием умений самостоятельной познавательной учебной деятельности. В частности, самообразование и учебные умения и навыки формируются на основе взаимного переноса способов действия в иные условия (перенос учебных умений в область самообразования и наоборот), создают определенные благоприятные условия для развития личности студента как будущего юриста.

Одной из важнейших проблем, стоящих перед высшей школой, как известно, является повышение качества подготовки специалистов. Студент и выпускник высшего учебного заведения должен не только получать знания по предметам программы, овладевать умениями и навыками использования этих знаний, методами исследовательской работы, но и уметь самостоятельно приобретать новые научные сведения. Еще Аристотель говорил, что «голова ученика не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь».

Актуальность данной проблемы обусловлена коренными изменениями в требованиях, которые предъявляет общество к деятельности будущих юри-

стов, к способности выполнять свой профессиональный долг. Необходимость решать ежедневно множество профессиональных задач требует понимания человека как высшей ценности, а значит, личность будущего специалиста юридического труда должна органично сочетать в себе приоритеты общечеловеческих ценностей и высокое профессиональное мастерство. Только такое синтезированное начало даст толчок к постоянному саморазвитию и самосовершенствованию личности специалиста, что обеспечит эффективное, но в то же время и творческое, выполнение им своих профессиональных задач.

В период обучения очень важно использовать навыки самостоятельной работы для формирования профессионально важных качеств будущего специалиста. Проблема самостоятельной работы отнюдь не нова. Изучением ее различных компонентов, таких как сущность, виды, организация, занимались и продолжают заниматься многие ученые. П. И. Пидкасистый определяет ее «как средство организации и выполнения определенной деятельности в соответствии с поставленной целью» [1, с. 43]. В. П. Стрезиконин дифференцирует самостоятельную работу по источникам знаний и методам [2]. Однако сегодня еще недостаточно уделяется должного внимания данному виду работы, а зачастую присутствует и формальный подход к его организации. Причин этому можно отметить несколько: это и недостаточное научное обоснование педагогических подходов, и слабое взаимодействие преподавателя и студента, а зачастую и отсутствие мотивации у последнего. Все это требует активизации поиска и внедрения в учебный процесс высших учебных заведений России педагогических технологий, обеспечивающих формирование навыков СРС (самостоятельной работы студентов).

Различным аспектам самостоятельной деятельности посвящены многочисленные научные исследования различных ученых (И. В. Биочинский, К. Я. Вазина, А. А. Вербицкий, Л. Г. Вяткин, С. М. Годник, А. Т. Иваницкий, И. А. Костенко, В. С. Листенгартен, Е. И. Мещерякова, Г. П. Никитина и др.)

В статье мы рассматриваем организацию самостоятельной работы как одну из основ профессионального становления личности будущего специалиста, считая ее важным позитивным фактором его профессиональной надежности.

На сегодня нет четкого определения понятия «профессиональная надежность». Термин «надежность» в справочных источниках рассматривается как «комплексное свойство, включающее безотказность, долговечность, сохраняемость, работоспособность, логично сопряженный с термином «надежный», что означает «прочный, верный, внушающий доверие (полное), обеспечивающий достижение цели, уверенный» [3, с. 343]. Существует и другая трактовка понятия «надежность»: «1. Очень общее значение – характеристика чего-либо, заслуживающего доверие. 2. При оценке личности – характеристика заслуживающего доверия человека: надежный человек – это ответственный человек, тот, на кого можно положиться» [4, с. 475]. В современных словарях и справочниках понятие «надежность» рассматривается только лишь через призму отношений системы «человек – машина», но для профессиональной деятельности юриста такой подход не приемлем. Профессиональная деятельность юриста относится к системе «человек – человек», поэтому мы считаем, что профессиональную надежность следует рассматривать как многогранное образование. Мы предполагаем, что понятие профессио-

нальной надежности применительно к системе «человек – человек» можно сформулировать следующим образом: это совокупность необходимых и достаточных психических образований, включенных в процесс деятельности, обеспечивающая эффективность функционирования той системы, в которую вовлечена конкретная деятельность.

Уровень профессиональной надежности юриста в немалой степени зависит от того, насколько у него сформированы умения и навыки самостоятельной работы.

Формирование навыков СРС высших учебных заведений предполагает не только традиционные формы обучения, но и наличие инновационных технологий, которые позволили бы перейти от понятийного подхода в обучении к творческому овладению знаниями. Только в этом случае обучение будущих юристов будет отвечать приоритетным направлениям образования. Безусловно, это потребует определенных усилий и от профессорско-преподавательского состава в части поиска новых технологий, создания оптимальных условий для эффективной организации самостоятельной работы, основанной на современных методиках. Осваивая навыки самостоятельной работы, студенты формируют умение планировать свою деятельность, оценивать и прогнозировать ее результаты с профессионально значимых позиций. В данном виде деятельности у студентов формируется системное научное мышление, развивается творческий потенциал, возникает желание самообучения и, как следствие, саморазвитие личности. Овладение навыками самостоятельной работы позволит успешно развивать и совершенствовать способности каждого студента к самостоятельному приобретению новых знаний, умений и навыков не только в период обучения в образовательном учреждении, но и в дальнейшей профессиональной деятельности.

Самостоятельная работа выполняет познавательную, обучающую и воспитывающую функции, т.е. расширяет и углубляет полученные на занятиях знания, развивает умения и навыки, воспитывает самостоятельность, творчество, убежденность. Психолого-педагогический фактор предполагает учет психологических качеств, необходимых для плодотворного осуществления СРС, а также воспитание социально-личностных качеств, необходимых для этой работы. В число последних включается и приобретенная способность к самосовершенствованию путем вполне определенного отбора, переработки и усвоения информации. Такая деятельность субъекта обучения требует наличия соответствующих качеств. Важнейшими из них являются познавательная самостоятельность, т.е. стремление и умение своими силами овладеть знаниями и способами деятельности и применять их на практике, и интеллектуальная активность, т.е. потребность знать как можно больше в сфере своей специальности. В процессе самостоятельной работы совершенствуются профессионально важные качества личности. Положительно мотивированная и организованная СРС способствует воспитанию волевых свойств личности, а также развивает мышление, память, внимание, способности.

Характеристика понятия «самостоятельная работа», а также определение факторов, от которых зависит ее управление со стороны преподавателя, позволяют сделать некоторые выводы, имеющие характер практических рекомендаций. Самостоятельная работа должна осуществляться студентами как познавательная деятельность, стать средством развития таких личностных

качеств, как самостоятельность, активность, формировать творческое отношение к воспринимаемой информации.

Основной задачей высшей школы является подготовка качественного специалиста, всесторонне развитой личности, способной грамотно и объективно решать профессиональные задачи на любом рабочем месте. Поэтому обучающиеся должны повседневно заниматься самообразованием с помощью сформированных умений и навыков самостоятельной работы.

Эту потребность к самостоятельной работе необходимо воспитывать с первых дней обучения в вузе.

Формирование профессиональной надежности юриста неразрывно связано с активизацией познавательной деятельности студента – одной из актуальных проблем высшей школы на современном этапе. Вуз призван готовить творчески работающих специалистов, формировать у них высокий уровень научного мышления, умение ориентироваться в поступающей информации. Чем больше творческого начала в учебно-познавательной деятельности студента, тем выше уровень его познавательной самостоятельности. Превращение знаний в глубокие личные убеждения – главное назначение СРС и одна из ступенек на пути становления профессиональной надежности юриста. Известный русский демократ Д. И. Писарев говорил: «Готовых убеждений нельзя ни выпросить у добрых знакомых, ни купить в книжной лавке. Их надо выработать процессом собственного мышления, которое непременно должно совершаться самостоятельно в нашей собственной голове» [5]. Результативность СРС зависит от общей и профессиональной направленности личности обучающегося, его характера и способностей. Следовательно, управление СРС – это прежде всего воздействие на личность каждого из них, формирование соответствующих мотивов, установок, использование определенных средств и приемов активизации познавательной деятельности.

СРС в настоящее время рассматривается как увеличивающаяся компонента учения, которая должна переходить в самообразование, сопровождающее специалиста на всем протяжении его профессиональной деятельности. Заложив и развив у обучающихся умение самостоятельно работать, высшие учебные заведения выполняют свою задачу подготовки профессионально и творчески работающего специалиста.

Таким образом, навыки самостоятельной работы обеспечивают более полное, глубокое и творческое усвоение специальных, соответствующих профилю подготовки, знаний, что в свою очередь является одним из составляемых формирования профессиональной надежности юриста.

Список литературы

1. **Пидкасистый, П. И.** Самостоятельная деятельность учащихся / П. И. Пидкасистый. – М. : Педагогика, 1972. – 183 с.
2. **Стрезиконин, В. П.** Организация процесса обучения в школе / В. П. Стрезиконин. – М. : Просвещение, 1968. – 210 с.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1986. – Т. 2.
4. Большой толковый словарь : в 2 т. / под ред. А. Ребера. – М., 2003. – Т. 1.
5. **Писарев, Д. И.** Сочинения : в 4 т. / Д. И. Писарев. – М. : Мысль, 1956. – Т. 4.

Лабутина Елена Вадимовна

преподаватель, кафедра юридической психологии и педагогики, Нижегородская академия МВД России; аспирант, Волжский государственный инженерно-педагогический университет

Labutina Elena Vadimovna

Lecturer, sub-department of juridical psychology and pedagogy, Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, postgraduate, Volga State Engineering and Pedagogical University

E-mail: labutinamvd@mail.ru

УДК 378.126

Лабутина, Е. В.

Формирование профессиональной надежности будущих юристов в процессе вузовской подготовки / Е. В. Лабутина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 178–183.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, философии, филологии, педагогики, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows версий не выше 2003.

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru, дискета 3,5", CD-диск) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах.

Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Тип файла в электронном виде – RTF.

Статья **обязательно** должна сопровождаться индексом УДК, краткой аннотацией и ключевыми словами **на русском и английском языках**.

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. В списке указывается:

- для книг – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц;
- для журнальных статей, сборников трудов – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, выпуск, страницы;
- для материалов конференций – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание наименования программы, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

К материалам статьи **должна** прилагаться информация для заполнения учетного листа автора: фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны (желательно сотовые), e-mail.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и доредакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.